

Кировское областное отделение Международного общественного фонда
«Российский фонд мира»

Совместная научная лаборатория «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе»
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
и Вятского государственного университета

Этнокультурное наследие стран и регионов
Том 24

Материалы по истории и культуре старообрядчества на страницах журнала «Живая старина»

Учебно-методическое пособие — хрестоматия

Составитель И. Ю. Трушкова

Учебное электронное издание

в рамках проекта № 18-1-001896 Фонда Президентских грантов на тему:
«Книги, культура, родина» (русские культурные традиции в России
и у соотечественников за рубежом)»

Киров
Аверс
2019

ББК [Т529(235)–77+Э37281](07)
УДК [39/5)+27)=82](07)
М34

Издание подготовлено в рамках проекта № 18-1-001896 Фонда Президентских грантов на тему: «Книги, культура, родина» (русские культурные традиции в России и у соотечественников за рубежом)» за 2018-2019 гг.

Рецензенты:

Рязанова С. В. – д.ф.н., ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук;
Головчанский Г. П. – к.и.н., доц. кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета

М34 **Материалы по истории и культуре старообрядчества на страницах журнала «Живая старина»** : учебно-методическое пособие – хрестоматия [Электронный ресурс] / сост. И. Ю. Трушкова. – Электрон. текстовые дан. (1 Мб). – Киров : Аверс, 2019. – 116 с. – (Этнокультурное наследие стран и регионов ; т. 24). – Систем. требования: ПК Pentium или выше ; Windows 95 или выше ; Adobe Acrobat Reader ; дисковод CD-ROM ; мышь. – ISBN 978-5-6041933-9-6

В учебно-методическом пособии – хрестоматии рассматриваются публикации из знаменитого этнографического журнала «Живая старина», посвященные разным сторонам этнокультуры и быта старообрядцев, живших на просторах Российской империи. В приложении помещен список статей по данной проблематике из восстановленного с 1994 г. журнала.

Пособие адресовано преподавателям воскресных школ в старообрядческих общинах, исследовательским кружкам, организациям соотечественников и всем историко-просветительским объединениям, работающим с культурным наследием России, а также тем, кто интересуется историей, культурой старообрядчества в России и за рубежом.

ББК [Т529(235)–77+Э37281](07)
УДК [39/5)+27)=82](07)

© Кировское областное отделение Международного общественного фонда «Российский фонд мира», 2019

© Совместная научная лаборатория «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе» Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и Вятского государственного университета, 2019

© Трушкова И. Ю., составление, 2019

ISBN 978-5-6041933-9-6

© Оформление. ООО «Издательство «Аверс», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Трушкова И. Ю. Публикации о культуре и быте старообрядцев на страницах «Живой старины» в период 1890-1916 гг. 4

Тексты публикаций

Заговоры донских казаков (Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А. О. Бычкову). Сообщ. Л. Н. Майков // ЖС, 1891, Вып. 3..... 9

Докучаев-Басков А. Раскол в Каргопольском крае // ЖС, 1892, Вып. 2. ... 11

Смирнов Я. И. Из поездки по Малой Азии. У Некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-абадскаго санджака, Конийского Вилайета // ЖС, 1896, Вып. 1. 22

Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре // ЖС, 1901, Вып. 3-4..... 46

Ончуков Н. Старина и старообрядцы. (Поездка в Поморье и Заонежье) // ЖС, 1905, Вып. 3-5. 63

Абрамов И. С. Старообрядцы на Ветке (этнографический очерк) // ЖС, 1907, Вып. 3..... 81

Методические материалы

Статьи об истории и культуре старообрядцев на страницах «Живой старины» с 1994 г. 112

ВВЕДЕНИЕ

Трушкова И. Ю. Публикации о культуре и быте старообрядцев на страницах «Живой старины» в период 1890-1916 гг.

Трушкова И. Ю. — д.и.н., проф., зав. совместной научной лабораторией «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе» Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и Вятского государственного университета; председатель правления Кировского областного отделения Международного общественного фонда «Российский фонд мира»

Россия — самая многонациональная страна в мире. Этнографическая наука в ней имеет солидную историю, опыт и результаты исследования. Еще в XIX в. сложилась отечественная этнографическая школа, которая весьма объективно проводила научные теоретические и прикладные исследования. «Пытаться подвести общие итоги развития русской дореволюционной этнографической науки — нелегкая задача. Достижения ее были велики. Все больше и больше было публикаций фактического материала, различных записей, текстов; при этом научное качество их становилось в большинстве случаев выше. Краеведческая стационарная собирательская работа дополнялась научными экспедициями. Направление интересов делалось более разнообразным... Уже появились немалочисленные кадры хорошо подготовленных исследователей... Достижения русской этнографии в начале XX в. во многом превосходили то, что делалось в этой области в большинстве зарубежных стран» (Токарев С. А. История русской этнографии. — М., Институт русской цивилизации, 2015. — С. 619-620). Закономерно, что в Российской империи еще во второй половине XIX в. стала необходимой и началась большая просветительская работа в сфере этнографии.

Рупорами этого просвещения стали научные и научно-популярные журналы. Среди них особое место занимает научный журнал при Русском географическом обществе «Живая старина». Известно, что он выходил в 1890-1916 гг. в Петербурге четыре раза в год. В программной статье первого Выпуска за 1890 г. журнал был представлен в качестве издания, «посвященного народоведению России и соплеменных ей стран», проблемам «антропологии, этнографии, исторической географии и этнологии России и соплеменных... народов» (1890, Вып. 1. С. III).

Основное внимание в публикациях журнала уделялось этнографии и фольклору народов, населявших Российскую империю, периодически появлялись статьи о зарубежных народах. Подробно рассматривались быт и материальная куль-

тура народов (семейный уклад, хозяйство, жилища, одежда и т.д.). Журнал публиковал отчёты об этнографических экспедициях, программы сбора этнографических сведений.

Кроме статей исследовательского характера, в «Живой старине» публиковались отчеты и описания этнографических экспедиций, программы для собирания материалов по этнографии. Журнал объединил вокруг себя крупных ученых. Основной круг авторов складывался из провинциальных корреспондентов РГО. На страницах «Живой старины» печатались статьи с этнографическими, экономическими и статистическими характеристиками русского населения различных регионов страны. Сыграл известную роль в развитии русской этнографической науки.

Яркой темой в «Живой старине» стали этнографические описания старообрядческих общин. Среди них (в хронологическом порядке):

1. Заговоры донских казаков (Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А. О. Бычкову). Сообщ. Л. Н. Майков // ЖС, 1891, Вып. 3. – С. 135-136.

2. Докучаев-Басков А. Раскол в Каргопольском крае // ЖС, 1892, Вып. 2. – С. 154-162.

3. Смирнов Я. И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-абадскаго санджака, Конийского Вилайета // ЖС, 1896, Вып. 1. – С. 3-31.

4. Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре // ЖС, 1901, т. 12, Вып. 3-4. – С. 434-452.

5. Ончуков Н. Старина и старообрядцы. (Поездка в Поморье и Заонежье) // ЖС, 1905, Вып. 3-4. – С. 271-289.

6. Абрамов И. С. Старообрядцы на Ветке. (Этнографический очерк). Бегство старообрядцев за польский рубеж и основание Ветки на реке Соже // ЖС, 1907, Вып. 3. – С. 115-148.

«Классические» этнографические описания старообрядческих общин как этноконфессиональных групп населения не позволяли авторам экспедиционных описаний опускаться до предвзятого отношения и критики староверов, коими пестрили речи и публикации приверженцев официального православия. Вместо извечной критики, ругательных названий и увещеваний в адрес приверженцев древлего благочестия, авторы этнографических отчетов оставили ценные, достаточно объективные описания культуры и повседневного быта староверов, прекрасные зарисовки культурного ландшафта, иноэтнического и иноконфессионального окружения и т.д.

Публикация «Заговоры донских казаков (Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А. О. Бычкову) по сообщению Л. Н. Майкова» может расцениваться как источник по духовной культуре и предыстории казачества, среди которого было немало староверов, с их яркой, неповторимой этнокультурой.

Публикация А. Докучаева-Баскова «Раскол в Каргопольском крае» содержит ноты, если не уважения к староверам, то жалости и печали о том, что им приходилось переносить такие жестокие притеснения, вплоть до доведения до самоожжений. «...Но и эти немногие саможигания были тогда уже, когда иступились мечи мучителей, устали руки кнудодержателей, именно в раннее царствование Елизаветы, давшей некоторую отраду заблуждавшимся... Но до нее положение притесняемых, по причине разных настрачиваний со стороны слишком уж усердных проповедников, орудующих, вместо слова увещания — разъяснения, петлями, кнутами, срубам, дыбам и хомутами, было совершенно безысходное...», — пишет А. Докучаев-Басков.

Следует отметить, что некоторые поверхностные характеристики старообрядчества и в XIX, и в XX вв. воспроизводят оскорбительные выводы о «мракобесии» поборников православия, принятого князем Владимиром; мол, не гуманно было идти на костры, а лучше бы смириться с никоновыми «перестройками» и сохранить неотобранными царскими войсками запасы хлеба на зиму, свои избы от сожжения и т.д. Но взгляд «изнутри» смещает акценты — сохранению «веры отеческой» противопоставлялись именно самые жестокие альтернативы — самоожжения. Высокая степень приверженности православию в его изначальном виде, безусловно, включала и понятие о великом грехе самоубийства, и сами на «гари» приверженцы древнего благочестия, разумеется, никогда бы не пошли. Сила жестокости тогдашних властей как раз и проявлялась в тех крайне изощренных гонениях и травле, которые доводили верующих до такого исхода, что со стороны простых людей могло восприниматься и как повдиг во имя спасения/непоругания веры дедов и прадедов.

Полная конкретных деталей статья Я. И. Смирнова «Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-абадского санджака, Конийского Вилайета» представляется образом историко-этнографического описания быта казачества, воспроизводившего свою этнокультуру вне пределов Родины. Показательными являются описания культурного ландшафта, посланий, хозяйства и быта. Красочные образы казаков и их соседей — турков, микродетали при описании отношений между людьми, приспособления к жаркому климату, занятия рыболовством — все это делает статью Я. И. Смирнова востребованной при компаративистских исследованиях.

Известными являются статьи Н. Е. Ончукова. Первая публикация — «О расколе на низовой Печоре» — посвящена анализу его поездки, в том числе и в знаменитую Усть-Цыльму. Не отвергая официального, не всегда объективного отношения к староверам, путешественник все-таки заключал: «Вообще усть-цылемы удивительно общительный народ, и, несмотря на свое религиозное убеждение, что большой грех иметь дело с никонианами, и даже, несмотря на весьма понятное и легко объяснимое многими историческими обстоятельствами опасение постороннего, да еще приехавшего из Петербурга человека, усть-

цылемы очень охотно, без усиленных просьб, как на Вишере, рассказывали или пели мне свои былины». Объективные этнографические исследования уравнивали негативное, «конкретное» восприятие старообрядцев «новообрядческим» окружением.

Другая статья Н. Ончукова на страницах «Живой старины» именуется «Старина и старообрядцы: (Поездка в Поморье и Заонежье)» и отражает впечатления фольклориста от поездок по Русскому Северу. Известно, что кроме описаний этнографии и быта, автор делает несколько ценных замечаний о «методах» сбора сведений о старине и предметов этой старины, в том числе — и в округах розоренных монастырей: «...Как только выяснилась выгодность антикварного дела, скупщики старины потоком хлынули на разоренную обитель и вывозили все, что было хотя сколько-нибудь ценно. И все-таки теперь, не смотря на все это, не говоря уже о церквах и часовнях, во всяком мало-мальски зажиточном доме иногда находится целая коллекция прекрасных, часто униженных жемчугом икон, настоящей стоимости которых владельцы иногда даже и не подозревают, а только почти инстинктивно, до последней возможности стараются не продавать их, как материнское или отцовское благословение, или потому, что это «досюльщина», «даниловщина», которую по-старому очень уважают и ценят. В Заонежье, в Поморье, на Печоре и вообще есть убеждение, что «божество», т.е. иконы не следует продавать — это «последнее дело», т.е. прибегать к продаже икон допустимо только в случаях отчаянной нужды». Это утверждение соотносится со следующим замечанием: «...Зато на эту тему очень определенно говорит Майков... Его долго не допускали осмотреть рукописи архиерейского дома, требовали удостоверения в личности, расписки, подписки и пр. а когда в библиотеку все-таки допустили, то просили «не воровать книг». Странную на первый взгляд просьбу Майков объясняет тем, что «прежние исследователи достаточно уже исчерпали этот источник», «так недавно один ученый муж, занимавшийся в той же библиотеке, потихоньку увез несколько крайне интересных рукописей». Впрочем, осуждавший такой образ действий «господ экспертов от науки», Майков и сам сделал то же, только явно: на той же странице он говорит: «благодаря разным вспомогательным мерам со стороны некоторых лиц, мы получили, наконец, возможность заняться поподробнее на досуге тем интересным апокрифическим материалом, который удалось «нам разыскать в Архиерейской библиотеке» т. е. попросту говоря: удалось увезти рукописи домой.

В самое последнее время, известно нам, выголексинская библиотека еще раз весьма основательно «исследована»... А библиотека эта, в ее первоначальном виде, тогда еще, когда она хранилась в Данилове и на Лексе, была в полном смысле замечательна. Она была так богата, что было время, когда едва ли можно было видеть где-либо еще такую же...». Как видно, духовный подвиг старообрядцев во имя сохранения русской культуры и сохранения/спасения книг и других вещей, на протяжении не одного века состоял и в том, чтоб не дать рас-

пылить и оторвать от прямых носителей культуры религиозных предметов, максимально ценных в их «родной» обстановке.

И. Абрамов в очерке «Старообрядцы на Ветке» достаточно детально описал одежду, промыслы, говор местных старообрядцев, их уставщиков, келейниц-мастериц, привел тексты духовных стихов. Описания быта у него реалистичны, выявляется не столь негативное восприятие староверия, без почти обязательной ругани, идущей, как правило, со стороны священников официального православия. Яркими предстают образы староверов, и персональные, и коллективные. Показательно, что у автора имеются и некоторые сравнения с новообрядцами. «Классическими» видятся разделы об этноэкономике, поселениях и жилищах, одежде, праздниках, тексты духовных стихов и песен.

С некоторой долей переработки, анализа все приведенные этнографические материалы конца XIX — начала XX вв., напечатанные в журнале «Живая старина», можно использовать и в наши дни.

Символично, что в 1994 году выпуск журнала «Живая старина» был возобновлен в Москве в рамках деятельности Государственного республиканского центра русского фольклора. Главным редактором обновленной «Живой старины» стал академик Н. И. Толстой, филолог-славист. После его смерти в 1996 году главным редактором журнала стал доктор филологических наук С. Ю. Неклюдов. Журнал также выходит четыре раза в год и публикует статьи по фольклору, этнографии, традиционной народной культуре, материалы фольклорно-этнографических экспедиций, знакомит читателей с новейшими исследованиями по русской и славянской духовной культуре и изданиями, отражающими эту тематику (www.folkcentr.ru).

Все вышесказанное относилось к содержанию ценных этнографических материалов по культуре старообрядчества, возможности его современного осмысления.

Говоря о формах работы с представленными источниками по этноконфессиональной тематике, следует отметить довольно широкую палитру этих форм. Прежде всего, они могли быть полезны в широком просвещении богатой, содержательной и многогранной культуре русского народа в разных регионах необъятной России и за ее пределами. Во имя правдивого восприятия и уважительного отношения к той части русского народа, которая сохранила и ныне сохраняет традиционные ценности достаточно полно.

Кроме того, материалы данного сборника можно использовать в исследовательской работе молодежи, работе воскресных школ и кружков при них, знакомстве с родной культурой в разных регионах России и зарубежья, для сравнений при написании докладов о своей родословной, а также при устройстве выставок, проведении внеурочных мероприятий и т.д. и т.п. — нет пределов и замков в деле сохранения и передачи последующим поколениям света и святости отеческой культуры.

Тексты публикаций

Заговоры донских казаков

(Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А. О. Бычкову). Сообщ. Л. Н. Майков // ЖС, 1891, Вып. 3.

Пущается раб Божий в чистое поле, в зеленую камору. Принимает раба Божия сам Господь Иисус Христос с ангелами своими, архангелами и со всею силою небесною; ведет раба Божия сам Господь Иисус Христос к своему столу, Господню престолу, к Деве Марии пресвятой Богородицы; наряжает раба Божия сам Господь Иисус Христос в тридевять руб медных, под тридевять дел, от тридевять смертей напрасленных, от свинцу и от оружия селетраного, от царя кремня огня, от востра булатного, от иленевой стрелы; запирает раба Божия он Господь Иисус Христос, своими небесными воротами от тридевять дел, от тридевять смертей напрасленных; замыкает раба Божия сам Господь Иисус Христос, своими замками; берет свои ключи сам Господь Иисус Христос, несет к своему столу Господню, кладет на свой стол, Господней престол, и рече Господь еретникам: «Сходитесь на киян-море, выпейте море-киян, осушите латарь-камень, подойдите к столу, Господню престолу, возьмите ключи мои, отворите тридесять ворот!» Рече ему еретники: «Не можем мы выпить окиян-море, не можем мы отворить ворот!» Рече им Господь: «Еретники, когда вы не сходите на окиян-море и не выпьете, не подойдете к столу Господню и не порудите веру христианскую и разрушите евангельскую святую заповедь до веку вечно!»

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков аминь. Выйду на гору Господа нашего Иисуса Христа, облекусь облаки и покрываюсь ризою пречистыя Богородицы. Около меня, раба Божия (имярек), стоит град каменной Вифлеем. Породила еси, пречистая Богородица, Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, и святой Михаил архангел и прочих небесных сил, архангелов, ангелов, херувим и серафим, апостолов, пророков, мучеников, святителей преподобных. И заговорить меня, раба Божия (имярек), от тысячи луков, от тысячи пушечных ядер, от тысячи пищалей, от тысячи мушкетов, от тысячи самопалов, от тысячи картузов, от тысячи пар пистолей и от всяких пулек железных, свинцовых, от оловянных, от медных и от всякаго оружия, от сабельнаго и от бердыша, от копья и от рогатины, и от ножа, и от топора, и от теслы, к от скобелей, и от серпа, и от жила, и от долота, и от иглы, и от бисеру, и от жемчугу, и от золота, и от серы, и от земли, и от всякаго железа деланного и неделанного, и от всякой кости деланной и неделанной, и от всяких

стрел, деланной и березовой, и от липовых, и от чинаровых, и от жимолостных, и от всякаго древа деланнаго и неделаннаго. Иду я, раб Божий (имрек), против своих недругов и супостатов, против огненнаго и неогненнаго, и они все помраченные, аки прах пред лицом ветра, нечист люд от Татар и от Литвы, и от Немец, и от Турок, и от Калмыков, и от Чувашей, и от Черемис, и от Мордвы, и от попа, и от диакона, и от чернца, и от старицы, и от рабы, и от девки, и от всяких иноземец, и от колдунов, и от колдуниц, и от еретиков, и от еретиц, и от девиц, и от молодежи. И как воскрес истинный Христос, и возрадовалися светлому Христову воскресению все небесныя силы, ангел и архангела, херувими и серафими, и как Христос сошел во ад преисподний и раззори врата адовы и врага нашего и супостата посрами и того лицо, и тако мои враги и супостаты посрамятся и убоятся всегда, ныне и присно, и во веки веков аминь.

Есть море-окиян; на том море-окияне стоит столб, на том столбе стоит царь, высота его с земли и до небеси, и от востока и до запада, и от юга и до севера; и тому ж замолвить и заповедует своим языком всякому железу овому и неовому святыи мученик Христов Мина Минуй, и всякому страж во страны преподобный Тихон. Утиши всякое стрелянье встречу, святыи евангелист Христов Лука, неверных людей, моих супостатов! Падите, железа, в свою мать-землю! Ты же, береза, в свою ж мать-землю, а вы, перья, в свою птицу пернату, а птица в боит и в сыню (?), а рыба в море — от меня, раба Божия (имярека), всегда, ныне и присно и вовеки веков аминь.

Есть четыре евангелиста: Марка, Лука, Матвей, Иоанн. Ангелы, сходите с небеси, снесите на землю замок со всех четырех сторон — от востока и до запада, от юга и до севера, замыкайте во мне, рабе Божьем (имярек). Будьте, мои слова, крепки на мне! Закиньте ключи в окиян-море под бел камень-алатарь: никому тамо замка не отомкнуть всегда, ныне и присно и вовеки веков, аминь.

Господи, благослови, Отче! Се аз, раб Божий (имярек), ограждаюсь солнцем во вся, покрываюсь облаками от земли и до небеси. Стань около раба Божия град каменной Вифлеем! В том граде породила пречистая Богородица Господа Бога нашего Иисуса Христа и святых ангел и архангел Михаила, Гавриила, и святых преподобных отец Феодосия. Помилуйте меня, раба Божия (имярек), и моего коня обороните на все четыре стороны своим скипетром железным; не дадут меня, раба Божия (имярек), иноплеменникам и лихим людям стреляти, копием, саблей и ножом колоти и сетчи сикерою, ни древянною ударити, служеника своего, раба Божия (имярек) святого Александр Македонскаго, ни стару, ни младу, не чернолицу, ни белу, ни сиру, раба Божия (имярек), и по сих пернатором (sic) свершешем и утвержденном во веки аминь.

Пойдешь на дело против неверных и своих супостатов, то не утрашись, подвяди чернаго, зеленаго, лазореваго шелков гайтан, да на крест положи воску ярого, а концы у шелков сохрани под правую пазуху.

Сообщ. Л. Н. Майков

**Докучаев-Басков А. Раскол в Каргопольском крае
// ЖС, 1892, Вып. 2.**

Ты гуди-ко, мой звучен голос!
Позвончее ты вызванивай!
Погрохчее выговаривай!
(Народная поэзия. Причеты).

Реликая была беда каргопольскому населению в начале XVII века (1612–1619 гг.) от нахлынувших на край его разбойников, которые, обирая животы (имущество), не щадили жизни обывателей, ругаясь над всем, что было дорого и свято сердцу Русского... Но та беда была вещественная, так сказать телесная... Она не отнимала у темного народа его не многих верований, перемешанных с суеверием, освященных веками да тьмой невежества... И, как ни надругались над ним и некрещеная «Татарва», и папистская Литва, и не только над народом, но и над Св. храмами и иконами¹, все-таки не посягали они отнять у него веру «крестьянскую», — а навязать свою «басурманскую», иль римскую-латинскую... по крайней мере, не встречается тому доказательств...

Прошло с тех пор почти полвека: позажили раны нестерпимые, поизгладилась из памяти раздирающие картины прошлого, как вдруг — неожиданно, негаданно понагрязнула беда новая, несравненно больше прежняя, из той ли Москвы да белокаменной, вместе с ссыльным Павлом Коломенским (сосланным в Олонец, после собора 1654 г.)... Первая беда продолжалась 3 года, по местам затянувшись лет на 9, когда били, мучили, убивали и грабили безнаказанно, но и без согласия и ведома Московских властей²; вторая же беда продолжилась повсеместно почти на целую сотню лет, также ни щадя ни пола, ни возраста... но уже с приказа Москвы белокаменной... Как огненная река бурным потоком, мгновенно пронеслась она из края в край; и вдаль, и в ширь — во все стороны, с треском, шумом лютостью зельною зажгла-запалила, не леса, дома и селения, а чуткие сердца человеческие, забралась она и в хоромы богатая и в хижины убогие, навела печаль, иссушила мозг, ввела в думушку тяжелую... Не было, кажется, такой хоромины, где бы не думали, да думы крепкие, о новой яко бы вере и книгах Никона — того самого, что недавно шел от моря, с мощами Филиппа угодника (в 1652 г.)... Они сами его видели... Все были заняты такими мыслями

¹ См. мою «Историю Челмонской пустыни», в «Христианск. Чтении». 1889 г. № 7-8, стр. 229-230.

² Там же.

печальными — чернецы и настоятели, попы, крестьяне и купечество... — Между тем Соловецкие белые иноки не зевали: ловили рыбку в мутной воде, подливая масла в огонь — распространяя всюду пожарище... Своими вкрадчивыми речами и доводами они всех сводили с разума, — чему служить доказательством и челобитные их соловецких собратьев... Стара вера, говорят, переменена; новы книги, говорят, перепорчены... Но беда мнимых и действительных нововведений была еще тем более невыносимою и ужасною, что шествовала со всеми ужасами мучений, казней, ссылок. Вдруг отнимали у человека все, не только его имущество, родину, но даже — жизнь, а с нею вместе и верования, чего не было и при лжедмитриях. Не имея ни малейшего понятия отличить важное от ничтожного: догмат от обряда, обязательность заповеди Евангелия от какого-либо хождения по-солонь, предки наши и, даже лучшие из них, пришли в ужас от бросающихся в глаза якобы новшеств... Более шести с половиною веков — думали и говорили они — благочестивые россияне читали, пели-молились по книгам письменным, не подозревая искажений и, вдруг такая новость ужасная: те книги, говорить, перепорчены... Да и новые, оказывалась с изъянцем... (Даже современные каноники киевской печати разногласят, в некоторых словах, с московскими... Это мы можем доказать)... Ничем необъяснимая и неоправдываемая поспешность печатания новых, при Никоне, книг, с различными разночтениями, и с согласными с теми же Никоновыми книгами, вышедшими раньше или после — невольно наводила на размышления самых рассудительных людей, что в свое время указано знаменитыми поморскими ответами, и повторено, в последнее время, в некоторых духовных изданиях. А тут, как нарочно, те немногие пастыри, знавшие суть дела, не хотели с христианскою кротостью объяснять пасомым этих разностей... При этом замечательно, что почти все обличители раскола, древнейшие, начиная с составителей «Жезла» — этого первого обличительного акта, и позднейшие (за исключением, конечно, новейших), как бы сговорившись, в обличениях своих врагов так называемых «старообрядцев», употребляли ругательные слова, — что служило только к большему ожесточению последних, а уже никак не к вразумлению... Некоторые же из пастырей так и ругались то не по-церковному, а чисто по-площадному... Чтоб не обвинили нас в голословности, указываем «Обличение неправды раскольнической» («Поморских ответов») Феофилакта Тверского, в коем встречаются между прочими, следующие слова: «на прельщение русского, варварского грубого народа»¹. Да и во многих местах тяжело обзывается русский народ, в роде: «дураки, русаки невежды, русак», что весьма оскорбительно для народного чувства!.. Епископ, как истый малоросс, ко всему великорусскому дышал ненавистью и презрением, находя, вероятно, умницами латинян, Хохлов, да лукавых Греков и, не хотя вникнуть в ширь и глубь отеческих писаний, огра-

¹ Лист 18, на обор.

ничивался верхоглядством да выходками, в роде: «Пропади, плут!»¹. О старонареченных книгах выразился: «то от русских старогадских и старопечатных книг взято»². Возмутительнее сего обличения мы не встречали. Почти первым из русских пастырей заговорил с заблуждающими языком кротости Платон, митрополит московский, в своем «Увещании к Раскольникам», 1765 г., т. е. почти ровно 100 спустя после возникновения раскола... Хотя раньше его и говорил несколько смягченным тоном Питирим, епископ Нижегородский, в своей «Пращице», как сам вышедши из раскольнического заблуждения... И так пастыри — меньшинство — не хотело с христианскою кротостью объяснять пасомым книжных разностей, большинство же и само ничего в них не смыслило и, почти все они, как истые наемники вместо слова увещания, схватились — конечно посредством гражданской власти — за цепи, кнут и мучения, ссылки, казни; срубы огнены... и этими противохристианскими, варварскими, бесчеловечными мерами мечтали прекратить отпадение от Церкви... Опять без причины потоком полилась кровь русская христианская от своих же собратьев и пастырей, обязанных душу полагать за овец своих, и обагрила стогны градския и дремучие леса непроходимые... «О немилостивого лияния крове! — говорит олонецкий раскольнический писатель — не к тому проповедашеся восточный закон благодатный, но западный — ратный. Всюду бо мучительства меч, обагранный кровью неповинною... видяшеса; всюду плач, и вопль, я стонаше; вся темницы во градех и в селех наполнишася христиан... Везде чени бряцаху, везде вериги звеняху, везде тряски и хомуты Никонову учению служаху, везде бичи и жезлие в крови исповеднической повседневно омочахуся. Проповедницы Никоновых новин ярости и гневом и мучительством, вместо кроткого духа, дыхаху: биением и ранами, а не благодатью Христовою увещеваху, лукавством и коварством злобным, а не апостольским смирением к вере своей привождаху. И от такового насильствованного лютого мучительства облияхуся вся гради кровью, утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плачи и в стонании пустыни и дебри... Они мечи усекаемы, они же огнем сожигаемы, и иные инако скончаеваемы, чего ради?»³ — вопрошает «старообрядец». — Да ради обрядов — отвечаем мы — маловажность и изменение которых сознавали сами гонители — по крайней мере, некоторые из них — однако не хотели уступить... «Новое убо есть учение Никоново — говорит в другом месте

¹ Лист 23, на обор.

² Лист 33, на обор. Или вот еще цветочек: В рассуждении 5-м «О св. Иконах, ст. 20, показаша 1-м поморцы ссылаются на Патриарха Иоакима, запрещающего латинских переводов иконы писать: Богородицу с непокровенною главою, Феофилакт на 21-м листе отвечает: «Иоаким патриарх московский, будь он таковой завет напяха, явно себе покааал ревнителем русских деревенских мужичьих забобонов, по которым жене мужатой не возможно ни к кому явиться непокровенною главою, и тем не доволен, захотел еще и Божия Матерь тому же деревенскому мужичью закону подчинити и писать ее образ по подобию русских бабищ. Разве не ведал, что Богородица не российской породы была»... Но и Феофилакт в запальчивости своей забыл, что эти «забобоны уставили но «дураки русаки», а еще апостол Павел и вероятно на основании обычая, существовавшего у Евреев...

Ив. Филиппов — сего ради и нрав учителей новый, не словом бо, солию растворенным по Апостолу, поучают, но мечем острым и блещущимся... И бысть тогда лютое гонение и не милостивое неповинных мучительство. Всюду плач, вопль и стонание слышашееся и на всякой душе страх и колебание, и ужас. От лютого гонения и мучительства мнози людае, дома своя покидающе, бегаху».¹ Из бежавших каргопольцев известны: посадский человек Василий Быков, в раскольническом иночестве — Варлаам, из поселян: Ловзунскаго прих., чернец Иосиф², Кенорецкаго, — д. Кузминской Григорий Андреев...³ Конечно, это только одна капля того необъятного моря, которое «побеже»...

Зато в настоящее время являются у нас такие проповедники, кои не стыдятся утверждать не наедине, а во всеуслышание, — что у нас «были только» будто бы одни «попытки (а не самые гонения) вразумления карательными мерами»... «попытки», когда замучивали в пытках, живьем сжигали в срубках, отрезали языки, гноили в земляных тюрьмах... а о ссылках, и не говорим... Не даром же выразился знаменитый Аввакум: «не по што нам ходить в Персиду мучиться... дома Вавилон нажили!».

Однако, не смотря на все ужасы мучений, казней, не было, кажется, на всем севере обители иноческой, где бы явно или тайно не сочувствовали так называемому одним «расколу», другими — «благочестию»... Мы уже не упоминаем о Соловецком монастыре, как не входившем в уезд Каргопольский, скажем только, что Каргопольского Спасского монастыря игумен Евфимий (1663-1671 гг.), служа тогда поповским старостою, благочинным по-нынешнему, был оборонителем и пристанодержателем беглых соловецких чернецов, рассыпавшихся по всему свету: «Любил же старое благочестие — говорится о нем в житии раскольнического инока Корнелия Выговского — и служил по-старому все. У него же, Евфимия, кряхуся соловецкие старцы Игнатий да Герман, иже в Палеострове сожжены быша, да старец Иосиф сожжен в Пудогге; и иных человек с во семь, все жили у Евфимия игумена, в поварной келье мало время пребыша»⁴. Эти расколоучители, конечно, знали почти все разночтения в книгах до — Никоновских (разумеется, печатных) и Никоновских и потому не опускали случая сеять свои плевелы во всей стране северной, которые прозябли, выросли и принесли сторичные плоды, продолжая свои урожаи в до настоящего времени... Так, например, о названном Игнатии говорили будто бы его противники: «Игнатий Соловецкий — сосуд, полный мудрости и нагнетен есть». Он утвердил стоять в расколе все Олонецкие и Каргопольские страны и населил жителями непроходимые пустынные выгоревшие дебри...»⁵. Один такой расколоучитель мог сделать

¹ История Выговской пустыни, Ив. Филип. стр. 25, 26, 30.

² Там же, стр. 124 — 126, 67 — 70, 74 — 76.

³ «Олонецкие Губернские Ведомости» 1878 года № 57.

⁴ Рассказы из Истории старообрядчества, издание Кожанчикова, С.-Петербург 1861 г. стр. 23-24.

⁵ Рассказы из Истории старообрядчества, стр. 146, 149. История Выговской пустыни, стр. 27.

более целой сотни попов, великороссийских, ничего по этому предмету не знавших и не делавших... В других иноческих Каргопольских обителях, например, Кодлозерской, монахи попрежнему продолжали отправлять службу по старонаречным же книгам¹. Коозерским же настоятелям так понравился раскол, что они, подобно Соловецким инокам, нашли удобным и возможным послушаться грамоты даже самого собора Московского, относительно высылки чернеца Боголепа². «Не найдут, мол, нас в лесной глуши», — вероятно, думали они. А строитель Вагомской пустыни, монах Гавриил с 15 человеками мирян подверг себя самосожжению³. Но и попы также не отставали от чернецов, тайно и явно сочувствуя расколу: в XVII веке, например, Троицкой волости поп Ив. Акимов доносил на попов — Архангельской волости Григория Самойлова и Ошевенской (Огнемского-Богоявленского) — Василия Федорова, что они, попы, укрывали раскольника Сергушку⁴. При Олонецком архиерее Игнатии, некоторые попы явно сочувствовали расколу, даже ходили в раскольнические скиты мириться, за что и ссылаемы были в монастырь, под пачал... Что же касается мирян, то можно безошибочно сказать, что почти все они, за немногими исключениями, были на стороне раскола⁵. Скажем только, что в XVII веке весьма сочувствовали расколу граждане Каргопольские. В том же житии Корнелия Выговского упоминается один из них богач Урываев, защитник этого чернеца... «Слух о покровительстве раскола в Каргополе — говорится в житии — дошел до Москвы. В Каргополь посланы были монахи Филофей и Сергей, — т. е. что-то вроде нынешних миссионеров, разница разве в том, что тогдашние миссионеры тысячного жалованья не получали и, по всей вероятности, ложных отчетов о мнимом ослаблении раскола не составляли... Филофей и Сергей, вероятно, Кожеозерские постриженники, те самые, что провожали Никона с мощами митрополита Филиппа в 1652 г.⁶, и потом жили в Челменской пустыни (в 60 верстах от Каргополя)⁷. Итак, в Каргополь посланы были два монаха Филоеей и Сергей, для увещания непокорных.

¹ См. мое описание этой пустыни в «Христианском чтении», 1885 г., № 9-10.

² См. мое же описание «Кожеозерского монастыря», в «Христианском чтении» за 1886 год № 1-2.

³ «История Выговской пуст.», стр. 76. Этот строитель был настоятелем в 1727 г. См. мое описание Елгомской пуст., в «Христ. чтении» за 1866 г., № 5-6.

⁴ Доношение 1678-1683 г. находится в архиве Каргопольского Спасского монастыря.

⁵ Да, но подумает читатель, что мы обобщаем единичный случай или преувеличиваем события... Докладательством наших доводов служат свидетели, на этот раз, достоверные — греки православные, даже если хотите — сами восточные патриархи, бывшие на Соборе 1667 г., которые выразились в своей грамоте, между прочим, и о наших архиереях, так: «Обаче, за еже во здешних страшишь великороссийского государства не обыхоша архиереи... исправляти священнические распри и прочая, учинишася толики раскольники и мятежники, и возмутиша все государство, и многии души погубиша, и в мале было не весь народ прельстили и от православной веры возвратили». Последние слова «и в мале было, но весь народ... от Православной веры возвратили», и говорят красноречиво и, конечно, в нашу пользу». (Матер., для Истор. раск. т. V, стр. 247).

⁶ Христианское чтение 1885 г. № 34 ст. прот. Николовского о перенесении мощей св. Филиппа, стр. 299.

⁷ Христианское чтение 1889 г. № 7-8, стр. 236-237.

Корнили́й держал с ними спор. Дал бы ему Бог свободен язык ко глаголению о вере. «Молчи!» — будто бы говорили ему посланные, хотя наша не права вера, да быть тому времени так... Понятно, что такие и подобные им примеры не многих могли вразумить... «Оскорбить же злобно (Корнили́я) ничем не смели, понеже обороняли и защищали его посадские, да игумен в Каргополе же¹.

Теперь посмотрим, какой получился вывод от вышеупомянутых гонений — мучений раскольников, боялись ли они мучений и, убоявшись, обратились ли в православие? Крайность всегда порождает другую крайность...

«К новинам мучительное обращение людие видяще — говорит раскольнический бытописатель — больши тех удалятися начата, не могуще камо крытися, в руке же мучителем вдатися трепетаху.. и того ради они гладом помираху, а оные в водах утаняху, от лютого того гонения и грозного мучительства... Мнози же... собирахуся... при нашествии мучителей и от их сожигахуся, а оные, от их наезду со орудием и с пушками, боящися их мучительства, сами сожигахуся...»².

Да, в эти ужасные времена гонений доводкам несчастных до исступления, хуже того — до самоубийства: самопожигания, самосожигания, и над ними же потом глумились и уверяли, что самосожигание есть плод учения старообрядцев... Конечно, есть немногие намеки как бы на самовольное самосожжение заблудших, но эти самосожжения предпринимались уже ни как не вследствие измышленного и навязанного им учения, а по обольщению некоторых проходимцев из корыстных видов, которые, обобрав имущество простодушных, не имевших доброго пастыря овец, сами всегда успевали бежать от самосожжения... Но и эти немногие самосожигания были тогда уже, когда иступились мечи мучителей, устали руки кнутодержателей, именно в раннее царствование Елизаветы, давшей некоторую отраду заблуждавшимся... Но до ней положение притесняемых, по причине разных настрашиваний со стороны слишком уж усердных проповедников, орудующих, вместо слова увещания — разъяснения, петлями, кнутами, срубам, дыбам и хомутами, было совершенно безысходное, что они и сами хорошо сознавали и что потрясало все существо их, наводя на них страх и ужас пред дальнейшим продолжением жизни их в этом мире, в коем нет ни «истины», ни правды, ни спасения от порабощения мнимому антихристу и телесных наказаний... Впереди больному, напряженному их воображению, представлялись разные муки, некоторыми из них уже испытанные, и все-таки ужасные, при одной мысли о которых волос становился дыбом, эти муки могли не только поколебать их твердость, но даже принудить отказаться от своей веры, значит, по их мнению, лишиться отрады в будущей жизни... А в ней-то и все назначение человека! Не дожидаться же, в таком случае, смерти от антихриста, после предварительных, притом тяжких мучений от ревнителей не по разуму?!

¹ Рассказы из истории Старообрядчества, стр. 23-24.

² История Выговской пустыни Ивана Филиппова, стр. 25-26.

И несчастный, невежественный народ жегся в Каргопольском уезде целыми десятками и сотнями (а в Палеостровском монастыре и Пудоже — тогда Олонецк. у. — даже тысячами)... жегся с пением псалмов, в белых погребальных одеждах, со свечами воска ярого, сами яко свечи сожигались. «...— Дыма и смрада исполнися земля русская от телес человеческих», — говорит раскольничий писатель. Се не весям и монастырям токмо адамант бе от страдальцев, но и дебри возликоваху о праведниках, послуживших Господу¹. Более совершилось самосожжений в теперешнем Повенецком уезде, но мы обязаны перечислить те из происходивших в Каргопольском уезде, которые нам известны.

Первое самосожжение, описанное Выговским историком Ив. Филипповым, было «в борах, на Пормы (две речки сего имени: одна малая, другая большая Порма, впадают в реку Воложку; последняя впадает в р. Онегу, с правой стороны) в пустыни. Бысть в собрании старец Нижегородский Андроник, «чернец» Иосиф Соловецкий, Михаил и Иоанн — некоторые мужи ревностные; с ними много народа; все около полугода были «в запоре...» «От города приехало несколько стрельцов со орудием воинским и со огненными снастями, яко же на пожарах... с понятими многолюдством и с Каргопольскими солдаты и с подъячим и обступя часового, хотяще всех живых взять... Иосиф и Андроник... бояся расхищения и от благочестия отлучения... оные же зажгашеся и от дыму падоша все ниц...» «Гонители... два или три бревна выбиша (у часовни) вон. Из огня начаша людей котогами волочити вон, и коих выволочат — водой отливаху, и они оживаху. И наволочили из огня числом 60 человек; двух старцев — Андроника и Иосифа, да молодых мужиков и девок, а достальные сгорели — Михаил и Иоанн еще со многими». Андроник же вскоре был замучен в Холмогорах, а Иосиф был застрелен 12 августа 1693 года при новом самосожжении с тысячною толпою, в Пудоге... — Второе: «В борах, на Пормы же — говорить выговский историк — жили староверцы, от Чаженьги, от монастырского Выговского завода за тридесять поприщ, оные и написаны в подушный оклад несколько душ и платили в Каргопольскую канцелярию; а под двойной оклад за староверство не положены: И за то обнесено в Каргопольскую канцелярию и из канцелярии посланы на них посыльщики с ужасом и с понятими — велено всех взять скованных в Каргополь. И эти пустынножители, убося, собралися в часовню и заперлися ко страданию. И посыльщики пришли, указ прочитали и стали говорить: «дайте нам лучших людей послать в Каргополь, к оправданию, а вы не горите». И оные, по совету и по уговору, дали им из запору числом осмь человек и взявши их скоро и послали за караулом в Каргополь; а сами около заборных поставили караул. И в запоре инок Кирилл да белец Григорий, видевше оных лукавство: еже дождавши прибавочной посылки хотят восхитити их всех и свести в Каргополь, от них не отступают. И оные в запоре, бояся расхищения и мук и от благочестия

¹ Там же.

отступления, храня древнее благочестие, зажгошася огнем, и скончашася с ними мужеска и женска пола до двух сот душ, в 1734 г. «А которых свезли — поясняет Филипов — и тех принуждали к новины своей всякими страхами и муками, и спрашивали с битьем и послали в Новгородский разряд за караулом, и в Нове граде вельми их жестоко истязали допросами и битием, и два человека преставилося, а третий старик ослеп, учал не видети, и того держаша в Богадельни за караулом. А пять человек свезли в ссылку, в дальные городы, в новостроенные, на рубеж»¹. Этот короткий рассказ красноречиво доказывает, почему именно заблуждавшиеся предпочитали самосожжение всем прочим сделкам с властями... Они хорошо знали и видели, какие ужасы ожидали их в случае сдачи в руки гонителей, и потому предпочитали лучше разом покончить, чем страдать неопределенное время, не надеясь на лучшее будущее и, в конце концов, пожалуй, еще отречься от веры, следовательно, идти на вечную муку.

«Виждь нашу беду, се бо обыдоша нас люти гонители, ищут нас всех погубил и от благочестия отлучили».

«Аще попустился в руки их — приводит в другом месте Филиппов рассуждения саможигавшихся — на муки сдаться, но боиися расхищения собранного толикаго стада, да не будет сынове погибели, ибо руки вражия мучительства и томления готовы на пролитие крови, на поругание христианства. Мы немощны и слабы, того ради и не смеем к подлежащим мукам сдаться»². «Так же после того подгига, тамо близ Моши (Мошенская волость в 120 верстах от Каргополя), в лесу, в году сожглись: 3) «Иван, пореклом Сокол, в поставленной от них храмины с тридесять шестью душами в запоре, в разговорах с гонители, единого в окне, прозванием Козлова, гонители построили и, обступив начали добиватися в хоромы, прочие же огнем скончашася за древнее благочестие». 4) «Да в 240 (1732 года), за Канакшей (сельский приход, в 141 версте, от г. Каргополя) некто муж именем Григорий, за древнее благочестие, в лесу, в построенной храмине, от нашествия жителей, с седмидесяти с пяти человеки огнем окончашася». 5) Да тамо же, подале, в пустыни, инок Гавриил, первобывый некоторого монастыря строитель» — по нашему мнению — соседней с Канакшей Елгомской пустыни, бывший строителем в 1727 г.,³ — да Ив. Корнилов, Алексей и Козьма, с двенадцатью душами, за древнее благочестие от нашествия гонителей огнем скончашася⁴. Конечно, подобных ужасных саможжений в Каргопольском уезде было не мало; но историк Ив. Филиппов, как живший вдали от Каргополя, не мог всех знать, особенно более или менее незначительных, по числу погибших жертв, записывая только более страшно — известные, — затем не мог же он записывать саможжений, бывших после его смерти... О некото-

¹ Стр. 74-75 «В Каргопольском уезде на пустом лесу».

² Стр. 69.

³ См. мое описание этой пуст., в Христианск. Чтениях за 1886 г. № 5-6.

⁴ Истор. Выговской пуст., стр. 75-76.

рых же из других самосожжений, память сохраняется только в народном предании, надмогильных холмах, в раскольнических помянниках, или, наконец, в кое-каких, случайно находимых, служебных письменных памятниках... Но должно допустить, что некоторые самосожжения исчезли из памяти народной, погребены — так сказать — общим забвением, уцелевшие еще не все известны в печати или собирателям народных преданий, наконец сведения о некоторых из них должны же находиться в наших местных архивах, как бы эти архивы малы ни были... К сожалению, наши архивы светские и монастырские мало доступны, как мы сами испытали, исследователям ... Однако передадим, что знаем. В старообрядческих помянниках записаны следующие самосожжения, совершившиеся в тогдешнем Каргопольском уезде: «Иоанна и иже с ним; Никифора и иже с ним; Аверкия и иже с ним, в Янгорах» (теперь Кудожского уезда); «Евдокии, Зиновии, Агафьи и прочих, под Каргополем, инока Филарета, Алексия, Леонтия и прочих 40, за Кемозером (озеро и приход одного имени, теперь находятся в двух уездах — Каргопольском и Пудожском); «Феодора, Василия и прочих на Кучепалде¹ (деревня в 20 верстах от Каргополя, Краснояжскаго прихода)... — И как просты эти «с прочими» и «прочих», и «иже с ним»; ни дать, ни взять помянники Грозного, в коих угрызаемый совестью царь записывал замученных им без имен, прибавляя: «их имена ты, веси, Господи». А сколько в этих простых словах горя людского, слез, крови, страдания, сколько сил погублено, да и каких сил?!.. Сколько народа, с женами и домочадцами погибло, особенно в виду самих распространителей той самой веры, которая учит любить всех, не только собственных врагов, но и врагов этой веры, — погибло того именно народа, который сжигал сам себя без остатку и, при том к видимому прискорбию начальников, не дождав поимки»...

Вот, наконец, немногие сведения о самосожжениях заблудших, происшедших, по-видимому, без всяких явных мучений или поимок, а по обольщению некоторых изуверов или проходимцев, которые, обобрав простодушных, подговаривали их к самосожжению, с тем, чтобы самим, при первом же возможном случае, скрыться, что им, всегда или нет, и удавалось...

1) «Каргопольского уезда раскольники, из крестьян (какой волости и деревни — не сказано) Зайков и Климов, бежав, в лесу построили избы и, подговоря, увели мужеска и женска полу 57 человек из крестьян же, которые... в одной избе сожглись...» Это самосожжение случилось не позже 1744 г. и стало известным даже сенату, который и предписал Новгородской губернской канцелярии, а эта, в свою очередь, воеводским уездным канцеляриям 1) разыскивал беглых раскольников Зайкова и Пригодина, которых предполагали не сгоревшими; 2) «раскольническим старостам и сборщикам подтвердить накрепчайше указами, чтоб они... имели все прилежное старание, без отлагательства, а паче бы, дабы

¹ Памятная книжка Олонейской губ. за 1868-69 г. ч. III, стр. 195.

имевшиеся раскольники сами себя не жгли (?!), в том за ними иметь все крепкое смотрение и до того их отнюдь не допускать...» 31 октября 1745 г. — 2) «Олонецкого уезда, раскольник, из крестьян Ефим Иванов, бежав из Олонецкого в Каргопольский уезд (тогда эти уезды были смежны), в Мошенской стан в Лимскую волость (в 138 верстах от Каргополя) и подговоря, увел крестьян с женами и с детьми и тамо, от раскола (?! sic.) в избе прошедшего июня 11 дня, сгорели...» (Писано 23 ноября 1745 г.). Сколько здесь сгорело раскольников — неизвестно, известно только, что Ефим Иванов «до сгорания оных раскольников дней за 10 ушел», сгорел его товарищ, раскольник же, Олонецкого уезда Яким Матвеев с прочими...» Этим, за недостатком сведений, заканчивается летопись самосожжений в Каргопольском уезде за XVIII^в и можно бы сказать даже за XIX век, если бы подобный несчастный случай, к сожалению, не повторился даже в наши дни... «Свежо предание, а верится с трудом»... В самом начале шестидесятых годов текущего столетия целых тридцать человек (по словам других только 15) Волосовской волости (в 37 верстах от Каргополя) под влиянием одного скрытнического наставника, преступности которого, однако, никто не доказывал... сожглись в лесной избушке близ речки Чучексы¹. Этот несчастный случай был в летнее время... Затем лет 15 назад горели опять в той же Волосовской волости, на этот раз уже тела скрытнические². И в этом видят некоторые самосожжения, но другие утверждают, что пожар учинен для сокрытия убийства и, кто прав из них — не знаем, и потому в счет сего не кладем... Таким образом совершилось в Каргопольском уезде, по крайней мере, 14 самосожжений известных, погубивших многие сотни (а быть может, и целую тысячу) ни в чем неповинного народа, вся вина которого состояла лишь в том, что он был невежественнее — не знали даже (как и современники крестьяне) — кто такой Бог, не знали самых необходимых молитв... А сколько погибло народа в самосожжениях неизвестных (которые мы будем стараться разузнать), сколько было замучено во время гонений, сколько сослано, бежало, утопилось, умерло от голода и других невзгод?... А о том, чтоб вразумить, забыли и не подумали.

И так какую же пользу принесли гонения? Обратили заблуждавшихся? Или, по крайней мере, сократили их число? и запугали ли других, чтоб бегали запретных заблуждений?... Ни то, ни другое, ни третье... (И теперь число чисто православных приходов в Каргопольском уезде не более 4-х, но и в тех уже появляются одиночки раскольники... Плодом всех этих гонений было то, что появились у мнимых старообрядцев свои преподобные мужи, даже (доказательство — целый воловский патерик Ив. Филиппова сочинения Мышецкого) ... и мученицы, появились свои многочисленные скиты, монастыри и пустыни... Вследствие всех этих условий появился в Каргопольском уезде «свой» Фаларет Милости-

¹ «Истор. Выговск. пуст.», стр. 138.

² «Олонец. Губерн. Ведомости», 1878 г., № 57.

вѣй, «своя» Великомученица Варвара» (девушка, бежавшая от мучителей, или настигнутая и убитая в лесной глуши Шожемскаго прихода, самого удаленного от мирских жилищ (в 150 верстах), стоящего за лесами дремучими, болотами непроходимыми...) Вся окрестность на 100, на полтора верст во все стороны усердно чествовала их память; сюда стекались поклонники, особенно поклонницы, преимущественно в весенне-летнее, как более свободное время, разом целыми сотнями... Здесь была устроена даже «пустынь» для их пристанища и долго существовала она... Знаменитый же Чахсенский скит (в 82 верстах от Каргополя) был основан Выговцами еще в 1710 году... В конце концов, получился такой вывод: мучители, преследуя за отпадение от церкви, лишились на всегда этих отпадших, лишились многих членов ее; заблуждающие же, ревнуя за обряды лишились даже самих обрядов, например, беспоповцы — оставшись чуть ли не с одними семью поклонами, так называемым «началом», по крайней мере, их неграмотное большинство... Следовательно, обе стороны понесли убытки невознаградимые...

Карп. А. Докучаев-Басков.

**Смирнов Я. И. Из поездки по Малой Азии.
У Некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере,
Гамид-абадскаго санджака, Конийского Вилаета
// ЖС, 1896, Вып. 1.**

I.

21-го и 22-го ноября прошлого, 1896, года пришлось мне посетить самое отдаленное поселение русских раскольников в глубине Малой Азии, о котором, насколько мне известно, в русской литературе не упоминалось. Правда еще на карте Малой Азии 1871 года, изданной военно-топографическим депо Кавказскаго военнаго округа обозначен уже на Бейшеирском озере «Казак-адаси», т. е. казачий остров, но мы не знаем взято ли имя это из описания пути какого-либо русского путешественника или же из иностранных карт. Глухое упоминание о поселении этом находится в недавней статье доктора Щепотьева о Майнозе¹.

В книге В. И. Ламанскаго², где приводятся подробные сведения об истории выселения Некрасовцев и о Майнозе; о Маде же не могло быть и речи, так как этого поселения тогда еще не существовало. Реклю³, перечисляя прочие казачьи поселения в Малой Азии, о казаках бейшеирских не упоминает, хотя это поселение и известно иным исследователям Малой Азии.

Так в 1874 году на острове были берлинский профессор Hirschfeld и Egbert, так как и на карте их значится Kazak-adassi, и в предварительном отчете Hirschfeld упоминает об остатках древности на острове, очевидно им посещенном, но о самих казаках никаких сведений не дает⁴.

Техаский профессор Sterret, изъездивший в 1885 году окружающую озера страну, на острове не был и в дневнике своем о казаках не упоминает⁵, хотя на карте Kazak-adasi и значится.

Польская археологическая экспедиция графа Ланцкоронскаго в 1884 году прошла близ южного берега озера через какое-то другое селение Kazakli, т. е. «казачье», но, к сожалению, в издании трудов экспедиции этой никаких подробностей о поселке этом не находится⁶.

¹ «Вестник Европы», 1895 г., август.

² О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. 1869 года. См. стр. 23-38.

³ El. Rechw. Nouvelle geographie universelle. Vol. IX, p. 651.

⁴ См. Monatsberichte der Akademie der Wissenschaften in Berlin, 1879, стр. 302 и приложенную карту.

⁵ Papers of the American school of classical studies at Athene. Vol. III (1884-1886), Boston, 1888, с картой.

⁶ Städte Pamphyliens und Pisidiens von C. Niemann und E. Petersen herausgegeben von Karl Grafen Lanckoronski-(тоже издано и по-французски и по-польски). Wien, 1890, приложенная Karte von Pamphylien und Pisidien Г. Киперта-наибольшая и наилучшая для этой части Малой Азии.

В новейшем описании Азиатской Турции Виталия Кине¹ о бейшеирских казаках сообщаются следующие, не вполне точные, сведения: «La plupart (des iles) sont habitees par des бабШев par des Cosaques autrefois emigres de la Russie et qui y ont bati un village de 300 maisons. Ces Cosaques sont tous pecheurs ou bergers».

Имея счастливый случай посетить остров Маду на пути из Кони в Динер вместе с русским консулом в Кони, Ал. Дм. Левитским, я полагаю не безинтересным для Русского Географического Общества сообщить следующие страницы, где я попытался изобразить виденное и слышанное мною на о. Маде во время нашего краткого там пребывания.

Еще ранее, в самой Кони, имел я случай познакомиться с одним из бейшеирских казаков, Исааком Петровичем Петрушиным, кавасом русского консульства, исколесившим западную часть Малой Азии, возя соленую рыбу и торгуя всякой всячиной. Родившись на Майнозе, бывал он и в дунайских поселениях Некрасовцев, и в России: в Очакове, куда ездил по делам к архиерею австрийского толка, и на Афоне, где искал священника для Мады; прийдя в числе первых переселенцев из Майноза на Маду, он после долгой отлучки снова вернулся на остров, где живет теперь его семья. От него-то преимущественно и получил я сообщаемые ниже сведения, на него же возлагаю ответственность за их верность.

После полудня выехали мы из большой турецкой деревни Кирили-Касаба, «Крылии» по выговору казаков, стоящей среди садов и виноградников, на равнине, к востоку от Бейшеирского озера. Был праздник Введения, и поэтому почти все греки поехали проводить консула до берега озера. В этой большой деревне в нескольких домах живут до тридцати греков из Силле, большой греческой деревни близ Кони, держа в руках, путем торговли и финансовой эксплуатации, турок-земледельцев; одни живут тут постоянно, другие приезжают лишь осенью, когда подходит пора расчета зерновым хлебом. Проезжая по Малой Азии осенью, я почти в каждой деревне встречал таких греческих, реже армянских, купцов или, как вернее зовут их, «сарафов» (менял, банкиров), эксплуатирующих мусульманское население. Дорога шла по наклонной слегка к озеру равнине, всюду распаханной; по течению ручьев, сбегających с гор, — которые мы перевалили по глубокому снегу на пути из равнины Кони в равнину Бейшеира, — насажены фруктовые сады и виноградники. На равнине этой красноватая, глинистая земля пашень не была еще покрыта снегом, который покрывал горы, постепенно редая по их скатам к равнине. Минуть через сорок подъехали мы к турецкой деревне Толча, стоящей на самом берегу озера. Огромная лужа преграждала дорогу. С одной стороны об-

¹ Vital Cuinet. La Turquie d'Asie, photographie administrative, statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie Mineure. Tome I, p. 840.

ширное кладбище: тут лежат и торчат из земли, по большей части наклонно, камни самого разнообразного вида и происхождения, тут и камни от античных зданий, и украшенные крестами столбы из христианских церквей, и длинные камни, выломанные из скал и оставленные вовсе необделанными, и, наконец, но всего реже, столбики с чалмами на верху и арабскими письменами по бокам. Подальше на холмике виднеется еще кладбище, стоящее, вероятно, на месте древнего поселения.

По другую сторону сама деревня. Двухэтажные дома сложены из сырца, небольшие их окна заделаны частыми деревянными решетками, плоские земляные крыши подперты на галереях деревянными столбами и кажутся тождественными с древними постройками, изображаемыми на рельефах Ликия. По узким извилистым улицам выехала кавалькада наша на плоский берег озера. На мелкий щебень вытащено несколько лодок с одинаково остро сведенными кормою и носом. Лодки эти деланы казаками и куплены турками у них, так как сами турки делают лишь большие тяжелые лодки, в которых возят лес и дрова с западного лесистого берега озера. Казаки называют свои летние лодки «лодочками». Петрович торговал уже двух гребцов, старых турок, весьма похожих один на другого: оба без передних зубов, оба в чалмах хаджей, оба в рваных куртках, халатах и шароварах, оба в шерстяных чулках, вязанных разноцветными узорами, но на ногах у одного кожаные туфли, а у другого просто куски кожи, стянутые вверху на подъеме и на щиколотке ремешком, продетым в отверстие по краям куска этого. Турки сели за весла, Петрович правил и подгребал кормовым веслом, и лодка быстро понеслась на NOO, где виднелся широкий остров Мада, образованный двумя лесистыми горами, связанными низким перешейком. Петрович держал на северный конец острова.

Погода была ясная и теплая, но горизонт облегал тучи, лежавшие на покрытых снегом горах по краям обширной равнины. Озеро, которое турки и греки называют даже иной раз морем, развертывалось во всю длину и ширину¹.

С севера к берегу озера подходят две горы, между которыми лежит деревня Фйля, где будут ждать нас с повозкой ямщик и заптие; горы эти — последние отроги огромного Султан-Дага, который поднимается в С.-В. от равнины; от него же к югу тянутся горы по восточному краю равнины Кирили, через которые мы перевалили из Конии и через которые греки из Кирили ездят домой в Силле прямою дорогой в полтора дня, а если лошадь хороша, то и в один день. На плоском восточном берегу озера, кроме Толчи, видны близ воды еще несколько деревень. На юг озеро уходит к Бейшеиру, до которого от Мады надо плыть часов шесть.

¹ О Бейшеирском озере, кроме вышеуказанных карт, см. Вронченко «Обозрение Малой Азии» I, стр. 98 и след., Ritter, Erdkunde von Asien, IX, II, стр. 457-459; Reclus, Nouvelle Geographie universelle, IX, стр. 518-520.

Там теперь край озера не видно: вершины гор скрыты тучами, а над озером и равниной плывут белые облака, и ярко светит между ними солнце, совсем не соответствуя ноябрю месяцу. К нам ближе всех северо-восточный берег озера. Тут на склоне прибрежных холмов в ложине чернеются пять-шесть шатров кочевников юрюков, спустившихся в равнину на зимовку. Влево южнее Толчи не далеко от плоского восточного берега поднимается небольшой островок, именуемый по ближней деревне Будак-кей-адаси: на плоском островке, поросшем местами тополями, поднимается широкая и высокая насыпь, не похожая на курган. Петрович сообщает, что, по словам турок, лет шестьсот тому назад, когда озера будто-бы еще не было, в этом месте образовалась «пучина», откуда вышла вода, затопившая часть равнины; она потопила бы и всю равнину сплошь, пожалуй, и весь мир, если бы пучины не заткнули ваткой и не насыпали сверху этого холма.

Прямо перед нами за невысокими горами Мады поднимаются высокие «коренные» (т. е. материковые) горы западного берега озера: вершины их ушли в тучи, узкая подоска облаков перерезает пополам видимую часть. Эти горы Петрович называет Паннуриаз-даг, но такого имени на картах не значится.

Левее, под западным берегом и идя от него к середине озера, видны крутые лесистые острова, которых тоже полностью не нарисовано ни на одной карте; их называют Кара-ад, (черный остров), Кирили-адаси, лежащий против этого селения, Миль-адаси, что значит будто бы «илистый остров», хотя он в действительности каменистый; крайним к югу виднеется небольшой островок, на котором из самой воды поднимаются стены и полуразвалившиеся башни древней крепости. Там, по словам казаков, бывавших на острове этом по пути в Бейшеир — до острова от Мады часа три ходу — есть и развалившиеся церкви, и камни с надписями; греки в Кирили ничего об острове этом сказать не могли, они там не бывали; как не могли попасть туда по отсутствию лодок и иные путешественники¹.

Еще левей, в юго-западном углу озера, за передними цепями холмов поднимается, появляясь иногда конической вершиной между облаками, огромный Анамаз-Даг. С юга подувает «моряна», разводя волнение, на озере кричат дикие гуси. На северном берегу, через час с четвертью ходу от Толчи, открылась между горами деревня Феля. Мада все приближалась, у южного мыса ее показался небольшой плоский островок «ослиный» — Ишёк-адаси. На обеих горах Мады и в ложбине между ними ничего кроме леса, да торчащих местами между деревьями серых свал, с этой стороны не видно. Только через два часа с лишним (2 ч. 12 м.) по выезде из Толчи достигли мы северного мыса, «рынка», как говорят казаки, острова Мады. Солнце склонялось уже к закату, лучи его, проходя над вершинами гор западного берега между серыми тучами, окрашивали цветами радуги легкие белые облачка, пролетавшие перед круто поднявшимися над озером скатами гор этих. Мыс, который мы огибали, — голая серая скала, наклонно

¹ См. Ritter, 1.с, стр.465.

уходящая в воду; повыше, куда не хватают волны, по склону ее, на тонком слое красноватой земли растут невысокие сосны. Далее к С.-З. открылся другой подобный же пустынный мыс. Хотя ветер за мысом и прекратился, но волнение, отражаясь от берега, усилилось: мы въехали в «толчок»; по определению Петровича. Наши турки, когда находила волна побольше, говорили: «онбаши гелды» — «десятник пришел». Лесистая гора Мады, как и прежде, пустынна, только кружащиеся над ней три орла указывают на близость жилья. Сосновый лес спускается до самой почти воды; по скату горы между деревьями спускаются к воде, как бы тропинки, по которым стаскивают к лодкам деревья, когда рубят лес. На песчаный берег в выгибе между этими мысами приходит на водопой скотина, а весной в апреле и мае здесь «бьется о посок белая рыба», преходящая метать икру, как сообщает рыболлов Петрович. Минут через двадцать обогнули мы и следующий, самый северный мыс острова; на нем на скале есть, по словам Петровича, изображение как бы распятого человека, повернутого спиной наружу, которого казаки зовут почему-то «Манулом». Это сообщение наводит меня на археологические фантазии: поза напоминает мне рельефы знаменитого памятника на восточном берегу озера, т.н. «Источника Платона», — «Эфлатун-Бунар», и я льщусь увидеть новый, неизвестный еще «хеттейский» рельеф, но мы подъезжаем ближе к скале, Петрович указывает «Манула» и становится очевидным, что это просто игра природы!

Открывается новый мыс, на этот раз уже отлогий и низкий. В озере вокруг его растут камыши, а среди них близ «рыночка» стоит столбом камень, который турки зовут «дикили-таш» — «стоящий камень», а казаки «человек-камень», хотя особого сходства с человеком в нем и не видно. Между редким желтым камышом огибаем мы этот мыс, и к югу уже открывается пролив между островом и западным берегом озера. Между крутыми скатами «коренных» гор и озером узкая, покатая прибрежная полоса образует против острова небольшой мыс, близко к нему подходящий. На мысу этом стоит одинокий дом. Перевоз держат казаки, и желающий попасть с берега на остров кличет их через пролив. На острове деревни все еще не видно: ее заслоняет еще один невысокий мыс с возвышающимся на конце скалистым холмиком, но из-за отлогого склона мыса видны уже вершины деревьев и несколько крытых камышом крыш. Слева от нас берег Мады отлого поднимается к вершине горы, где лес на обширное пространство выгорел нынешним летом: пожар начался от костра, разложенного пастушками — «хлопцами», но дальнейшее его распространение удалось казавам остановить: «всем миром бегали да ветками избивали». На берегу у самого озера видны развалившиеся каменные стенки каких-то оград, бывшие здесь еще до прихода казаков. Из-за камней мыса начинает выступать плоский «рыночек» с жердями для просушки сетей, а за ним вдоль самого берега озера и по отлогому склону явились белые хаты с камышевыми крышами, изгороди из плетня и традиционные вербы русской деревни.

В проливе к югу открылся маленький плоский островок с каким-то древним зданием по середине и несколькими деревьями по краю; здание это турки считают церковью, а потому и островок зовут «Клисе-адаси». В проливе, очевидно мелком, растут местами камыши; из них вылетает стая диких уток. Обогнув последний «рыночек», лодка наша направляется к берегу, где лежат на песке несколько «лодочек». Перед хатами по берегу бродит несколько баб и ребят. Тут, увидев нашу лодку, появляется жена Петровича с сыном — «хлопцем», ворот бешмета которого обшит русскими серебряными монетами XVII века. Являются и трое казаков в коротких шубах с меховой опушкой, крытых малиновым и красным сукном, в цветных же шараварах. На головах у двух из них высокие черные барашковые шапки — это атаман и два дьяка, все мужское население деревни в это время; все прочие взрослые казаки и парни — на рыбной ловле. Еще двое тяжело больных лежат в хатах.

После трехчасового пути, ровно во 12 часов по-турецки, т. е. на закате солнца, вытаскивают лодку нашу на отлогий берег, и мы выходим, будучи, по уверению казаков, первыми русскими, посетившими их деревню за все время ее существования.

Нас повели в одну из хат (см. рис. 1), стоящую на углу одной из четырех или пяти улиц, идущих от берега вверх по склону.

Хата сделана как малорусские мазанки, из двойного плетня, обмазанного глиной; снаружи вся она чисто вымазана белой глиной, а нижняя часть такую же обмазкою, но черного цвета. Толстая камышевая крыша сильно выдается сбоку, а спереди над двумя квадратными окнами, выходящими на улицу, устроен особый навес из тростниковой крыши, подпертый одним столбом. Две жерди, вроде перил, мешают заходить скотине на образующую под навесом этим площадку, также чисто вымазанную черной глиной, как и важные части стен. Цель этого навеса, как и выступа крыши, очевидно, предохранить глиняные стены хаты от разрушительного действия дождя. Вдоль улицы от хаты идет изгородь усадьбы. Эта изгородь сделана из стеблей тростника, поставленных в земляное, обмазанное глиной, основание, на расстоянии 2-3 пальцев один от другого и связанных сверху при помощи стеблей, положенных горизонтально. Эти легкие и изящные изгороди так и называют «лясами» и поясняют, что они плетутся, как «кбцы на рыбу».

Над деревянной калиткою в этой изгороди близ хаты приколочен четвероугольный кусок красной материи с позументной каймой, а посреди его медный восьмиконечный крест. Дворик, куда вошли мы, весь чисто вымазан помянутым черным глиняным цементом. Справа «лясы» отгораживают сад и огород, а слева низко спускается камышевая крыша и, опираясь концами стропил на несколько разных столбиков, образует вдоль стены хаты довольно широкое пространство, вроде галереи, называемое «поветочным навесом».

Столбики ярко раскрашены красной и синей масляной краской, а между ними связанные из стеблей тростника циновки отгораживают все это простран-

ство, чисто вымазанное черною глиной по полу. Через него подходим к двери. Направо под тем же навесом пол несколько поднят: здесь спят в теплое время. Низенькая дверь, досчатая, с выпуклыми рамами, раскрашена синей и красной краскою; над нею опять крест на платке. Дверь эта ведет в «сенцы»: «самое у нас украшение — сенцы», говорят казаки, и точно — обширная низкая комната в левой от входа стене имеет дверь, опять, конечно, с крестом над нею, в самую хату, а стена против входной двери во всю ширину занята полками: на них по середине вверху стоять иконы, висят на цветных платах медные кресты и складни. Полки обиты цветными кусками материи, с нашивными на них позуменгами и блестками, висят и шитые полотенцы. На полках до самого полу расставлена на показ всякая утварь: чашки, кувшины, тарелки и блюда. По стенам расставлены сундуки, лежат одеяла и подушки. На стене близ двери, ведущей в хату, бросился мне в глаза лист бумаги с нарисованными каким-то местным художником красками фигурами: в верхнем ряду сидят два черноусых турка, увешанных оружием; при одном стоит турчанка; в нижнем — те же два турка, едущих верхом; надпись, уставом: «Осман Улан и дертли Чауш» объясняет, кто изображен тут — это недавно прославившиеся разбойники: один — родом из ближней деревни Кюсюкли, представленный здесь со своею невестой, которой он подарил якобы фес, украшенный двумястами лир, — убит несколько лет тому назад у Аксарая, а другой, убивший недавно богатого грека, сидит в тюрьме в Кони.

А рядом с этим произведением какого-то казака, нарисованным во время досуга на Акшеирском озере, приклеены, Бог весть как сюда зашедшие, два листка с рисунками из книги Полевого: «Русская История в памятниках быта». Низкою дверью вошли мы в самую хату. Пол ее, как и «сенец», чисто на чисто вымазан черным, а стены и потолок белым глиняным цементом; судя по параллельным углубленным подосвам этой обмазки, мазано руками.

Цемент состоит из глины с песком и рубленой соломой. Белую глину берут на мысе Ак-Бурун на Бейшеирском озере близ Бейшоира. Снаружи дома мажут, конечно, бабы, раз или два в год, внутри же и особенно полы чаще: через неделю или две. Узкие балки потолка гладко выструганы и вместо краски промазаны маковым маслом. Направо, в углу, значительную часть всей хаты занимает большая печь, столь же чисто, как и стены, смазанная белой глиной; она подобного же устройства, как и обычные русские печи. Но отверстие самой печи очень мало, оно заставлено деревянной заслонкой, а над ним предусмотрительно намазана широкая полоса черной глиной там, где дым идет в трубу; колпак под трубою значительно выдается вперед: гораздо дальше, чем под, не огороженный стенками спереди и с боков, а оставленный совершенно открытым; в углу его, примыкая к стене, помещена маленькая, чисто выбеленная печурка с полукруглым отверстием в узкой стороне и круглой дырою сверху; судя по чистоте, печурка эта практического употребления не имеет; назначение ее было, говорят, прежде служить помещением выгребаемых из печи углей, но теперь их кладут

в корчаги. Против печи, подходя краем под дымовой колпак, в углу находится широкий деревянный помост на высоте лавок, служащий постелью. Лавки идут, примыкая к помосту этому вдоль двух стен, образующих передний угол, заставленный образами в большом киоте. Лавки и постель покрыты коврами и одеялами. В лицевой стене хаты два небольших квадратных окна, в которых наглухо вмазаны стекла; третье небольшое, открывающееся, оконце в боковой стене выходит в «поветочный навес».

В углу, соседнем с дверью, под, вымазанный черной глиной, образует небольшое возвышение, на котором стоит стол; такие же возвышения идут и под лавками. В хатах и светло, и тепло, и сухо, но ради тепла их делают небольшими — все одной почти величины — и довольно низкими. Казачьим хатам завидуют соседи турки и греки. И действительно, после пыльных, грязных и холодных домов турецких деревень, ясны были преимущества этих хат.

Под той же двускатною крышей за сенцами находится «сарайчик». Перед ним в усадьбе «огородка» для кур и гусей; тут же стоит и летняя печка в виде очага. В саду, где между фруктовыми деревьями накопаны гряды, устроен на жердях помост, где спят летом; а на перевернутой вверх ногами древней капители, из церкви, судя по кресту на ней, стоит кувшин с водою для умыванья. В верхнем конце усадьбы плетневый сарай под камышевой крышей, наполненный сухой осокой.

Между тем темнело, и наши гребцы турки долго ходили по деревне, пока нашли, кто согласился их принять на ночь, так как ехать обратно в Толчу было уже поздно. Нас начали угощать, поставили стол, накрыли его чистым белым платком, на котором уставом написано имя хозяйки: «Дуни Маковой платок». Хозяйка, высокая баба лет под сорок, схоронившая уже трех мужей, с широким скуластым лицом, толсто обернутым платком — одета поверх длинной, до колен, ситцевой стеганной на вате кофты с рукавами до локтей, в короткую безрукавную баранью шубку, вроде кацавейки, «полушубок», и передник; длинные, расширяющиеся книзу, ситцевые рукава, выходящие из-под коротких рукавов кофты, во время работы приходится или связывать около кисти, или завертывать на плечах. На ногах большие «кундры» (турецкие туфли — «кундурй»).

Появилось угощение: красная икра с луком, из рыбы вроде сазана, называемой казаками «коробь», какая-то рыба, квашеная капуста, пшеничный хлеб — и в большом глиняном кувшине вино, до которого казаки, по-видимому, охотники.

Долго сидели мы за угощением: трое наших хозяев беседовали на разные темы. Атаман Семен Адрианович, крепкий старик, вот уже двадцать лет, избираемый на эту должность, ходит в синих шараварах и красной шубе, быть может, однако, лишь по случаю праздника; шапки на голове не носит: нет-де хорошей. В разговоре нередко упоминает плети и глагол драть, но при теперешнем положении казаков это, по-видимому, лишь слова, оставшиеся от прежних вре-

мен. Вслед за ним пришел и сынишка его, усевшийся в углу и сперва с любопытством на нас смотревший, а потом уснувший.

Дьяк Сергей Романович служит в большой церкви и, по-видимому, имеет влияния более атамана; это темнорусый, высокий казак лет за сорок, крив на один глаз, человек разумный и бывалый.

Другой дьяк Кирилл Агафонович — светлорусый, с длинной бородой, проще и имеет меньший приход. Оба дьяка и наш Петрович пели по крюкам, по рукописной книге, тропари и кондаки в праздники; кроме них понимают крюки и хлопцы, читающие и поющие вместе с ними в церквах.

Разговоры шли на разные темы, весьма оживленно, и казаки относились к нам весьма любезно и радушно. Особенно интересовал их вопрос, где найти давно тщетно отыскиваемого попа, который не был бы не австрийского рукоположения, ни единоверческий. Неразрешимой задаче этой решиться в какую-либо из двух сторон препятствует, по-видимому, главным образом упорство баб, а быть может, отчасти, интересы дьяков.

Из тесной хаты выходили мы часто на улицу, дабы дать возможность покурить моему спутнику. В узком чистом дворе перед хатой ярко светила луна на чисто вымазанные белою глиною хаты и блестящие прутья тростниковых изгородей. В холодном ночном воздухе была полная тишина. Глядя на всю эту обстановку русской деревни, слыша русскую речь и вспоминая, что находишься далеко за пределами России, откуда принуждены были бежать предки наших хозяев, становилось горько за их беспокойное прошлое и особенно за неизбежное, по-видимому, печальное будущее. Обидно было думать, что, пожалуй, и теперь, находясь здесь в глубине Малой Азии, которая представляется нам столь страшной, наши старожилы находятся, быть может, в лучших отношениях относительно приволья жизни и свободы веры, чем были бы они на Дону, не уведя их оттуда Игнат.

II.

Казаки переселились с Майноза на Маду тридцать лет тому назад, «когда во Икокии был большой пожар», как определяют они. После выселения кавказских горцев с левого берега Кубани в Турцию, поселенные в окрестностях Бруссы и Майноза черкесы стали беспокоить Некрасовцев грабежами и разбоями, причем нередко доходило до стычек и взаимных убийств. Тогда часть казаков задумала переселиться в какое-либо более безопасное место. Пользуясь по султанскому фирману правом свободного лова рыбы на озерах Малой Азии, майновцы звали в эти южные озера Малой Азии и ходили туда рыбачить, как хаживали и на Кизыл Ирмак¹. Некий Роман, отец одного из дьяков, приходил

¹ Вот как описывает отправление их на промысел Тексье в 1836 году: «Ils pessedent — говорить он, (Aeie Minenre, p. 139),-quelquee bateaux longs qu'ils placent sur nn train do quatre roues, mettent dedans leurs enfants et leurs ustonsiles de pëcho et vont ainsi selon la saison pecher dans les diifferonts lacset courses d'eau de la contree.

два года сряду на Бейшеирское озеро и выглядел безопасное для поселения место на островах этого озера. Сперва турецкое правительство давало казакам для поселения Миль-адаси, но те его забраковали, как слишком каменистый. Казаки предпочли купить Маду, где были тогда в «чифдике» (усадьбе) турки, распахивавшие тремя парами волов 320 «дюдюмов» земли. Остров куплен был, по видимому, не у этих обитателей его, а у казны за 800 турецких золотых лир, но уплатили казаки лишь сто, так как двести султан им простил.

На новое место двинулось с Майноза 157 семей на 257 повозках. Повозки были четырех-колесные «румелийские», запряженные буйволами, волами и лошадьми; кроме домашнего скарба везли иные и «лодочки»; для церквей везли иконы, книги и колокола; в качестве войскового клейнода майновцы дали переселенцам «насеку Игната Некрасова»), оставив у себя Игнатов щит, шитый для него якобы самую царицей. Гнали с собой и скот белой масти и везли саженцы фруктовых деревьев.

Шли целых 42 дня, останавливаясь по праздникам и воскресеньям на отдых. Идя через Бруссу, вышли сперва к Эгердирскому озеру, а 2-го сентября подошли, наконец, к Бейшеирскому озеру. Но в Маду их, жившие там и считавшие остров своим, турки не пустили. Но так как документов на владение землею у них не было, то двое ходоков, посланных казаками в Конию к вали-паше, уладили дело, и 6 ноября казаки вступили на свой остров. За позднюю осень пришлось ограничиться постройкою кое-каких лачуг на зиму, в которых и перезимовали довольно благополучно; но на следующий год в августе явился какой-то мор, истребивший до 30 дворов. Белый скот, приведенный с Майноза, весь перемер от чумы, и пришлось завозить местный, более мелкий, черной масти. Новосельем многие остались недовольны и около 30 дворов вернулись назад в Майноз. Теперь вместо 90 дворов, оставшихся, судя по вышеприведенным рассказам, на Маде, осталось на лицо лишь дворов 30, т. е. около 150 душ обоего пола, т. е. население в тридцать лет уменьшилось втрое!¹ Если цифры эти верны, то печальная судьба ожидает казаков в будущем. Прийдя с Майноза со всем домашним скарбом и построив на Маде три церкви, из которых теперь одна с уменьшением населения упразднена, казаки не привели, однако, с собою священника, а найти тавового, не смотря на все старания, не удалось казакам и поныне, так как они упорно держатся древлего благочестия, не желая принимать ни австрийских, ни единоверческих священников, хотя отдельные лица и склоняются то к тому, то к другому выходу из теперешнего ненормального положения. Прежний дьяк на Маде перешел потом на Майноз и был, по согласию вселенского патриарха, рукоположен петербургским митрополитом в единоверческие священники и священнодействует на Майнозе и поныне у той части его обитателей, которые принимают единоверие;

¹ Эти цифры вследствие сходства двух последних знаков кажутся мне сомнительными. Верную историю переселения можно, разумеется, узнать из архивов конийского вилайета.

другая половина — австрийского толка. Переселенцы же на Маду до сих пор тщетно ищут истинного древлего священства или в отдаленных странах, куда народная фантазия помещает поселения бежавших старообрядцев, или же в попытках склонить какого-либо православного священника, непременно, конечно, русского, прочесть особую клятвенную молитву на все ереси, в числе их и на никоновскую, и приступить к исполнению таинств по древнему обряду. Теперь нужда в священнике сознается всеми: все молодое поколение не видало совершения литургии я не причащалось, большая часть браков освящены лишь особыми молитвами, читаемыми дьяками в церкви, вместо совершения таинства бракосочетания, дети крещены, дьяками же без миропомазания, хотя на Маде и хранится пузырек мира, вывезенный будто бы еще Игнатом Некрасовым. Вот краткая история тщетного искания древлего священства бейшеирскими казаками.

Десять или одиннадцать лет тому назад, на основании слухов о каких-то древле-православных христианах, разумеется, русских, живущих, якобы, где-то за Багдадом, отправлены были туда двое ходоков: они отправились в Александретту, оттуда с караваном добрались до Диарбекира и оттуда на плотках, на надутых мехах, о каких повествует еще Геродот, спустились вниз по «Вавилон-реке» (конечно, по Тигру, а не по Ефрату, на котором действительно стоял Вавилон) до Багдада. Целых два месяца жили они там, тщетно расспрашивая тамоншних христиан, где там живут древле-православные христиане. Не найдя их, ходоки вернулись морем через Бассору и Красное море, тщетно проехав до 80 лир. Семь лет тому назад послали двоих на Афон: там не трудно было найти русского иеромонаха, который согласился на выгодные предложения казаков; те на радостях послали телеграмму в Караагач, ближайший к Маде город, что везут с собой желанного попа. Но увезти его с Афона оказалось не так-то легко: прощаясь с друзьями и расплачиваясь с должниками, иеромонах выманил у казаков лир 8 или 10, все откладывая отъезд и предъявляя новые требования, так что депутаты убедились в бесполезности дальнейших переговоров с ним и вернулись на Маду с пустыми руками.

Лет семь тому назад, услышав от адалийских греков, что в Фенике, в Ликии, жил какой-то русский поп, отправились туда, но тот оказался ушедшим уже в Иерусалим.

Следующая экспедиция направилась, опять по слухам, в Египет, — «Мысыр», как на турецкий манер зовут его казаки, — и тщетно отыскивала в Каире и окрестности истинного священства; посетила и Иерусалим, схоронив в Яффе одного из ходоков; слухи влекли еще дальше: в Абиссинию, но один абиссинский монах, Михаил, в Иерусалиме, описал им все трудности пути и убедил в невозможности осуществить эту экспедицию.

Третьего года дьяк Сергей Романович и еще один казак ездили на Кипр, по словам дьяка «смотреть лиманы», но, в сущности, опять-таки искать попа, но им удалось найти лишь какого-то «русского дьячка», вероятно грека, бывавшего

в России, в Никосии, попов же, конечно, не оказалось. Теперь казаки, кажется, убедились в невозможности найти попов в дальних странах и на место Багдада и Абиссинии поговаривают о России, где в Лужках, якобы, есть древле-православные попы. А пока такой поп не найден, в обеих церквах службу: часы и вечерни — совершают дьяки при помощи «хлопцев», читающих и поющих вместе с ними.

Дьяки, кроме совершения дозволяемых Кормчею служб, читают Евангелие и исполняют, насколько то им дозволяется церковными уставами, требы. Вся деревня разделяется на два прихода, «станции», как говорят казаки. В большей, при церкви Николая Чудотворца, дьяком Сергей Романович: пользуясь свечным доходом, он получает в год якобы до 150 меджидов, да по усердию платят за совершение треб; в меньшей церкви Казанской Божьей Матери дьяком Кирилл Агафонович, он также пользуется свечным доходом и требами, но, так как «тая станица — малая», то ему приплачивают еще 25 меджидов.

Чистота и благоустройство хат и явное культурное превосходство обитателей Мады перед жалкими турецкими деревнями, виденными нами на пути, объясняется не только обычаями, принесенными с Дона, и высшим умственным развитием казаков, но и большею зажиточностью их. Они не живут исключительно хлебопашеством да скотоводством, как большинство соседних турецких деревень, и не находятся, по-видимому, в руках греческих и армянских купцов и сарафов. Главное занятие их здесь, как и в других местах Турции, где поселились русские казаки, рыболовство.

Турки, живущие по берегам Бейшеирского озера, им вовсе не занимались, а теперь в Бейшеире имеют лишь два небольших невода и ловят рыбу, научившись у казаков, к которым нанимались они в работники.

Сами же казаки рыбачат не только на Бейшеирском озере, но и на других близлежащих пресноводных озерах. На Бейшеирском озере ловят рыбу шести сортов: щуку, коробь (сазан), какую-то мелкую «белую рыбу» и др., большим неводом («мотулою»), каждое крыло которого по 200 сажень; невод этот столь частый «на 2 и 1/2 пальца», что забирает и мелкую рыбу, которой на одно окб (2 и 1/2 фунта) идет 12 штук. В южной части озера близ города Бейшеира построена казаками и «курень», где живут во время рыболовства; там же на месте рыбу и солят, и продают торговцам, преимущественно грекам, которые развозят ее по разным местам Малой Азии. До Бейшеира от Мады надо ехать в лодке часов 5-6, так что работающее в курене казаки лишь изредка на праздники приезжают домой. Уходящие же на другие озера живут там все время ловли.

Одна пятая улова берется казною, как подать: озера и доход с них находятся в руках европейской Administration de la Dette publique de l'Empire Ottoman.

Из Бейшеирского озера по «ерику» ходят казаки и в лежащее южнее небольшое Сейдишерское озеро (оно же Согла-гёль), «в Каравирен», как называют его казаки по деревне на восточном его берегу. На ближайшем к западу

большом Эгердирском озере теперь казаки рыбы не ловят. Прежде ходили и туда, но находят, что ловить там рыбу, вследствие слишком большой глубины его, неспособно, а кроме того несколько лет тому назад тамошние турки стали во враждебные к казакам отношения, так как один хлопец застрелил из ружья турецкую девочку, которая, подошедши к берегу, начала ругать и дразнить гяура, пока отец его беседовал с турками в деревне.

Акшеирское озеро (к С.-В. от Бекшеирского, за хребтом Султан-Дага) и небольшое, севернее его лежащее и соединенное с ним протокою Эбер-гцл доставляют казакам теперь главный доход: арендуя половину Акшеирского озера и все Эбер-гцл за 300 лир, казаки в прошлом году получили за семь месяцев работы якобы по 50 лир на каждого из 29 человек, работавших на Акшеирском озере. Ловя рыбу двумя огромными «мотулами» по 400 сажень каждый, который захватывает сразу по 10000 «коробов» (сазанов), казаки солят рыбу и продают на месте, а «лодочки» свои, уходя домой, затапливают в камышах. Положение озера у железной дороги, идущей к Константинополю, делает сбыт рыбы особенно удобным. На близлежащем и связанном «ериком» с Акшеирским «Ибер-гцле», — как называют казаки Эбер-гцл — ловят рыбу одной такую же большою «мотулой».

Кроме постоянной ловли на этих озерах казаки ходили прежде ловить рыбу и на Кизыл-Ирмак, а также нанимаются иногда ловить рыбу и на другие озера к откупщикам их; так несколько казаков работали в третьем году у одного армянина, арендовавшего небольшое озеро или, как точнее называют его казака, «плавни», близ Динера, которое на карте Sterret'a неправильно названо Бунарбаши, каковое имя принадлежит не озеру этому, а истоку большого ручья, в него вливающегося.

Ходили казаки и работали на рыбных ловлях на море у греков в Адалии.

Рыболовство главное и наиболее доходное занятие казаков; хлебопашеством занимаются далеко не все, но почти вся удобная земля распахана. От скотоводства конечно дохода не получают.

Почти во всех усадьбах посажены фруктовые деревья: яблони, груши, черешни, какая-то «жардули», тутовые деревья, ради их ягод, и т.п.

Но сады эти, конечно, ничто в сравнении с большими садами ближних турецких деревень, орошаемыми стекающими с горы ручьями, и едва ли могут доставлять какую-либо прибыль.

Пробовали держать пчел, но перестали: подати платить надо по 3 1/2 лева с улья, а молодые рои улетали с острова.

Большую часть года все мужское население Мады, кроме дьяков, атамана, да тяжелобольных, проводит на рыбной ловле: в деревне остаются лишь бабы да дети. Мы, к сожалению, попали на остров именно в это время.

Возвращаются казаки с работы к Пасхе, и тут начинается, конечно, веселье и гульба. По-видимому, не мало пьют казаки в это время: хотя своих вино-

градников у них и нет, но вина — вдоволь: приехавшие незадолго до нас на остров турецкие чиновники нашли 900 ока вина; виноград покупают очень дешево у турок, и сами готовят вино, красное и белое. Пьют особенно, конечно, на свадьбах: по счету приходится по обряду, каждому присутствующему на пиру выпить, по крайней мере, 18 стаканов, да еще когда «руку запивают» по 9 стаканов. Когда пьют за чье-либо здоровье, то тот «поклонится», став на колени и опустив голову до тех пор, пока его не ударят по голове опорожненным стаканом.

В это же время пребывания казаков на Маде, примерно с Пасхи до Воздвиженья, собирается в «круг» для выбора атамана и решения общественных дел. Атаман выбирается на год, и теперешний атаман избирается уже двадцать лет. В настоящее время Мада входит в состав Кирильского мудирлыка, и поэтому там разбираются в первой инстанции судебные дела; в числе судей сидит и грек Боска, богатый силлийский торговец, держащий в руках своих всю округу; апеллировать на этот суд можно в алмалык в Бейшеир, а потом и в Конию; словом, можно легко достигнуть постепенно высших степеней сложных турецких судебных инстанций, но насколько легко достигнуть правды, этого я не знаю. Турецкие власти, в общем, во внутреннюю жизнь казаков не вмешиваются: подати вносятся через мудира. От воинской повинности казаки, как и все христианские подданные султана, свободны, платя за это по 2 меджида в возрасте с 16 до 60 лет. Подлежат, конечно, и иным пошлинам, как то: десятине с урожая, налогу со скота и т. п. Но лесной закон на лес на острове не распространяется, так как лес этот рассматривается, как частная собственность. Особых утеснений со стороны турецких властей казаки по-видимому, вероятно вследствие зажиточности их, не испытывают. Незадолго до нашего приезда нагрянула на остров неожиданно ревизия из Караагача от чиновников «dette publique» вследствие рассказов, вызванных обильным потреблением на Маде вина, якобы там имеется до 20000 она вина, которым казаки торгуют. Но при ревизии оказалось лишь около 900 она с лишним.

Хотя ныне «круг» решает лишь дела хозяйственные и общественные да разбирает мелкие судебные дела, так как недовольный решением его обращается в турецкий суд, но сохраняется еще при сборе его следующий старый ритуал:

Когда нужно «становить круг», эсаул ходит по селению, крича по всем четырем или пяти улицам: «Атаманы молодцы, идите на круг вестей слухить, а кто не придет, на том войсковой приговор (столько-то) левов!» и объявляет сумму штрафа: 100 левов или 20 — 10, смотря по значению вопросов, подлежащих обсуждению на Круге, и нужде полного или нет сбора казаков. На месте сбора сидит атаман и «по боку его» старики; атаман спрашивает эсаула: «можем ли мы круг становить», а эсаул обращается к старикам: «старички божи, время ли круг становить?» «Время, время» — отвечают те. Тогда атаман встает и держит перед собою наклонно, уперев концом в землю «насеку» (т. е. жезл) Игната

Некрасова, а эсаул так же держит свою меньшую насеку таким образом, что концы их стоят вместе. Разняв концы насеки, атаман говорит: «Ну, господин эсаул, станови круг». Тот кладет свою шапку и насеку, кланяется в землю «атаману и по все на крылы», т.е. на три стороны, и, встав, говорит: «Извольте, господа атаманы молодцы, в круг становиться». Он говорит это, также на три стороны, кланяясь в пояс. А затем провозглашает: а помолчите-ста, государи атаманы молодцы, все великое войско кубанское» и излагает дело. Ранее (а может быть и теперь еще) существовал обычай «выдачи головой» виновного в виде наказания. Эсаул говорил: «Вот что, государи атаманы молодцы, присудили: этого человека головой отдать», снимал пояс, привязывал его за руки виновного. Обиженный вел на поиске этого виновного по улице. Встречая кого-либо, он спрашивал: «Господи Иусе Христе Сыне Божий, кому этот человек виновен?». Если встречный, баба или хлопец отвечал «не знаю», то обиженный отвечал: «мне», и бил выданного по лицу; встреченные же казаки и сами не отказывались проделать то же над виновным. Пока осужденного водили, таким образом, по селению, в хате его собирались прочие казаки и пили его вино. Теперь частные ссоры решаются или мировой, или ссорящиеся идут в турецкий суд, «круг» же решает, отправлять ли в суд виновных в каком-либо касающемся всего Мира проступке.

К положению своему казаки относятся видимо правильно: если и пошлют иной раз проклятие «Игнату», завлекшему их на чужбину, то ясно сознают, что этого теперь уже не поправишь.

Народность свою сохранили они вполне, и язык, и наряд и теперь тоже, что вынесли они с собою из Майноза и, вероятно, и с самого Дона. Правда каким-то удивительным путем и сюда проникают новшества: так, напр., поются, как говорили мне, молодыми казаками те же новые песни, которые и у нас в России вытеснили старые. Эта мода, очевидно, проникает на Майков если не прямо из России, то через дунайские поселения, а на Маду заходит с Майноза. Старые песни сохраняются, конечно, в свадебных обрядах и представили бы, может быть, интерес специалисту, который потрудился бы доехать до Мады; но, конечно, ехать надо тогда, когда все казаки дома — в период от Пасхи до Воздвиженья, а не в мертвый сезон, когда мы туда попали.

Язык великорусский и мое несведущее в диалектологии ухо ничем особенным, кроме некоторых отдельных слов, не поражал: так один сказал, например, что «у солнца ухо слева, завтра моряна (южный ветер) будет». В разговорах не прочь, по-видимому, щегольнуть славянскими, вычитанными формами и выражениями, так вместо «если» нередко говорят «аще ли»; Конюю зовут «Иконияград» и т. п. Но, конечно, во время долгого сожительства с турками в язык проникло не мало турецких слов по большей части культурных, ранее, вероятно, вовсе не находившихся в употреблении, по отсутствию обозначаемых ими предметов; так жестянку называют «тенекейкой» (от тур. «тенекё» — «жесть»), и вме-

сто боченков наполняют икрою жестянки, в которых англичане вывозят из Батума керосин¹.

Твердо держась старой веры с ее обрядами, казаки постоянно стремятся выйти из затруднительного положения жизни без священника вот уже в течение тридцати лет с самого выхода с Майноза. Достигнут ли они желаемого выхода и как, предполагать мы не смеем, но думаем, что в этом отношении не грешно бы прийти к ним на помощь России, хотя бы в лице ревнителей древнего православия, не оставляющих щедротами своими Майноз (особенно до закона 15 мая 1883 года). Но наряду с этими, устранимыми быть может, затруднениями в духовной области печалат казаков иные чисто житейские, и, как представляется нам, более неустраимые, это — явное и быстрое уменьшение населения. Отрезанные от своей родины, Майноза, и, не вступая в брачные связи с турками, что, конечно, и невозможно по законам и тех, и других, ни с греками, которых считают, по-видимому, не достаточно православными, что ясно усматривается в курении табаку, все выселившиеся с Майноза и уцелевшие донныне семьи уже переродились, и теперь строгие правила Кормчей делают весьма трудным, заключение новых браков. Один из дьяков, овдовев, не может найти себе невесты на Маде и думал было взять в Майнозе, но женское население почему-то этому воспротивилось, угрожая, что не примут его по возвращении оттуда с женою. Теперь, когда железная дорога дошла до Кони, сношения с Мадой значительно облегчатся, и эти затруднения, вероятно, будут устраняться при имении денег на дорогу.

Другое еще худшее зло представляют болезни. Помимо того, что, как у соседей турок, врачебная помощь почти не доступна, а собственное лечение травами едва ли может приносить какую-либо пользу, самое место поселения оказалось весьма нездоровым. «У нас климат нездоровый» — говорят казаки, и особенно жалуются на лето, когда солнце сильно накаляет воздух между «коренными» горами и горами острова; жалуются и на то, что «сильно лихорадка давит», что приписывают воде озера и от чего особенно страдают, как и турки соседних деревень. И лихорадка, и порча летом воды в озере известны были задолго до переселения казаков², но они или не знали этого, или имели какие-либо причины предпочесть это озеро Эгердирскому, вода которого гораздо лучше бейшеирской. Помимо рассказов о быстром вымирании, и самый вид большинства обитателей Мады, особенно детей с бледными болезненными лицами, явно свидетельствует о справедливости жалоб этих. Не знаю, насколько справедливо мнение, что если перенести деревню несколько выше, то вредное влияние близости озера уменьшится, но древнее селение действительно лежало выше казачьей деревни и при

¹ Эти жестянки в большом ходу по всему Востоку и столь излюбленные художникаки фигуры женщин с кувшином на плече, почти не попадаются: классический кувшин почти вытеснен батумской жестяной.

² См. Bitter's, I.e. стр. 759. Ланцкоронский неправильно, кажется, называет воду озера «salzhaltig».

этом у ключа. Быть может, однако, и помимо лихорадочности места, есть какие-либо иные причины вымирания казаков. Но ребят видно немало, и иные смотрят совсем здоровыми; и атаман и дьяки тоже больными не кажутся. Однако обширный пустырь повыше деревни, где до самых кустов лесной опушки стояли некогда хаты то ушедших обратно в Майноз, то вымерших семейств, невольно напоминает и черкесские поселения в разных местах Малой Азии, где жители также жалуются на климат, и кладбища растут гораздо быстрее аулов: что это, климат или злой рок препятствует утверждению в Малой Азии новых более культурных, чем турки и юрюки, поселенцев?

III.

На другой день, на лодке поехали мы на лежащий между Мадой и берегом озера, «коренною горой», островок Клице-адаси (см. рис. 3). Лодка быстро шла навстречу большим волнам, накатывавшимся с юга, откуда дула «моряна», и плоский островок, обросший кругом камышем в воде и кустами и ивами по берегу, быстро приближался. За ним поднимались за узкою плоской береговой полосой крутые каменистые и лесистые горы. Там, по словам казаков, и лес хороший, есть ели и сосны в пять-шесть охватов.

На вершинах водятся дикие козы, из лесов по ущельям спускаются к озеру на водопой кабаны, которых зимой и летом казаки стреляют, подъезжая на лодках.

Пристали к островку между камышами и тростником. Берег весь из набросанных камней, много из них — архитектурные обломки от древних зданий; весь островок распахан казаком, купившим его у Мира за 30 лир. Посреди острова стоит древнее полуразрушенное здание, давшее имя острову. Это четырехугольное строение, внутри которого одна большая комната, крытая коробовым сводом; из нее идет дверь в небольшую квадратную пристройку с одного бока, в роде башни; стены сложены из дикого камня на цементе, в них вложены местами и тесаные камни от зданий более древних. Очевидно, что это не церковь, а скорее какое-либо укрепление и крепкое жилье; прав был Hirschfeld, высказывая сомнение в том, что это церковь (см. выше).

С острова видна Мада во всю ширину западного ее берега: на двух горах, образующих остров, растет лес, теперь правда уже мелкий: сосна, дуб, «пурнар», «гардыч»; между деревьями выдаются местами по склонам гор скалы, особенно около вершин. В лесу живут из диких животных лишь лисы, зайцы, да «синсбры» (куницы). Скот пасется в лесу то с хлопцами пастушками, то вольно, и иная скотина приходит домой, лишь когда выпадет снег; сена казаки не косят, так как лугов нет, но на зиму припасают сухую осоку и листья тростника. Прежде держали много коз, но теперь перевели, так как их крали и турки, подъезжая на лодках к пустынному берегу, где пасется скот, и орлы таскали заблудившихся в лесу, да и подать надо платить по три с половиной пиастра, «ле-

ва», с головы, а прибыли никакой. Доходнее лес, он выручил во время голода, бывшего два-три года тому назад: тогда за лодочку леса давали 10-12 ока хлеба. Теперь, однако, казаки чувствуют уже вред усиленной вырубке леса на своем острове, на который, как на частную собственность, турецкие лесные законы не распространяются, и положили уже запрет рубить дубки, так как листья их служат зимой кормом скотине. Обе горы довольно отлоги, северная выше и больше южной, к подошве их лес исчезает; на северо-западном мысу стоит деревня — хаты и тощи, теперь голые, вербы вырисовываются на далеких горах северного берега озера. Теперь деревня от озера доходит лишь до двух церквей, раньше поднималась она по склону гораздо выше, до самых кустов лесной опушки. Вправо от деревни по отлогому склону низкого перешейка, соединяющего обе горы, — пашни: теперь пашут лишь шестеро казаков, прочие хлеб покупают, но пашущим и себе хватает, и десятину отдают казне, и на продажу остается. На склоне южной горы в ложбине перешейка стоят высокие пирамидальные тополи, показывающее место прежнего турецкого жилья. Перед низким южным мысом острова виден плоский островок Ишак-адаси, где также раньше пахали, потом перевозили туда пастись коз, а теперь коз перевели.

Есть еще один островок Хомат-адаси, близ берега в северо-западном заливе озера; этот островок купили двое казаков за 1400 «левов» и пашут там, но в этом году пролив между ним и берегом пересох, пришли кабаны и попортили весь посев.

Остров представляется большим, в длину версты $1\frac{1}{2}$ — 2; обойти его, говорят, нужно времени около 2-3 часов.

Снова сели в лодку и отчалили от Клисе-адаси, покрывающегося ярко зеленой озимью, и по волнам, набегающим в пролив с юга, поехали в деревню, куда через пролив от берега шла еще лодка, в которой казачка или хлопец перевозили каких-то двух турок: это оказались торговцы с красным товаром, которые разложили его на треугольной площадке под передним навесом прибрежной хаты, и тотчас же и привлекли женское население деревни, но торговля шла, по видимому, довольно тихо.

Из деревни пошли по берегу озера на место древнего поселения, где, по словам казаков, есть камень, обделанный в виде орла.

Пройдя по берегу, на котором лежат вытащенные из воды «лодочки» и куда выходят все прямые улицы деревни, 4 или 5 числом, идущие в гору перпендикулярно берегу, мы вышли к вспаханному полю. Пашут казаки, как и окрестные турки, примитивным плугом в виде изогнутого крюком дерева, таким самым, какие изображаются на древних греческих и римских памятниках. Двухколесные арбы для быков и буйволов, которые стоят, подобно пушечным лафетам, местами на улицах и усадьбах, также ничем от турецких не отличаются. Как и у окрестных турок, ветряных мельниц у казаков нет, а молоть зерно возят на мельницы кирильского грека, стоящие вдоль ручья за деревней Фелей.

Пройдя вдоль берега мимо самой низкой части острова, казаки показали мне среди пашни на скате южной горы белый камень, который они зовут орлом.

Так как орел этот смотрит к берегу, то в том месте берега, куда придется предполагаемый взгляд его, искали, по-видимому, клад.

В неглубокой яме почти у самой воды виден угол какой-то стены, сложенной из больших камней — остатки какой-то древней постройки. Да и по всему берегу в этом месте видны остатки древних стенок, из которых иные уходят в воду, быть может, остатки пристани.

По липкой, размокшей от дождей земле пашни подошли мы к «орлу», стоящему недалеко от первых деревьев лесной опушки, но и тут — археологическое разочарование: не смотря на некоторое сходство с орлом, которое можно усмотреть при желании, камень этот никаких следов искусственной отделки не носит. Но казаки упорно стояли на своем и никак не допускали, чтобы такой камень не имел какого-либо скрытого значения и цели.

Отсюда повернули обратно к деревне, идя по склону южной горы, к тополям, указывающим место прежнего жилья.

На южном скате ложбины между горами, среди кустов, видны довольно обширные развалины селения: среди куч камня можно различить еще квадраты домов; улиц, конечно, увидеть нельзя, так как их, конечно, и не было прямых никогда. Нижним краем развалины подходят к группе громадных тополей; здесь в небольшой ложбинке выходит ключ, не высыхающий и летом, но казаки им не пользуются: и ходить к нему далеко, и вода, говорят, тяжелая... Но в древности, по-видимому, ключом этим не только пользовались, но даже почитали его святым, так как над ним ясно различается основание небольшой церковки, так, что источник вытекает прямо из нее.

Видны к Ю.-В. от ключа нижние части и другой церкви, побольше, ясно видно полукружие алтаря; по сторонам его небольшие ниши в восточной стене заменяют боковые полукружия больших церквей; внутри четырехугольного пространства по два пилястра на каждой стене, спереди был притвор: эта церковь очень маленькая и подобна множеству церковок, то разрушенных, то стоящих еще в греческих селениях.

Очевидно, что селение, развалины которого сохраняются и сохранятся, вероятно, еще долго, — так как казаки, строя мазанки, в камне не нуждаются, — было еще христианское.

На южном скате северной горы в леску можжевельника по большей части старое «могилище», куда привели меня мои спутники, так как там есть писанные камни.

Это кладбище, подобное множеству иных виденных на всех путях по Малой Азии: могилы обозначены или двумя камнями, поставленными вертикально по концам могилы, или обложены камнями вокруг в виде овалов или кругов или же четырехугольников. Здесь, как и на любом старом кладбище в Малой Азии,

оказались обломки всех времен — и несколько камней от античных еще построек и могильных памятников¹, и даже 2-3 камня с латинскими надписями, но совершенно стершимися, и части от зданий христианских, а именно обломки каменной алтарной преграды — века XI-XII, судя по ее орнаментам.

Когда я тщетно старался разобрать что-либо из латинской надписи на большом камне, бывшем некогда средним устоем двойного окна, казаки выражали опасение, что я, может быть, и прочту, да им не скажу, что вычитал на камнях этих, а камни де, да еще с буквами, лежат, конечно, не напрасно: видно, что эта большая плита привлекала уже на себя внимание и ранее, ее уже перевертывали и подрывались под нее. Очевидно казаки усвоили от соседних турок все те рассказы и фантазии, которые связываются у тех со старыми «красивыми» или «писаными» камнями («гюзель-таш», «язили-таш»). Ничтожные остатки надписей ничего о прошлом Мады не сказали, тем более, что иные из камней могли быть привезены и из других мест на берега озера. Латинские надписи происходят, очевидно, из какой-либо римской колонии, каковых здесь было не мало. Но древняя история молчит об островах озера этого, именовавшегося Каралидою по городу Каралиду; подобно тому как теперь зовут по соседним более крупным поселениям то Кирили-гёль, по имени Кирили («Крылии», как называют ее казаки), сохранившей древнее имя, или Бейшеир-гёль, или же, как звали раньше, когда процветало селение Енишеир, на берегу озера Енишеир-гёль². Лишь в позднейшие времена на сцену истории являются острова и обитатели их. Византийские историки³, описывающие поход императора Иоанна Комнина в 1184 году, говорят о покорении им жителей островов озера. Из Созополя, ныне Улуборлу, император двинулся на озеро, именуемое Пусгусою или Паасгусою⁴, где на многих островах, разбросанных по озеру и на равных почти расстояниях, жили христиане греки, которые, как казаки наши, «воду сделали себе защитою», но Иоанн Киннам упоминает и о крепостях, построенных на островах этих в древнее время. Эти греки не подчинялись, однако византийскому императору, так как были в постоянных сношениях с конийскими турками: они могли, якобы, съездить в Конию и вернуться домой в один день — что при теперешнем состоянии дорог едва ли возможно. Эти христиане приняли не только многие обычаи турок, но даже были столь преданны своему мусульманскому владыке, что отказались подчиниться греческому императору: «так-то, — философствует Никита Хомиат, — обычаи, приобретенные с течением времени, преодолевают национальность и веру».

Император, считая озеро старинным ромейским владением, предложил непокорным выселиться с островов и уйти к ниокийскому султану, но те отказа-

¹ См. Hirschfeld'a, L с., стр. 302.

² Этим именем объясняется, конечно, другое имя озера Янычар-гиоль у М. Вронченки. Обзорение Малой Азии. I, стр. 98.

³ Никита Хомиат (ed. Bonn, стр. 50) и Иоанн Киннин (ed. Bonn, стр. 22).

⁴ Имя это стоит, быть может, в связи с теперешним именем одной горы западного берега озера Боз-даг.

лись и от этого, «уповая на водный пояс озера»; но надежды их не оправдались. Византийцы воздвигли осадные машины на лодках, связанных помостами, и двинули их против укреплений, построенных на островах, которыми и овладели, правда, с большим трудом, так как поднялся сильный ветер, озеро взволновалось, немало судов и машин перевернулось в воду, и потонуло много воинов императора.

О дальнейших судьбах христианских обитателей мы ничего не знаем: было ли завоевание это концом поселений этих, или остались там жить христиане и после покорения их византийцами — об этом груды камней на Маде и замок Клысе-адаси молчат. Быть может, большая крепость на островке, виденном нами в пути, даст тому, кто посетит ее, больше указаний на предельное время христианских поселений на островах до прихода туда казаков.

Вернувшись в деревню, отправились мы смотреть церкви или, как принято говорить у нас, «молельни». Сперва посетили большую — Николая Чудотворца (см. рис. 2). Церковь стоит в обширном дворе, где бугорки указывают, куда девалось тридцать семей. Перед церковью на двух столбах или вернее на двух стволах, поставленных в природном их виде, на перекладине висят небольшие колокола, привезенные казаками с собою; на них есть надписи, которых мне разобрать не удалось: один ясно читающийся год 1772. Надписи отчасти по-русски, отчасти по-видимому по-гречески. Хлопец, читающий и поющий в церкви, взялся за веревки и позвонил. Потом пошли мы в церковь, хотя греков казаки туда, как табачников, и не пускают. Церковь выстроена, как и хаты из плетня, обмазанного глиной, и крыта камышом. Перед входною дверью навес на столбиках, через который входят прямо в церковь; другая дверь в западной стене ведет сперва в притвор, и оттуда уже другая дверь в церковь. Внутри стены и пол вымазаны глиной так же чисто, как и в домах.

В церкви полки, сплошь уставленные иконами и медными крестами, образками и складнями, идут по боковым стенам и по перегородкам, которые перегородивают церковь на три части, имея широкое отверстие по середине. Иконы разнообразные, то старые совсем почерневшие, то поновее.

Иконы перенесены с Майноза, но и там «изуграфы» перевелись уже тридцать пять лет тому назад. Большой напрестольный крест майнозского письма последнего тамошнего изуграфа. На многих иконах ризы или венчики, различные привески: кресты, ожерелья, шитые полотенца и даже, кажется, часть от обшивок бортов одежды; под иконами, как и в домах, куски цветной материи, обшитые позументами с нашитыми посредине крестами.

Медные кресты и образки иногда вложены в особые киоты: деревянные доски с вырезанными в них по форме крестов углублениями. В восточном отделении церкви стоит престол, уставленный крестами, подсвечниками и разложенными по нему книгами: большое Евангелие — печатано в 10-е лето царствования Алексея Михайловича.

Другая церковь (см. рис. 3) Казанской Божьей Матери стоит также на верхнем краю деревни, но южнее; колокола висят так же, как и близ первой. Устройство подобное же, но боковой вход не в южной, как там, а в северной стене. Внутри такое же множество икон и медных крестов и образков: в эту церковь перенесены иконы из уничтоженной 3-й церкви.

После посещения церкви пошли мы к дьяку Кириллу Агафоновичу. У него калитка ведет не прямо во двор, а вроде открытой галереи или сеней, идущих вдоль двора. Тут у двери на возвышении пола сидели двое мальчиков с рукописным растрепанным псалтырем, и быстро складывали слова по азам. «Да ты читай, где горазд» — советовал им атаман. Показывали они и тетрадки свои, где учатся писать уставом, как пишут и все грамотные казаки; гражданскую же печать с трудом разбирают и грамотей.

Дом этот такого же в сущности устройства, как и все прочие. В сенцах, убранных со всем возможным блеском, на полу у дверей в хату вместо половика лежит распластанный старый ватный бешмет. Над дверями лубочный портрет нашей царской семьи (Александра III) московского издания. Эта русская картинка не представляет, однако, чего-либо особенно оригинального в этих местах, так как во многих христианских домах внутренней Малой Азии встречались мне русские лубочные картинки.

Пока сидели мы в хате, такой же точно, как и та, где мы ночевали и пили вино, закусывая красною и вернее желтою икрой с луком (из рыбы «короб» — сазан), принесли туда и «несеку Игната Некрасова»: жезл, который атаман для большого великолепия обил красной материей с серебряным круглым набалдашником, довольно плохой работы, с простейшими чешуйчатыми орнаментами. Эта насека подарена была якобы Игнату каким-то татарским или турецким князем. Пока мы тут сидели, шли оживленные переговоры о снятии фотографии с казаков. Петрович, еще до поездки нашей на Маду, похвалялся мне «выставить девок в кичках, уверяя, что наряды их столь оригинальны, что в России за показ их деньги брать буду. Но тут на месте оказалось, что женское население Мады отнеслось к фотографии моей весьма подозрительно и сниматься отказалось: одни опасались смерти, как результата фотографирования, другие дипломатически выражали опасения, не были бы недовольны отсутствующие мужья, а девки опасались, что, быв фотографированы, как и останутся в девках на веки.

Всего красноречия Петровича оказалось недостаточным, чтобы переубедить баб; пришлось просить содействия Сергея Романовича. И точно, ему после долгих уговоров удалось уговорить некоторых баб. Но в праздничный наряд нарядилась лишь одна падчерица Петровича, окончания туалета которой пришлось ждать, конечно, не мало. Но наряд (см. рис. 4) был по истине оригинален: на голове высокая «кичка» о двух рогах золотой парчи под желтым шелковым прозрачным покрывалом, закинутым поверх рогов, волоса надо лбом и на висках подвиты; с кички около ушей спускаются подвески из серебряных цепочек

с разнообразными подвесками; на шее мониста, борта ватной кофты с короткими рукавами, обшиты тонкими серебряными монетами, с большими дутыми пуговицами посередине.

Три больших выпуклых серебряных бляхи: круглая, средняя и две заостренные к концам, украшают пояс, к средней бляхе приделаны еще привески из монет.

Из-под коротких рукавов ватной кофты спадают непомерно-длинные рукава нижней одежды, расширяющиеся на концах; полосатый передник и новые красные сапоги заключали этот оригинальный наряд, о сходстве которого с древнерусским мы судить не беремся, но никакому сомнению подлежать, кажется, не может, что этот наряд остался неизменным со времен ухода Некрасовцев с Дона.

К сожалению, только одна надела праздничный наряд. Конечно после снятия этой группы, неснимавшиеся остались в ободу, дочь дьяка Сергея Романовича, по его словам — плакала даже, что Татьяну сняли в кичке, а атаман говорил: «да ты бы мово-то сынишку выбил». Сам же атаман и дьяки не упустили случая фигурировать на каждой из снятых фотографий, как и Петрович, нарушавший гармонию своим черкесским нарядом и зонтиком¹.

Дом дьяка Сергея Романовича стоит против того дома, где мы водворились; в низкой горнице, в углу под образами, довольно много старых книг в кожаных переплетах. Но нас привели сюда и заставили обратить внимание не на то: на полу под полушубком лежал больной казак. Суда по его бледному лицу, по долгому уже времени болезни казалось, что и при умелом лечении ему едва ли суждено было бы поправиться, а здесь при строгом посте, при отсутствии какой-либо медицинской помощи, больной этот производил особенно неприятное впечатление. Внимательно и с верою слушала старуха наставления, которые можно было дать; и особенно неприятно было сознавать полную бесполезность и произвольность их. Но и сам больной, жалуясь и на жар, и на боли в груди и пояснице, и на плохое состояние желудка, не сказал главного, быть может, о хронической язве. Другой больной, которого нам показывали, жаловался на лихорадку, но имел вид чахоточного в последней степени.

Посетив еще одну хату, такого же устройства, как и прочие, и посмотрев другого больного, также мало подававшего видом своим надежд на выздоровление, как и первый, стали мы собираться в обратный путь, что началось, конечно, едою; особенно оригинальны и вкусны были «кашники», оладьи из рису на яйцах с медом.

Приготовили «лодочку», нагрузив ее нашими вещами, обильным запасом подорожников разного рода, объемистым кувшином вина, взяли и парус.

¹ На группе рис. 3,4 сзади стоят (идя слева направо) атаман, дьяк Сергей Романович и дьяк Кирилл Агафонович.

Около часу до заката солнца тронулись мы в обратный путь: гребли двое «хлопцев» Артем и Федор¹ и гребли умело, не хуже турок.

На корме сидел один дьяк, а другой ехал также провожать нас. Погода была довольно холодная, легкий ветер позволил поставить в помощь гребцам парус. Теперь мы ехали на NNE к северному берегу озера к деревне Феле.

В то время, как старшие рассуждали и оживляли свои речи при помощи объемистого кувшина, хлопцы усердно гребли, и тяжело нагруженная лодка быстро подвигалась вперед: мы шли к северному берегу озера мимо гористого мыса, выступающего в озеро с севера, ограничивая с востока равнину, идущую от теперешнего города Караагачу, а в древности города Анабур, лежавшего на восточном краю ее. Между тем темнело, ветер становился холодным, на плоском берегу повозки нашей видно не было. Уже после заката солнца, часа через два пути, пристали мы к плоскому песчаному берегу озера, перед которым озеро поросло тростником. Петрович отправился в деревню за повозкой, а мы, вытащив вещи на песок, долго ждали прибытия повозки, закрываясь тулупами от холодного ветра с озера. Совсем стемнело, волны шумели, набегая на песчаный берег, сухой тростник шуршал; на горизонте темною полосой вырисовывались горы Мады, в промежутках между облаками показывались временами звезды, луна еще не взошла.

В полной темноте прибыл Петрович с повозкою, и мы распрощались с заброшенными сюда судьбою последними остатками «великого войска Кубанского».

Я. И. Смирнов

¹ Оба они стоят в группе в первом ряду по обе стороны баб; они же поют в церкви.

Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре
// ЖС, 1901, Вып. 3-4.

Реку Печору делят обыкновенно на верхнюю, среднюю и нижнюю или низовую. В частности низовая Печора и естественно — полярным кругом, и административно делится на две волости — северную, Пустозерскую и южную, Усть-Цылемскую. Обе волости резко различаются в бытовом отношении — Усть-Цылемская волость сплошь раскольническая, Пустозерская чисто православная. У русских низовой Печоры есть и соседи, с которыми им близко приходится прикасаться: между средней и нижней Печорой с левой стороны впадает река Ижма, населенная зырянами-ижемцами, в тундрах северной половины низовой Печоры обитают вымирающие самоеды. Нынешним летом я прожил в центре низовой Печоры — Усть-Цыльме три недели, и здесь, придерживаясь сжатых рамок одного сообщения, позволю себе изложить свои о расколе впечатления.

I.

Усть-Цылемская волость только 2-3 деревушками, из 81 селений зашла за полярный круг, остальные селения южнее его и разбросаны исключительно по берегам Печоры и ее притоков: Цыльмы, Пижмы и Нерицы. Усть-Цыльмы, как обычно все называют жителей Усть-Цылемской волости, все раскольники. Как раскольников, их можно отнести к поморцам-полубрачникам, ибо, будучи безповцами, они все-таки все, за очень редкими исключениями, венчаются в православной церкви. Но таинство брака, так же, как и все прочие таинства, Усть-Цыльмы отрицают, и они жили бы не венчаясь, но, нужды ради, выражаясь ихними словами — иду «скверниться в никонианскую церковь к щепотнику и табашнику попу». Какие же причины этому, какие нужды? С одной стороны, нежелание быть официально незаконнорожденными и иметь всё юридическая права на землю, имущество и, главным образом, не терять льгот при отбывании воинской повинности, с другой, неперемное желание всех усть-цылемских девушек венчаться в православной церкви, — эти две причины заставляют усть-цылемов в данном случае поступаться своими религозными убеждениями. Последнее обстоятельство неперемное желание всех усть-цылемок венчаться, имеет, вероятно, глубокие корни в прошлом Усть-Цылемской волости. Нужно думать, да это подтверждается и рассказами стариков, и утверждениями священников, нужно думать, что усть-цыльмы венчались прежде гораздо меньше чем теперь, жили, про-

сто сходясь¹, но зато и семейные узы были у них несравненно слабее, гораздо чаще, чем теперь, по ничтожным причинам, мужья бросали своих жен и, конечно, жены мужей, причем во всех этих и им подобных драмах семейной жизни страдать приходилось всегда больше женщинам. Происходило приблизительно то же, что мне пришлось наблюдать летом 1900 года в Чердынском уезде Пермской губернии, где то же поморство, того же толка, с тем только различием, что раскол там, вследствие большей неразвитости жителей, суровее, венчаются там меньше, и потому семейных драм больше. Молодые усть-цылемки, хорошо зная от своих матерей всю шаткость, всю непрочность неоформленного в церкви союза, и выражают упорное желание венчаться в церкви, в чем их всеми силами поддерживают, конечно, и матери, у которых, в данном случае, материнские чувства — желать счастья дочери, отодвигают на задний план религиозные взгляды на греховность «никонианского» венчания. Впрочем, по воззрениям усть-цылемов, венчаться в православной церкви, конечно, грех, но, во-первых, грех этот уж не так велик, а во-вторых, грех легко, сравнительно, замаливается, заглаживается, что усть-цылемы всегда и делают. Всегда после венчания в православной церкви наставник-старичее или книжная старушка навлаживают на молодых эпитимию, состоящую обычно в посте в несколько недель (обыкновенно шесть недель) и по одной или несколько лестовок земных поклонов (лестовка = 100 поклонам) в день во время этого поста. Поститься при этом нужно, конечно, не во время какого-нибудь из обычно установленных постов, когда и без того все постятся, а непременно мясоедом. Но и тут обычай «нужды ради» сделал большое облегчение. Никогда почти заглаживавший грех венчания в православной церкви не выполняет всей эпитимии сразу, ибо шесть недель поста, кроме обычно для всех установленных, и сотни три-четыре земных поклонов ежедневно было бы для рабочего человека очень изнурительно. И обычай, снисходя к немощам плоти молодого мужа, и особенно принимая во внимание условия местной жизни, главным образом ценность времени, обычай разрешает раскладывать эпитимию на несколько лет, т. е. разрешает молиться и поститься, напр., по одной неделе в год. Люди состоятельные и тут делают себе облегчение: они нанимают поститься и молиться за себя «бездельных» старушек, и тогда эпитимия может быть выполнена вдвое, а то и втрое скорее. Этот обычай создал в Усть-Цылемской волости особый тип вечно молящейся и постящейся за чужие грехи старушки, получающей за это 60-70 коп. в неделю и этим живущей. Только тот же обычай продписывает, чтобы старуха постилась и молилась непременно в то время, когда постится и молится эпитимированный, иначе никакой пользы от ее поста не будет.

Венчаясь «нужды ради», т. е. ради голых, чисто материальных расчетов, в православной церкви, Усть-Цылемы только в этот единственный раз в жизни к

¹ Что обычно проделывается и теперь у зырян раскольников, живущих по Печоре выше, в Вологодской губернии. Автр.

ней и прибегают, едва ли хорошо сознавая, что этим единственным разом в жизни обращения к церкви они навсегда к ней официально привязываются. Дело в том, что православный брак, конечно, не может быть совершаем над лицами не православными, каковы суть усть-цылемы от рождения, ибо никто из них не крестится в православной церкви у священников. Поэтому прежде чем совершать брак, священники присоединяют усть-цылемов к православию (миропомазывают, дополняя так. обр. ихнее, «по нужде», стариками крещение), затем исповедывают и преобщают, а затем уже и венчают. Считая венчание, а еще больше того причащение св. таин за грех¹ и заглаживая после эти грехи эпитимиями, усть-цылемы, как это ни странно, почти никакого значения не придают почему-то обряду присоединения, а он-то, навсегда делая их официально православными и служить причиной недоумений между ними и православными священниками, во всей их последующей жизни. После брака к усть-цылему, сделавшемуся официально православным, предъявляются требования — чтобы он крестил по православному обряду детей и хоронил умерших, ежегодно исполнял христианский долг, в форме исповеди и причащения, и пр. и пр. Тут и возникают недоразумения, причем тяжело приходится обеим сторонам — весьма понятно, усть-цылемам. По-прежнему вполне искренно не считающим себя православными, и искренним священникам, которые должны предъявлять к усть-цылемам, вполне сознавая, что она, убежденные раскольники, должны предъявлять требование в соблюдении православных обрядов... Таковы в двух словах эти недоразумения.

И так, усть-цылемы только раз в жизни прибегают к православной церкви — венчаясь в ней. Крестят детей они сами, в лице книжных, знающих церковные службы старушек или учителей-наставников. Детей, впрочем, не всегда крестят, а иногда ограничиваются только наречением имени. Делается это в 8-ой день по рождении. Лезет грамотник в семью на полику, снимает святцы, наугад открывает их и смотрит: первое стоящее с краю имя и будет именем родившегося. Но зато считается большой пользой окреститься старику или старухе перед смертью, хотя бы они уже и были раз крещены при рождении. Дело в том, что жил, например, крестившийся в детстве Иваном, жил и много нагрешил, а перед смертью еще раз крестился, положим, Петром. Крестился и, не успев нагрешить снова, вскоре умер. На том свете и будут искать многогрешного Ивана, а ново-крещенный безгрешный Петр не причем.

Не мало умирает в детстве, по словам местного духовенства, совсем без крещения, что зачастую, впрочем, случается, как известно, и в чисто православных, но глухих местностях. Умерших младенцев усть-цылемы кладут в долбленные корытцы, и мать ночью закапывает своего ребенка в поле, где-нибудь около овина, а то и на дворе. Бывали случаи, что закапывали в подполье. Прежде часто варывали во дворе и взрослых и даже на могилах кресты ставили.

¹ За венчание обыкновенно полагается шесть недель эпитимии, а за причащение шесть месяцев. Автор.

Тайным же образом, чтобы не погрешать по православному, хоронят усть-цылемы нынче и взрослых, тоже обыкновенно ночью, вследствие чего, по словам священников, многие усть-цылемы, числящиеся живыми, давно уже умерли в действительности. Вообще статистика церковная, да и всякая другая о состоянии раскола в усть-цылемской волости, очень далека от истины. Причина этому та, что усть-цылемы, не крестя детей в православной церкви, не записывающие их и в метрические книги, следовательно, цифра рождаемости в волости никогда не известна. Регистрирует усть-цылемов церковная статистика только при браке, а про смертность их она опять ничего не знает. Отношение усть-цылемов к детям, по общим отзывам, оставляет желать много лучшего. Чтобы не быть стесненными в домашних и, особенно в полевых работах усть-цылемки почти не кормят детей грудью, а соской с хлебом и пр., которые летом, при полном непонимании необходимости хоть какой-нибудь чистоты, загнивают, производя страшные детские летние мыты. В результате, опять-таки нужно сказать, как и везде в России, страшная детская смертность. Усть-цылемки очень плодовиты, но только трое, четверо из дюжины и больше приносимых детей остаются в живых. И не особенно жалеют об этом сами матери, относящиеся вообще сурово к своим детям, — обстоятельство, подчеркиваемое всеми местными знатоками быта.

Эту несимпатичную черту усть-цылемов, если только она не преувеличена всеми сильно, я думаю, можно объяснить и вполне извинить пережитками их религиозных взглядов. Вероятно, виновато тут бракорборное учение, которое всецело исповедывали прежде устьцылемы, как беспоповцы поморцы, считая брак в антихристово время блудом, а вследствие этого и прижитых от брака детей нечистыми. Известно, как пламенно исповедывали наши раскольники вообще какое бы то ни было, признаваемое ими за истину, учение. И в данном случае — бракорборное учение победило естественное чувство любви матери к ребенку. Теперь учение это ослабло, ибо не только незаметно на Печоре большого количества неженатых, а усть-цылемы сделали еще большую уступку — венчаясь в церкви. Но чувство нелюбви к детям, заменившись индифферентностью, осталось в усть-цылемках, передаваясь из поколения в поколение по наследству. В настоящее время на усиленную детскую смертность обратило внимание интеллигентное общество в Усть-цыльме и устраивает там по летам детский приют-ясли. К сожалению, прекрасное в принципе дело много тормозится распрями этого общества, распрями очень мелочными, — удел, присущий опять-таки всем глухим местам на Руси.

Еще немного об исповеди. На исповедь усть-цылемы к православным священникам, конечно, не ходят и на приглашение священников, по словам о. Замяткина в «Архангельских Епархиальных Ведомостях» отвечают в таком роде: «мы исповедуемся Богу и матери сырой земле» или «я приложу ухо к сырой земле, и Бог услышит меня и простит» и проч. и проч. Также и о причащении:

«за добрые дела Христос приобщает невидимо». Тем не менее у своих наставников усть-цылемы считают нужным исповедываться. Таких старцев, праведного жития, а иногда и не стариков еще, и не всегда примерной жизни, несколько в Цсть-Цыльме, но есть и по другим деревням. Таких старцев «праведного жития», а иногда и не стариков еще, и не всегда примерной жизни, несколько в Усть-Цыльме, но есть и по другим деревням волости. Одни из них исповедуют только своих однокоренцев, другие пользуются большой популярностью, известны далеко в округе и ездят, так сказать, «по приходу», иногда очень далеко, напр., с Пихмы реки до Пустозерска (400 верст), или на среднюю Печору, к вологодским зырянам (верст семьсот). Исповедуют наставники обыкновенно «миром», т. е. несколько человек зараз, хотя желающих исповедуют и наедине, в другой комнате или в сенцах. На мирской исповеди исповедники разделяются по группам, по внешним признакам большей или меньшей их греховности: на малочашечников или «кержачащих», едящих каждый ото всех отдельно, на большечашечников, едящих из общей чаши со своими, и на поперечных, едящих вместе с никонианами и бывающих в православной церкви. Группы эти во время исповеди становятся отдельно одна от другой, а поперечные кроме того еще спиной к наставнику. На обычные исповедные вопросы, между которыми, правда, преобладают грехи против никонианской церкви, на все вопросы, предлагаемые наставником вслух, все же вслух отвечают «грешен», и затем следует общая молитва. Женщины, исповедуются вместе с мужчинами, причем первые приходят на исповедь, опоясанные по голому телу, вторые — обыкновенно. Таинства причащения, конечно, нет, также, как и всех прочих, ибо усть-цылемы, как поморцы, по смыслу их учения признают проделываемые ихними наставниками крещение и исповедь не за настоящие таинства, а за подобие их, так как ведь и наставников своих они отнюдь не считают за настоящих священников, ибо настоящего, правого священства, а также и церкви со времен Никона нигде в Мире не существует.

II.

Хотя, утверждая это, нужно оговориться: все эти догматические тонкости о таинствах, о правом и неправом священстве и проч., вполне определенно сознают только те немногие усть-цылемы, которых местные священники в своих отчетах называют расколуучителями, попросту начетчики. Да и они сознают не вполне ясно и определенно и далеко не все одинаково. Дело в том, что чего-либо строго определенного, раз и навсегда установленного, всеми ясно и вполне сознаваемого в теоретическом учении Печерского раскола теперь нет. Самопонимание и самообъяснение раскола здесь очень слабы, и чуть ли с каждым годом не слабеют все больше и больше, и чуть ли не больше и больше, год от году, падает интеллектность раскола. Летом 1900 года я уже наблюдал такой неинтеллигентный раскол на реке Колве и верхней Печере, в Чердынском уезде; в Усть-

Цылемской волости эта сторона раскола чуть ли не бросается в глаза еще более резко. Чем же объяснить это явление?

Мне кажется, что за последнее время, точно определить границы которого не берусь, вообще в России замечается ослабление напряженности раскола старообрядства. Этому много причин, но одна из главных заключается м. б. в повороте стремления в религиозной жизни народа в сторону рационалистического сектантства. Последнее, как известно, наоборот, с расколом старообрядства, захватывает все большие и большие районы. Исканий народа в сфере духа уже не может удовлетворить теперь только обрядовая сторона дела, а в последней ведь и заключается суть раскола старообрядства. Народ в деле веры начинает искать «духа жива». У старообрядцев это сказывается пока ослаблением напряженности в делах веры.

Уменьшению же остроты напряженности раскола старообрядства немало способствовал, вероятно, и закон о раскольниках 1888 года, уменьшивший строгость преследований за веру.

Падению интеллигентности раскола на Печоре способствовали, правда, и свои, чисто местные причины.

Вопреки общераспространенному взгляду о всеобщей грамотности русских раскольников, усть-цылемы мало и плохо грамотны. Покойный С. В. Максимов в своей известной книге «Год на севере» говорит противное. Он утверждает, что все архангельские раскольники грамотны, а усть-цылему он считал «самой грамотной на Печоре, исключая толковой Ижмы». Ему своими глазами приходилось видеть, «свежие недавние копии, целыми томами большого формата, со старопечатных книг и целые сборники-книги, которые поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности, с какими старались печорские грамотеи записывать то, что могло интересовать их»¹... Конечно, в то время, в 1856 году, так и было там. Но не то теперь. И теперь, даже священники, вообще смотрящие на раскол вполне отрицательно, указывают на всеобщую потребность в грамотности, как со стороны самих раскольников, так и их детей, но те же священники приводят факты почти поголовной безграмотности взрослого населения в Усть-Цылемской волости. «В большой деревне Бугаевой, в 80 дворов, только три человека взрослых грамотных», — пишет местный миссионер о. Ильинский в «Архан. Епарх. Ведомостях», — «Наставница там слепая Анисья, а поп — Василий, не умеющий толково читать псалтырь». Я лично встречал много безграмотных, не старых еще, в самой Усть-Цыльме. Есть теперь, конечно, и в Усть-Цыльме и некоторых других деревнях волости министерские и церковно-приходские школы, в которых учатся дети раскольников, и не только мальчики, но за последнее время даже и девочки. Но все еще, в общем, неохотно отдают усть-цылемы детей в школы, в которых, они отлично

¹ С. В. Максимов: «Год на Севере», т. 2, стр. 44.

знают, в детях их усиленно сглаживают (особенно в школах духовных) разницу между ними и православными.

И вот, отчасти эта причина, отчасти, конечно, и недостаток школ, все еще поддерживают доморощенных грамотников и, главным образом, грамотниц, по всему видно однако вырождающихся и теряющих свою интеллигентность. «Приемы их обучения грамоте, пишет о. Ильинский, можно сказать, живой остаток древности, а единственная цель — научить детей читать старые книги». Берут они за свое учение дорого, до полуторых рублей в месяц, учат очень плохо и тихо. Учатся дети — мучаются, просиживая за зубрежкой весь день с раннего утра до позднего вечера, а дело движется плохо. В первую зиму изучают азбуку и канон за умерших механически, на память, в следующую зиму твердят псалтырь по кафизмам. Учатся дети — мучаются, каждый день по две зимы потеют над книжкой, заплатят немало денег, а в результате чтение без понимания. Где уж тут заняться списыванием томов книг, когда некоторые, кончив учение, еле-еле по-печатному умеют нарисовать свою фамилию. Видел и я нынче многочисленные томы рукописных книг, тетрадок и пр., но все это старинной переписки. Некоторые старые книги, особенно скоропись, не умеют читать, по крючьям, напр., разучились петь, и книги эти скупают у Усть-Цылемов теперь какие-то приезжающие сюда с Волги люди и отправляют их на ярмарку в Нижний. Непременно в силу этого нужно допустить, что прежде уровень общей грамотности в Усть-Цылемской волости, а также в частности и грамотности наставников был несравненно выше, но по каким-то причинам пал, и вот теперь, за самые последние годы всеобщая потребность в грамотности опять начинает проявляться.

Падение грамотности среди усть-цылемов легко объяснить, если вспомнить, что сравнительно недавно еще печорский раскол имел свои собственные рассадники грамотности — это монастыри, попросту скиты. Таковых мне известно три. Первый Великопоженский, основанный приблизительно в 1730 году по глухой реке Пижме, в 180 верстах от ее впадения в Печору. Это тот самый скит, где в 1744 году раскольники так ужасно засвидетельствовали непоколебимость и пламенность своей веры — от преследований тогдашнего духовенства и чиновников, запершись в скиту, сгорели 86 человек, вместе с наставником Иваном Анкиндиновичем во главе. О событии этом подробно трактует приобретенная мною в деревне Свитской, находящейся на месте бывшего скита, писанная полууставом рукопись неизвестного автора. После катастрофы Великопоженский скит снова возобновился, в 1825 году сгорел, и возобновился опять. С 1842 года архангельский архиерей завел с губернатором переписку о закрытии скита, которая тянулась два года, и в 1844 году скит закрыт. Иконы, отобранные в скиту при его закрытии, служат теперь иконостасом в Усть-Цылемской единоверческой церкви. О втором монастыре рассказывал мне один усть-цылемский старожил. Этот монастырь был уже на реке Цыльме, на месте нынешней деревни Омели-

ны. Когда монастырь основан и кем, старожил ничего не знает, но он рассказал мне историю про Иванушку, одного из спасавшихся в этом монастыре, которого на Почере считают святым. Вот эта любопытная история: «Было это залишком 100 лет назад, был на реке Цыльме монастырь, на месте деревни Омелиной, и спасались там люди. И стали этих людей теснить чиновники и снялись люди с места, и поплыли вниз по Цыльме, а как доплыли до устья реки Тобыщ, поворотили в Тобыщ, поехали вверх по реке и поселились там далеко от устья, верстах в ста, в полуторах и стали там жить. И жили там люди и спасались¹, и потом стали повымирать. И старики помирали, и молодые, и дети, и в 20-30 лет, все люди там перемерли и остался в живых один Иванушка. И стало тоскливо жить Иванушке, и выплыл он на плотике в Усть-Цыльму, и стал он ходить из дому в дом, питаться Христа-ради у людей, которые больше Бога знали и соблюдали правую веру. Ходил Иванушко так год или два и ушел однажды из одного дома, а в другой не пришел, потерялся. Прошла осень, зима, наступила весна, и однажды нашел кто-то Иванушку под елкой. Сидит Иванушка под елкой мертвый. Были и холода, и жары, а Иванушко под елкой цел — невредим, и духу от него нет, и гнус его не тронул. Похоронили Иванушку, а на могилу воткнули веточку сухую, а из веточки этой выросли три большие сосны. И стали Иванушке молиться, и стал Иванушка милость давать». Иванушка похоронен в 1 и 1/2 верстах от Усть-Цыльмы, на могильнике среди полей, сзади деревни Караванной. Могильник очень не велик и на нем действительно три большие дерева густо сплелись ветвями. Ежегодно 24 дня, в Иванов день, на могильник этот стекается народ со всей волости — «петь Иванушке панахидки». Усть-Цылемы ждут, что скоро появятся Иванушкины мощи, но могилу его хорошенько не знают и сами, если только не скрывают с целью, боясь местваго начальства. Но, кажется, это та самая могила, на которой стоит большой, до сажени, деревянный подоженный снизу кадильницами крест, а на нем по-церковному вырезано: «на сем мести чреждён крест повещанию горловой боли Иоанну Крестителю. Марина Палкина». Из этого видно, что Иванушку некоторые едва ли не смешивают с Иоанном Крестителем, хотя, может быть, крест посвящен действительно Иоанну Крестителю, в день которого собираются только на могильник служить Иванушке панахидки. На кладбище есть и другой крест с надписью уже просто: «Иоанн Крестил». Тут, впрочем, и похоронены два чтимые Иванушки. Второго, по рассказам, принесло полоё водой с верх-Печоры и выбросило у Караванной, тоже совсем не тронутого ни теплой погодой, ни гнусом. За святого же, кажется, почитают Усть-Цылемы и спасавшегося в Великопоженском скиту некоего Евлампия или Лаврентия (хорошо не помню), мужа праведной жизни, который из самоуничтожения велел схоронить себя не на кладбище со скитниками, а на другом, где хоронились жившие неподалеку от скита «попереч-

¹ Основала, значит, монастырь, третий. Авт.

ные». И ему служат усть-цылемы панахидки, и ездят по обещанию издалека. Ездят же каждый год, обыкновенно весной, в полуую воду и на место бывшего монастыря, на реку Тобыш, где над могилами скитников стоит амбарчик, заменивший часовню, которые раскольникам возбранено ставить. Амбарчик же стоит и на месте Великопоженского скита, в деревне Скитской. Имена всех «страдальцев во огне погибших за правую веру» в Великопоженском скиту, записанные в особую тетрадку, хранятся многими усть-цылемами, и я встретил в деревне Скитской древнюю, за сто лет, старуху, некогда спасавшуюся в неразоренном еще свиту, которая все имена, «во огне погибших» знала наизусть.

Итак, уничтожением раскольнических монастырей, я думаю, можно, главным образом объяснить падение грамотности среди раскольников усть-цылемов. Конечно, большие грамотники есть среди усть-цылемов и теперь — это начетники. Лица эти больше чем грамотны-это книжники, которые, как и 200 лет тому назад, готовы по суткам спорить с миссионером о кресте истинном об имени «Исус», о хождении посолонь и пр. и пр. Но странное дело, не они, эти действительно иногда сильные в писании (конечно, односторонне) и тонкие диалектики, не они руководители раскола; не их народ слушает, не по их велениям поступает, не их чтит. Есть у него другие наставники и руководители, обыкновенно древние старики, часто старухи, порой очень малограмотные, с трудом разбирающие книги, но своею личною жизнью, вполне согласно с многочисленными правилами обрядовой веры, внушающие всей массе раскольников большое к себе уважение. Их, этих, редких уже нынче, малограмотных, но с пламенною верою людей, готовых и нынче умереть «за аз единый» — народ чтит и их слушает. К ним он идет исповедываться, им он несет свои сомнения и в вопросах жизненных, и в сфере своей темной, но жгучей веры. Это те, которые, когда умрут, будут также вознесены, как Евлампии и Иванушки.

III.

Тяжелое обвинение тяготеет вот уже много лет над усть-цылемами, — что они страшно развращены, распущены. Местные священники не находят слов для определения этого порока. Сильную развращенность усть-цылемов отмечают и все прежде об них писавшие. В старину, вероятно, так это и было, что опять-таки легко объясняется бракорборным учением, которому всецело были привержены усть-цылемы прежде. Учение это, признавая блудом плотское сожитие в «антихристово время», неизмеримо большим грехом считало все-таки осквернение при венчании» в никонианской церкви. Поставленный учением идеал совершенной непорочности, уже как всякий идеал был, однако, недостижим. По крайней мере, очень часто случались его нарушения в форме незаконных сожитий. А это вело постепенно к снисходительному взгляду на эти нарушения и, наконец, к их оправданию: «Не то блуд еже со девицею или со вдовицею, но то блуд егда в вере блудити: не мы блудим егда телом дерзаем, а церковь блудит, егда ересь

держит¹. Таким образом, бракоборное учение, оправдывая разврат, в конце концов, привело к полной нравственной распущенности, что, вероятно, наблюдалось в старину и среди усть-цылемских раскольников. Не то теперь. Бракоборного учения среди усть-цылемов теперь не существует, и мало того, что уже там нет девственников по идее, но теперь уже почти никто не живет просто сходясь, все венчаются в церкви. Факт этот что-нибудь да значит. Если сами усть-цылемы пришли к сознанию необходимости хотя бы ради чисто материальных выгод венчаться в церкви, значит они признали господствующую у них прежде форму брака ненормальной. С учащением браков церковных уменьшилось число незаконных сожитий, усиливалась строгость взглядов на распущенность. Опять можно привести в пример колвинских раскольников в Чердынском уезде. Там, при одинаковости исповедуемого толка, бракоборное учение все еще в силе, церковных браков меньше, и нравственной распущенности больше (см. «По Чердынскому уезду» — «Живая Старина», вып. I, 1901 г.), но и там это учение год от году ослабевает, увеличивается число церковных браков, уменьшается год от году распущенность. На Печоре, в самой Усть-Цыльме нравы строже, чем напр., в деревнях отдаленной и глухой Пижмы, не даром считающейся центром усть-цылемского раскола. Изменение взгляда на девическую непорочность с особенною очевидностью высказывается при нынешних браках. Нынче уже очень большое значение придают непорочности девушки, а та, у которой был ребенок, зачастую уже совсем не может выйти замуж — ее все обегают. При выборе невесты (по крайней мере, в самой Усть-Цыльме) непорочность ценится больше всего, затем здоровье, и затем уже все прочее, напр., красота и богатство. Мало того, избегается не только порочность самой невесты, но даже порочность ее семьи, рода, каковое требование выразилось даже в пословице: «Хоть урод (т.е. некрасивая), да и в роду». Совсем другие требования предъявляются к жениху. У жениха чуть ли не больше всего ценится богатство, а на все другое обращается мало внимания. И это выразилось в пословице: «жениха женят сусеками (т.е. богатством), а невесту выдают суседями», т. е. тем мнением, что составят о ней соседи, люди больше других ее знающие, доброй славой.

Конечно, по сравнению, напр., хоть с ижемками нравственность усть-цылемок ниже, но я говорю только о том, что рассказы о развращенности усть-цылемок сильно преувеличены. Девическая непорочность ижемок и верность замужним женщин на Ижме, все утверждают, удивительны, идеальны, но зато как принижена и как забита еще женщина на всей Ижме. Если зимой при катаньях с гор, и летом в разных играх девушки и парни на Ижме веселятся отдельно друг от друга, и если даже в церкви мужчины и женщины стоят, строго разделяясь, зато до сих же пор на Ижме зырянин, принимая гостя, позволяет своей жене только в полном молчании прислуживать, подавать чай, обед и пр., и отнюдь не

¹ П. С. Смирнов. «Внутренние вопросы в расколе». С.-Петербург, 1898 г.

позволит ей принять участия в беседе. И этот взгляд на женщину, эта приниженность женщины в доме богатого, бывавшего в столицах и развитого зырянна-ижемца сказывается еще в большей степени, чем в доме бедного, где женщина другой раз поневоле становится на равную с мужчиной ногу. Не забитостью ли женщины на Ижме объясняется и то обстоятельство, что при сравнительном материальном достатке ижемцев и при их хорошем здоровье, женщины там страдают нервозностью, выражающейся зачастую в сильных ее проявлениях, в форме так называемой икоты, как об этом писалось как-то в одном духовном журнале.

Не таково положено женщины в Усть-Цыльме (по всей волости). Здесь женщина совершенно свободна, она совершенно равноправный член семьи, больше того, положение женщины у усть-цылемов прочно и, можно сказать, высоко. Свободна усть-цылемка с раннего девичества, безусловно. Там и в помине нет угнетения женщины, крайне редки случаи насильной выдачи девушки замуж, случаи, всеми, безусловно, осуждаемые и по общему — же мнению никогда добром не кончающиеся. «Отобьются они друг от друга, безвременно отобьются», — говорят усть-цылемы всегда в подобных случаях. А на Ижме выдача девушки замуж без ее согласия — правило. Усть-Цылемскую девушку в семье очень ценят, как работницу, неохотно с ней расстаются и, выдавая замуж, берут за нее большой «запрос» (выкуп). Выходя замуж, усть-цылемка отнюдь не теряет воли и перед свадьбой она хотя и «приплакивает плаксы», но в них она скорее прощается с отцом-матерью, отцовским домом, чем с волей девичьей, и нимало не тужит о грядущей неволе, которая, она знает, ее совсем не ждет в замужестве. Если в свадебных плаксах и есть слова, до некоторой степени увязывающие на «женскую неволю», то не нужно забывать, что плаксы, так же как и былины и древние песни есть пережиток далекого прошлого, наследие времен основателя Усть-Цыльмы Ивашка Ластки, когда нравы действительно были жестокие. Нынче усть-цылемка, выходя замуж, хорошо знает, что воля у ней будет, а о неволе она и не слыхала. И все-таки по традиции «воет плаксы». Тотчас по выходе замуж молодка, потом жонка совершенно равноправные члены семьи. Входя в дом мужа, особенно малосемейного, или тотчас отделяясь, молодка становится не только рабочей силой, бесправной и безмолвной как на Ижме, а настоящей и полной хозяйкой, самовольно и безотчетно распоряжающейся всем добром — муж только знай, зарабатывай. Да и не может вечно находящийся в отлучке муж, то в извозе, то на рыбной ловле, то на пашне, не может муж не предоставить полной самостоятельности своей жене. Последнее обстоятельство — вечное бродяжничество усть-цылема — создало на почве раскола еще одно, очень ценное в глазах всего раскольничьего общества, назначение женщины. Жонка ценится всяким усть-цылемом, конечно, и как жена, и как хозяйка, но еще и как знаток и хранительница староверства.

Усть-цылему зимой с промыслами звериными и извозом, летом с рыбной ловлей и пашней, вечно бродящему далеко от дома, зачастую имеющему дело с

«еретиками-никонианами», и некогда и невозможно соблюдать и хранить в чистоте все обычаи и обряды древние, передаваемые «от дедов и прадедов», из поколения в поколение. Вот почему всегда живущая дома и никогда не бывающая среди «еретиков», усть-цылемская жонка берет на себя изучение и сохранение правил древнего благочиния, заветов старины, и вообще всего того, что смертью на костре засвидетельствовали такие учителя раскола, как знаменитый Аввакум или старец Иван Анкидинов, и проч., «животы свои за правую веру сложившие» в недалеком от Усть-Цыльмы Пустозерске или еще ближе того, — в скиту Великопоженском на реке Пижме. Поэтому усть-цылемская жонка учит и распевает духовные стихи, читает псалтырь, заучивает церковные службы и зачастую справляет их: поет молебны и панахидки, крестит ребят, ведет чин отпевания по древнему обряду, строго следит за соблюдением постов, и пр. и пр. Это в религиозной жизни. А в бытовой жизни жонка же помнит до мельчайших подробностей и ведет чин свадебных церемоний и всех других обычаев и обычаев. Часто поэтому и бывает, что у многих неграмотных мужей жены грамотны и, конечно, муж такой жены не может не относиться к ней с уважением, с полным доверием к ее знаниям и мудрствованиям. Зато нередко же жена платит своему мужу снисходительным пренебрежением не только в сфере духовной, но и житейской, и зачастую сторонится его, как поперечного — не ест с ним из одной чашки, не молится на одну икону и пр. И странное дело, усть-цылем несколько этим не тяготится и принимает, как должное, вынося подобную отчужденность жены, как заслуженное наказание, как справедливую кару за «соблюдение заветов старины, напр., кару за близкие и частые (но необходимые, напр., у торговца или извозчика) сношения с никонианами. И часто можно услышать от усть-цылема на вопрос об обрядности: «это бабы знают, у них спроси». Духовная сторона жизни усть-цылема, следовательно, «бабье дело».

Конечно, все это не отрицает у усть-цылемов возможности учителей и наставников, и таковые и в самой Усть-Цыльме я по многим другим деревням волости есть. Но раскольничьи наставники и начетчики это, так сказать, специалисты, знатоки и любители раскольничьей литературы, изучающие литературу эту во всем ее объеме, для целей полемических и пропагандативских, для нужд всего раскола данного места, между тем каждая усть-цылемская жонка непременно знаток и блюстительница духовной жизни, только для себя, для своей семьи, для своего дому. Усть-цылемская жонка, заведая духовной жизнью в семье, следит главн. обр. за соблюдением мелочей обрядовой жизни. Правда, некоторые усть-цылемки выходят в данной сфере из круга семьи и начинают удовлетворять запросы и чужих людей: поют по заказу панахидки, крестят ребят и проч. Тогда и они поднимаются до положения представительниц раскола, но начетчицы из них почти никогда не выходят, потому м. б., что они не в состоянии подняться на должную умственную высоту, обнять всю литературу раскола, а вернее же, не в состоянии заинтересоваться ею, так как им интересна не теория, а дорога

практика раскола. Может быть, единственно усть-цылемской жонке, с раннего детства воспитанной в правилах раскола, т. сказать с молоком матери впитавшей дух его, м. б. ей одной Усть-Цылемская волость, обязана тем, что в ней больше, чем где-нибудь в другом месте на Печоре, весь склад жизни носит сильный отпечаток далекой старины; весь склад жизни, начиная с языка, изобилующего еще особенностями старо-новгородского говора, до одежды и платья, до стиля избы, наконец, до старинных игр, древних песен, до давным-давно исчезнувших в других местах былин. Несмотря на то, что соседки усть-цылемок — ижемки и особенно — пустозерки давным-давно сменили русский сарафан на ситцевые кофточки и вообще сильно «следят за модой», усть-цылёмки по-прежнему ходят единственно в нем, в сарафане, сменяя по праздникам домотканки и своделки на «шелковые» и дорогие шали, в косы вплетая широкие яркие ленты, на груди распуская широкие серебряные цепи с крестами, а кто побогаче, надевая и парчевые «коротки», а сверху на плечи накидая шелковые на лисьем меху шушуны и душегрейки. Исключительно русскую же одежду носят и усть-цылёмки, даже самые богатые, не соблазняясь примером богатых ижемцев и пустозёров, которые часто повергали меня в изумление шикарными тройками и сорочками, ботинками с узкими носками, шляпами-котелками и даже перчатками. Часто бывая в столицах, богатые ижемцы перенесли на Печору вместе с зеркалами и богатыми лампами, сорочками, пахучим мылом и духами и галантное обращение, и жестокие романсы, и фабрично-трактирные песни-частушки, но женщина по-прежнему у них раба мужа, принижена и забита до истерики. А свободные усть-цылемки, щеголяя в сарафанах, по-прежнему распевают простодушные, но глубокие, носящие отпечаток местного быта старые стихи и песни.

Православное духовенство на Печоре и на словах и в своих печатных трудах и названии не находит для определения той темноты и дикости и вытекающей отсюда страшной безнравственности и распущенности усть-цылёмов и особенно усть-цылемок и всегда в пример им ставит чисто православных, богобоязненных, крепко приверженных к церкви ижемцев, особенно пустозеров. В смысле распущенности ижемки и пустозерки, повторяю, действительно выше усть-цылёмок, во всем же остальном чистое православие и крепкая привязанность к церкви положительно ничему не мешают. Всем известны теперь те ужасы эксплуатации, которые проделывали да и до сих пор, кажется, проделывают и ижемцы, и пустозёры в отношении к бедным, вымирающим, в конце раззоренным, спившимся и зараженным сифилисом, самоедам. Еще С. В. Максимов сорок с лишним лет тому назад говорил, что «Тундра грехом на совести ижемцев лежит». После него на это много раз указывали не только все путешествовавшие по Печоре частные лица, но и официальные исследователи края, напр., в 1888 г. архангельский губернатор князь Н. Д. Голицын. Итак, развитые ижемцы и пуствоеры разорили, споили и развратили самоедов, к чему отнюдь не прикосновенны раскольники усть-цылемы и теперь бывшие владельцы тундры и

стад оленей, иногда в несколько десятков тысяч голов во многих случаях или в пастухах у ижемцев и пустозеров, или живут при селах и деревнях, питаюсь Христовым именем. Но спойв и развратив самоедов, зыряне, напр., и сами стали страдать этими пороками. Тот же князь Голицын говорит, что пьянство страшно развито в Ижемской и Мохченской волостях, тех самых, где они занимаются оленеводством. «Прибывая из тундры в одно из более богатых кабаками селений: Ижму, Мохчу или Сизябск, зыряне-олeneводы пьянствуют по несколько месяцев сряду, и в марте их увозят в тундру привязанными к саням»¹. «В Никольскую ярмарку в Пинеге зыряне поражают всех своим пьянством, выпивая массу вина и оставляя сотни рублей в кабаках». Ничего подобного, конечно, не происходит и не может происходить в Усть-Цыльме, где народ трудолюбивый, работающий, да и не занимаясь оленеводством (в крупных размерах) он не имеет больших достатков. Что касается «развитых пустозеров», то развитость их, православие, крепкая приверженность к церкви и большая религиозность, чему и я бывал свидетелем, опять-таки ровно ничему не мешает и сильно можно сомневаться в полной сознательности всех этих их качеств, на которые все так любят ссылаться. Дело в том, что среди пустозеров, при всей их «глубокой религиозности», есть лица верующие в силу идолов. В «Архангельск. Епарх. Вед.» за 1898 г., в № 9, со слов очевидца, рассказывается случай жертвоприношения пустогерами самоедским идолам. Пустозеры с Вайгача на материк переправляли стадо оленей. Переправа долго не удавалась — отплыв от берега острова, олени почему-то снова возвращались обратно. «Тогда один из пустозеров, человек значительный, предложил принести в жертву идолу оленя, чтобы получить у него помощь в переправе, и действительно принес в жертву оленя». Как ни темна сама по себе вера усть-цылемов, как не затемнена она еще большей массой пред-рассудков и суеверий, но до жертвоприношений самоедским идолам они все-таки некогда не доходили².

IV.

Выше я несколько раз вскользь упоминал о былинах на Печоре. Действительно, мне удалось записать в самой Усть-Цыльме семь былин: про Илью Муромца, про Дунай Ивановича, про Дюка Степановича, про Потыка Богатыря (про Поток Михаила Ивановича) про Ваську Буслаева, про Калик перехожих и

¹ Записка архангельск. губернатора князя Н. Д. Голицына по обозрению Печорского Края». Арханг. 1888 г.

² Сохраняется, правда, у них один обряд, несомненно, от времен языческих. В крещенский сочельник молодые парни садятся верхом на неоседланных лошадей и с гиком, криками и свистом носятся по всему селу «топчут шишков». «Шишко» — это черт или нечто вроде его, в которого крепко верят усть-цылемы и так его боятся, что без особенной надобности не произносят и его имя. Совершенно подобное же совершается в крещенский сочельник на всей Ижме и чуть ли не от зырян переняли русские этот обычай. Точно так же «гоняют шайтана», напр., и вотяки Сосновского края, в Сярапульском уезде, Вятской губернии. Авт.

про «Маево» побоище. К несчастью, поздний мой приезд на Печору, незадолго перед Петровым днем, лишил меня возможности записать и былин, и прочих исчезающих памятников народного творчества, гораздо больше, лишил возможности потому, что все усть-цылемы с Петрова дня разъезжаются на рыбные промыслы и пожни. Все семь былин или «старин» — по-печорски, записаны мною от трех лиц, жителей Усть-Цыльмы, при чем, ни один из них, конечно, далеко не использован мною совсем, чему причиной был, повторяю, недостаток времени.

Так, напр., Дмитрий Дуркин, еще совсем нестарый человек, — ему сорок с чем-то лет, — знает, по его словам, до 70 былин. Только про Илью Муромца он знает до четырех былин, которые называет «поездками» — «первая поездка Ильи Муромца», «вторая» и т.д. От него я слышал названия былин про Садко, новгородского гостя, про Васюку Буслаева, про Чурила Пленковича, про Соловья Будимировича, про Ставера Годиновича и м. др., но сам записать успел у него только две. Любопытно, что Дуркин совсем не знает грамоты, но за то он обладает громадной памятью. Другой мой былинщик Алексей-слепой, старик свыше 70 лет, знает множество сказок, которые рассказывает очень ловко, почти стихами, но страшно повторяясь, из слова в слово передавая то, что было сказано раньше, почему сказки выходят бесконечно длинны. Знает он и былины, но с тех пор как его постигло несчастье — он ослеп, — Алексей совсем ничего не поет и только на словах передал мне былину про «Потыка». Мой третий старинщик Петр Поздеев, старик 65 лет, рыбак и сапожник. Он всех доступнее, пот. м. б., что тачая сапоги, дома мог рассказывать былины, а то и петь, хотя нужно сказать, когда я приходил, то работал он мало: только примется за старину, работа откладывается в сторону, и он, подпершись рукою, сидит, рассказывает или поет и уже ничего больше не может делать. Видимо, он сам сильно увлекается былинами. Былины знает у него и жена, и если он порой сбивался, жена его поправляла. Вообще нужно думать, что женщины также знают былины в Усть-Цыльме, хотя, как и везде в расколе, специальность их — духовные стихи, которых мне, к сожалению, не пришлось записать и одного, и я привез только несколько экземпляров, писанных полууставом, вероятно, вывезенных из Поморья. В них положительно ничего нет местного, печорского, даже писаны они, повторяю, едва ли на Печоре, и стихи эти могут служить только разве образцом литературы, которой удовлетворяется духовная жажда усть-цылемов.

Летом 1900 года я записывал песни на Вишере, в Чердынском уезде. Характерной отличительной чертой Усть-Цыльмы на Печоре от Сыпучинской волости Чердынского уезда, как это ни странно, то, что, несмотря на то, что Усть-Цыльма село раскольникое, а Вишера чисто православная, мне большого труда стоило записывать песни на Вишере, чем былины на Печоре. Вообще усть-цылемы удивительно общительный народ, и, несмотря на свое религиозное убеждение, что большой грех иметь дело с никонианами, и даже, несмотря на весьма понятное и легко объяснимое многими историческими обстоятельствами опасение

постороннего, да еще приехавшего из Петербурга человека, усть-цылемы очень охотно, без усиленных просьб, как на Вишере, рассказывали или пели мне свои былины. И я уверен, что если бы я приехал на Печору только хотя месяцем раньше, записи былин достигли бы, по крайней мере, сотни. Я тем большее основание имею это утверждать, что поименованные мною выше былинщики в свою очередь указывали мне на других односельчан, знающих былины, каких не знают они.

Вследствие начавшихся сенокосных работ я не посетил специально для записей кроме Усть-Цыльмы никаких селений ее волости, и только с целью приобрести крайне интересовавшую меня рукопись о пижемских самосожженцах ездил до деревни Скитской на реке Пижме. Рукопись¹ я приобрел, но о былинах в селениях по реке Пижме плохо слышно, хотя на Пижме я так мало видел народу, что решительно утверждать, что там былин нет, я не решаюсь. Кроме того, я совсем, не был в селениях по рекам Цыльме и Нерице, но думаю, что былины там есть, а что былины, старые стихи и пр. сохранились еще в Пустозерской волости, в селениях которой я тоже был только проездом, это — вне всякого сомнения, в этом меня уверяли местные торговцы и крестьяне, и даже приводили названия былин, какие сохранились там.

Говоря о былинах на Печоре, м. б. кстати будет сказать о былинах и в Чердынском уезде Пермской губернии. Там я прожил полтора месяца, разъезжая по Сыпучинской волости, на реке Вишере и за это время успел записать только два небольших отрывка про «Микиту Добрытьевича». Слышал я, что былинщик, обрусевший вогул, есть в дер. Усть-Улсе, но его я не застал дома; указывали на былинщиков в деревнях Акчимае и Голоскове, но голосковца я не

¹ Приобретенная мною рукопись, писанная неизвестно кем, но несомненно раскольников, трактует о кровавой исторш, случившейся в 1744 году в Велокопоженском скиту на реке Пижме. Историю эту, со слов «церковного летописца» пересказывает г.Истомин в «Предварительном отчете о поездке в Печорский край в 1890 году» (XXVI том «Известий Им. Русс. Геогр. Общества»). Автор церковной летописи записал исторш о пижемских самосожженцах со слов старожилы и потому в ней допущены некоторые неточности, по сравнению с рукописью. Автор церковной летописи, передавая историю, замечает: «Но ость подробная об этом летопись, только неизвестно где хранящаяся». Вот эту-то «летопись» мне и удалось сначала найти, а потом и приобрести. Найти ее было очень трудно, хотя она была недалеко, тут же в Усть-Цыльме, и, кажется, не в одном списке. Но нужно было достигнуть, чтобы владельцы рукописи доверились мне. Я это успел через некоторое время, и рукопись мне торжественно, но с большой опаской, принесли прочесть, ни за что не соглашаясь продать. Но указали, что на Пижме, в д. Скитской есть еще списки, которые м. б. и согласятся уступить. Пришлось ехать за 125 верст в д. Скитскую, где рукопись показали сравнительно легко, а затем и продали. В усть-цылемской рукописи о пижемских самосожженцах была приложена автобиография какого-то раба Иоанна, м. б., того самого поморского наставника Ивана Анкидиновича, что основал пижемский скип. Писана была рукопись, вероятно, в Поморье, полууставом, очень хорошего, мастерского письма. К рукописи, купленной мной в Скитской, оказались тоже приложения, верное продолжение велокопоженской исторш: 1) самосожжение на р. Пезе, в селении Езевец. 2) самосожжение на рр. Оме и Вижасе 3) о зимносторонцах и 4) о «промеории в Питербург». Купленная мною тетрадка гораздо худшего письма, чем первая; моя, вероятно, письма Местного, писана тоже полууставом. Авт.

застал дома, а акчимец наотрез отказался петь, — была больна мать. И только в д. Вёлгуре мне пришлось записать упомянутые два отрывка у старика под 70 лет, Ульяна Партакова. Но он оказался упрям: сообщив мне на словах несколько песен и два отрывка былин, он ничего не хотел больше рассказать, тем более былины, которые нужно было петь. Так я ни с чем и уехал, а былин он, говорили мне, знает много. Уверяли меня, что былины сохранились в двух-трех маленьких деревушках на глухой реке Береговой, притоке Колвы, в том же Чердынском уезде, но я там не был. На реке Колве и верхней Печоре, населенных раскольниками, о былинах слышно плохо, и ничего я там, хотя и был, не записал, хотя утверждать, что былин там нет, не решаюсь.

Н. Ончуков.

**Ончуков Н. Старина и старообрядцы.
(Поездка в Поморье и Заонежье) // ЖС, 1905, Вып. 3-5.**

I.

По поручению Отделения Этнографии, я побывал летом 1903 г. в Поморье, Кандалухе¹ на Терском берегу, на Мурманском берегу и в селениях Архангельского уезда, вблизи губернского города, а летом 1904 года в Олонецкой губернии, в уездах: Петрозаводском, Пудожском, Каргопольском и главным образом в Повенецком, где в селе Шуньге даже жил, не выезжая, полтора месяца. Главной целью поездок того и другого лета были этнографические работы: записывание сказок, песен, преданий, особенностей говора, а также наблюдения над жизнью населения общего характера. Но занимался я также оба лета и отыскиванием среди населения посещенных мной местностей рукописей для 2-го Отделения И. Академии Наук, а летом 1904 г., кроме того, и приобретением этнографической коллекции для Этнографического Отделения Музея Александра III, и отыскиванием и приобретением русских древних и старых вещей вообще. Покупка рукописей для Академии и вещей для Музея дело, кажется, простое, но оно требует, однако, столько времени, чтобы купить вещи, а главное отыскать и уговорить владельцев продать, затем составить списки, пронумеровать, запаковать экономически и переправить, так что времени для работы другого характера, именно для записей — уже и не остается. Но хорошо и то, что хотя поиски мои не пропали даром: в 1903 г. в Поморье я приобрел свыше 60 рукописей, 52 из которых поступили в библиотеку Академии Наук; в это лето в Олонецкой губернии рукописей, старопечатных книг, гравюр и акварельных картин так называемого «даниловского письма» приобретено мной свыше сотни. Цифры совсем небольшие, сравнительно с количеством рукописей, привозимых, ежегодно почти, В. И. Срезневским, который летом 1903 года из Олонецкой губернии привез колоссальное количество рукописей, что-то около 13 пудов. Но В. И. Срезневский ездит за рукописями исключительно, ездит в заранее известные ему местности, пользуясь указаниями о нахождении рукописей здесь в Петербурге; кроме того он располагает, специальными для покупки рукописей весьма значительными в сравнении с моими средствами. Я же никогда не ставил покупку рукописей специальной целью своих поездок, средства мои на поездки обыкновенно до смешного малы, вследствие чего очень часто приходится не покупать рукописи только потому, что за них дорого просят. Для музея Александра III-го нынче я привез целую коллекцию праздничных преимущественно

¹ Селения по западному берегу Кандалакского залива.

костюмов из Петрозаводского, Новенецкого и Каргопольского уездов, а также полотенцы, утварь и другие старинные вещи; в Поморье для музея мне удалось собрать коллекцию резных и раскрашенных «палиц»-колотушек для белья, интересных тем, что «палицы» эти не есть кустарное изделие, или даже изделие хотя и искусного, но все же специалиста — мастера, столяра или плотника. Каждая палица, собственно орнамент на ней есть личное так сказать творчество каждого отдельная помора, делавшего палицу зимой, в свободное от промыслов время, на память, своей жене.

Былин ни в Олонецкой губернии, ни в Поморье я не записывал, да мне и незачем было делать это после Гильфердинга и А. Д. Григорьева. При поездке на Мурман, на пароходе сказали мне, что в Коле один старик знает былины; я обрадовался было, отыскал старика, и когда стал просить петь, он отказался и сказал, что теперь он ничего не поет, но действительно, когда был моложе, пел «Боже царя храни». Ясно, что о былинах он не имел понятия.

В отношении записей сказок, преданий и пр. обе мои поездки нельзя сказать, чтобы были блестящи: сказок, во 1-х, я записал меньше, чем в свои поездки на Печору, во 2-х и сказочников таких во истину прекрасных как, на Печоре, ни в Поморье, ни в Олонецкой губ. я не нашел. Объясняю это обстоятельство тем отчасти, что летом 1903 года, сдавая экзамены в Археологическом Институте, в Поморье я попал только в 20-х числах мая, когда все уже почти мужское население Поморья отправилось на промысел трески на Мурманский берег. Поездка этого лета также не могла состояться раньше 20-го мая в силу того, что запоздал выходом мой сборник «Печорских былин», а сегодня все олончане уже заняты полевыми работами. В июле 1903 г. попал я на Мурман, где собираются на все лето поморы, но там был тогда разгар промысла, и во всем чуялась такая кипучая жизнь, такая лихорадочная деятельность, что о пении поморами былин, или о рассказывании ими сказок, нечего было и думать, нельзя было завести и речи. Мурман сам по себе, даже по своей природе, очень мало похож на русскую область, хотя бы на то же Поморье, с его прекрасными древними церквями, крайне интересными селениями, с их постройками старорусская хоромная типа.

Присутствие на Мурмане, среди русских поморов, шведов, норвежцев, финляндцев, придает Мурману уже совсем вид «заграницы». Впрочем, иллюзия может длиться только до первого столкновения с порядками, как и везде безалаберными, — тут уж почувствуешь, что это несомненно матушка Россия. Поморы, ежегодно едущие на Мурман, где им всегда приходится, иногда подолгу, иметь дело с иностранцами, невольно подражают последним и в costume, и во многом другом, не смотря на свое старообрядство. Особенно это можно сказать про молодых поморов, которые совершенно перестают интересоваться былинами, сказками, старинными песнями, и крайне стесняются что-нибудь рассказывать или петь. Поморки же и поморы-дряхлаые старики, которые не уехали из дому на

Мурман, принимали меня сурово, также трудно соглашались рассказывать и петь, а то, что они рассказали и спели, в большинстве далеко в качественном отношении уступало Печорскому.

Суровость женщин Поморья и стариков я объясняю тем, что почти сплошь все население Поморья старообрядцы, а старики и женщины в старообрядчестве нетерпимее и аскетичнее в делах веры, чем все остальные элементы населения. Кроме того, «поморский раскол здесь, на месте его возникновения, гораздо суровее, чем, напр., на Печоре или, положим, на Мезени. И этому есть свои исторические причины. Старообрядческое Поморье, по своему местоположению на берегу Онежского залива, всегда было несравненно более доступно для архангельского ли, или для Петербургского духовного начальства, чем Мезень, Печора, Корела, а это духовное начальство не приучило наших старообрядцев к доверию и откровенности. «Везде цепи брячаху. везде вериги звеняху, везде тряски и хомуты Никонову учешю служаху, везде бичи и жезлие в крови исповеднической повседневно омочахуся»¹. Так, по образному выражению старообрядческого историка, начиналась миссионерская деятельность православного духовенства в Поморском крае. «Биением и ранами, лукавством и коварством злым, а не апостольским смирение к вере своей привождаху проповедницы Никоновских новин, — продолжает тот же историк, — и от мучительства облияхуся вся грады кровью, утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плаче и стонании пустыни и дебри»². Разумеется, теперь не брячат цепи, не трясутся хомуты на дыбах и не обливаются кровью старообрядцев города; все это, слава Богу, есть только страшное достояние истории народной веры в России, но слезы горечи и обиды зачастую льются и теперь по всему Поморью, да и не по одному ему, а везде, где живут пасынки земли русской, старообрядцы. В Поморье, на Печоре, в Олонецкой губернии и нынче только и слышишь: то священник остановил похоронную процессию, с помощью урядника и понятых занес покойницу в церковь и силой, вопреки желанию всех и предсмертному желанию покойной, отпел по православному обряду; то рассказывают, что урядник ночью вломился в мирный крестьянский дом и сделал обыск, «изловил» молящихся Богу странниц-старушек и отправил их по этапу. Приведенные в пример факты, которых множество, подкрепленных притом переходящими из поколения в поколение историческими примерами более серьезных гонений, конечно не располагают старообрядцев к полной откровенности: в совершенно невинном занятии, напр., записывали сказок или покупке рукописей, исторически запуганные старообрядцы начинают видеть какой-то подвох, какую-то каверзу или ловушку. Сказки или былины записываются, по мнению некоторых из них, для того — не проговорится ли в них человек о чем-нибудь,

¹ «История Выговской старообрядческой пустыни». Стр. 25.

² Там же.

за что преследуют, напр., о царе; покупку рукописей многие объясняю тем, что старину собирают в народе, увозят в Петербург, а там сжигают, — чтобы совсем она на белом свете перевелась, а делают это по просьбе православных попов. Одним словом, перенося взгляд свой с «никонианского» духовенства, как зовут старообрядцы православных священников, на «никониан» вообще, поморы, а особенно женщины и старики, и к «никонианам» не духовным, т.е. вообще ко всем старообрядцам относятся крайне недоверчиво, осторожно, политично. Не сразу вызовешь на откровенность в Поморье, как это всегда, почти было на Печоре, где народ чрезвычайно доверчивый, искренний, простодушный. В Поморье же в некоторых селениях, особенно тех, где придерживаются «аристовщины»¹ меня просто не пускали в некоторые избы, не желая иметь со мной никаких дел и разговоров. Но видя сначала в каждом новом человеке непременно врага, человека желающего причинить какое-то горе, старик-помор или чаще старуха-поморка, как только убедятся в незлобности ваших намерений, — доверии и благодарности, просто только за человеческое к ним отношение, не оскорбляющее грубыми отзывами дорогого для них Мира их религиозных верований — не будет конца. Они многое вам расскажут, все почти покажут, уступят много из того, что им самим мило и дорого, напр., какую-нибудь рукопись или картину. Но повторяю, сразу этого не достигнуть — для доверия нужно время.

Понятно, после этого мое удивление, когда, попав, после первоначального сурового приема у старообрядцев, в их же старообрядческие скиты² я сразу встретил там обратное к себе отношение. В Пёртозере, пробираться куда нужно пешком по жердочкам, проложенным по мхам и болотам, не только меня сразу любезно приняли, напоили чаем из чайника (самоваров в скиту нет, а из чайничка изредка побаловаться чайком, потихоньку друг от дружки, не так грешно), выводили по кельям спасающихся в скиту старичков и старушек, но показали все книги, а спать положили в моленной, хотя настоятеля Федора Александровича и не было дома. В Лахту я попал под местный годовой праздник — Петров день, и мне разрешили присутствовать даже на всенощном бдении³, которое продолжа-

¹ Аристовщина одна из безпоповщинских сект; выродилась она из федосеевщины: главное отличие аристовщины от последней в том, что аристовцы считают брак совершенно лишним установлением, представляя отношения мужчины к женщине на произвол каждого. На практике, однако, те и другие держат себя друг от друга далеко, даже не едят и не пьют вместе. Отношение к светской власти, как служащей антихристу — незаконно: истинный христианин должен светской власти всячески избегать. (А. С. Пругавин «Раскол и Сектанство» стр. 408-114. В Поморье, как и везде впрочем, последователей этой крайне суровой и очень нетерпимой секты очень немного; встречал я однако аристовцев в Суме, и чуть ли не больше всего их в д. Сухой-наволоок. Ведя, сами очень суровую жизнь, последователей других сект в Поморье аристовцы называют «широкими».

² Пёртозерский скит или Перстозеро в 13-ти верстах от Сумского посада. Лахтинский — Лахта — в верстах в 16-ти от г. Архангельска.

³ правда, стоя в прихожей в моленной и смотря через стеклянную дверь.

ется действительно всю ночь, от 10 часов вечера до 8 часов утра; служба идет по монастырскому уставу, причем из книг не выбрасывается ни строчки. Должен, однако, сказать, что доверчивость сразу в скитах, отчасти показная: это выработанная многолетним опытом «ласковость» с посторонним, «с ветру», человеком, чтобы всячески его умаслить и удобрить — прием, к которому все время жизни раскола должны были прибегать все скитские жители, особенно же их заправилы, при своих вольных и невольных сношениях с гражданским и духовным начальством. Поди-ко не прими ласково и не выкажь хоть показного доверия какому-нибудь становому приставу, а то и уряднику даже и нынче, когда часто просто от каприза того и другого зависит и то небольшое благополучие, которым кое-где пользуются ныне старообрядцы. Кроме того, все скитские жители и вообще гораздо опытнее в распознавании людей и в определении степени вредности их для дела «древлего благочестия». Опытность эта в большой степени присуща скитникам, живущим в глуши, на берегу озер или посреди болот, а каким-нибудь отдельным семьям, живущим хотя бы и в бойких селениях Поморья иногда совершенно недоступная.

То, что я сказал относительно отсутствия хороших сказочников в Поморье, в полной мере приложимо к Повенецкому уезду, Олонецкой губернии, где в Заонежье и на Выгозере я только и пробовал записывать сказки. Пробовал я искать хороших сказочников, но тщетно, пробовал записывать от таких, какие попадались, но результаты были таковы, что отбивали всякую охоту к дальнейшей работе. Про ту часть Заонежья — Шуньгу, где я делал эти опыты, еще Гильфердинг, «слышал, что там едва ли есть былины»¹. Он не поясняет почему нет, однако слышанное было для него до того очевидно, что в Шуньгу, которая была совсем на его пути, Гильфердинг не поехал. Причина, почему область Шуньги была при Гильфердинге бедна былинами, а теперь сказками — это ярмарка в Шуньге. До самого последнего времени Шуньга играла такую же роль в Олонецкой губернии и Поморье, как Нижний Новгород на востоке Европейской России. Шуньга была центром поморской торговли; Москва и Варшава, в особенности Белое море и Петербург хорошо знали Шуньгу, и купцы из этих мест ездили в нее. Обороты ярмарки в 60-е годы прошлого века доходили до 800 тысяч и даже до миллиона рублей. Одним словом, ярмарка в Шуньге была отнюдь не местная, а областная; относительно же ярмарок можно сказать, что если многолюдье и праздничное настроение, присущие ярмарке небольшой, местной, может служить поддерживающим элементом для обмена жителей былинами, сказками, песнями, как это я наблюдал напр., в Усть-Цыльме на Печоре, то большие ярмарки, внося слишком много нового, неизвестного в данную область, разрушают, так сказать, невинность воззрений народа и обесценивают в глазах жителей и то, что в данной местности по части старого народного творчества

¹ «Олонецкая губ. и ея рапсоды». «Сборн. Отд. русск. языка в слов. И. А. Н.» т. 59, стр.36.

существует. А в Шуньгу, кроме как из вышеуказанных городов, приезжали даже из-за границы. Поэзия же народная, былинная ли, или сказочная требует для своего процветания и даже просто существования так сказать девственной нетронутости верований и чувств народа.

Если для части Заонежья — Шуньги, ярмарка служила так сказать искоренителем в ней сказок и былин, то и для всего Заонежья вообще есть причина, почему и там едва ли может быть теперь в хорошо сохранившемся виде все это. Во всем Заонежье народ далеко не то, что напр., на Печоре или Мезени и даже в Поморье: народ в Заонежье разбитной, бойкий, своим видом, больше подходящий к горожанам. Этому причина — близость Заонежья к Петербургу. В последнем почти из каждой деревни Заонежья кто-нибудь да живет, чаще в приказчиках, реже в ремесленниках и прислугах. Редкий не только мужчина, редкая женщина из Заонежья не бывали в Петербурге. А Петербург, эта бездонная прорва, высасывая лучшие соки из целой громадной округи на многие сотни верст, быстро и резко сглаживает не только внешние этнографические особенности народа, но возвращает и его душу, меняет область его мировоззрений. Заонежанину, побывавшему в Петербурге, а особенно в нем пожившему, неминуемо приходится вкусить легких плодов внешней трактирной культуры цивилизации, уличной прессы, «искусства» монопольных, народных развлечений, комитетов обществ трезвости. А вкусившему их уже нет ни времени, ни охоты заниматься «такими глупостями как былины или сказки», когда в народном доме «приставляют ужась какие интересные комедии и оперы», и там же с открытой сцены, полугодия женщины поют такие великолепные романсы. Происходит переворот, медленный, постепенный, но все же исторически неизбежный и в самой деревне. В Заонежье не притко, но твердо работает земство, шумит монополька с ее чайными общества трезвости, многие крестьяне выписывают газеты, где нынешним летом зачитывались о войне. Далеко шагнула нынче наша северная деревня со стороны чисто внешней культуры: уже три года назад на далекой Печоре я слышал граммофоны, а в Шуньге собственными глазами я лицезрел, как сыновья местных богачей раскатываются по улицам Шуньги на велосипедах. Место ли тут былинам?

Совсем плохо понятна крестьянам была моя любознательность к былинам и сказкам нынче летом: какой особый интерес можете представить былина, когда так много захватывающего в газетах? Что любопытного в былине, где так долго нужно слушать о битве каких-то двух богатырей, когда в любом номере «Биржевки» заонежанин может вычитать, как русские японцев чистят как картошку? Уничтожаются люди не десятками, как в былинах, а тысячами и десятками тысяч. «Под Порт-Артуром» погибло 17.000 японцев — читает сегодня заонежанин, а на следующую почту гибель японцев в тысячах выражается уже цифрой сорок. Вообще, что в сравнении с ужасами японской войны беды былинных героев, и что в сравнении с самой интересной, но известной и переизвестной бы-

линой, любой нумер любой ежедневной газеты? Былины могли храниться, любиться и петься до сих пор, пока к ним могло существовать так сказать религиозное отношение, пока мораль, в них проповедуемая, была моралью для тех, кто былины пел, пока идеалы героев былины почти совпадали с идеалами лиц былины певших и взгляд на жизнь былинных героев был тождествен со взглядами певцов былин. Но когда на верху, в интеллигенции, так сказать на чердаке жизни являются сверхчеловеки, смело шагающие по ту сторону добра и зла, внизу, «в подвале жизни», в крестьянстве, без чернильных сражений на листах газетной бумаги, а в глубине души народной также происходит «переоценка ценностей», зависящая, может быть, просто от изменения экономических условий жизни. Разрушается старая, патриархальная, основанная на обработке земли и промыслах, домашняя жизнь, а с ней вместе и все то, что эту жизнь до некоторой степени красило и удовлетворяло. Забываются старые песни, былины, сказки, потому что уже не могут они удовлетворить нарушенную девственность мысли и веры современного крестьянина. Не удовлетворяясь старыми идеалами, крестьянство жадно ищет новых...

II.

К борьбе старой русской культуры с чем-то новым, пока еще очень смутно выяснившимся, в Заонежье примешивается еще один очень сильный по влиянию элемент — это влияние на все Заонежье бывшего старообрядческого Даниловского монастыря, закрытого 50 лет назад, но все еще очень сильно действующее. Это влияние, примешиваясь к борению старого и нового течений, делает Заонежье одним из интереснейших мест в Руси деревенской. С одной стороны, Петербург с трактирно-народнодомной цивилизацией, с другой — ярмарка, правда, год от году падающая; но в то же время еще живы и последние могикане знаменитой на севере России, старообрядческой обители, живы еще лица, видевшие его богатство и славу, присутствовавшие при одной из бессмысленных жестокостей Николаевской бюрократии, при закрытии центра не только грамотности целого края, но и центра развитой промышленности, торговли и своеобразного народного искусства.

Если Поморье наше насквозь, так сказать, пропитано Соловецким монастырем¹, то Заонежье также пропитано, пронизано сколком с Соловецкого монастыря — Даниловским монастырем, он же Выгорецкий скит. Влияние монастыря или скита, основанного дьячком с. Шуньги Даниилом Викуличем, а прославленного знаменитым Андреем Денисовым, на севере России огромно и широко. За тысячи верст на далекой низовой Печоре видел я следы монастыря, этой Москвы северно-русского старообрядчества. Великопоженский скит на реке Пижме,

¹ Следы Соловецкого монастыря в Поморье — в церквах, в книгах, в рукописях, в надписях на тех и других, в названии урочищ, в преданиях.

притоке Печоры, сыгравший в этом крае большую роль, возник естественным ходом вещей, но вознесся он и стал влиятельным на всю Печору, вероятно, только потому, что пришел туда и стал во главе скита выходец из Выгорецкого жительствова Иоан Акиндинович¹, который ввел там Даниловский устав, и завел сношения скита со всем остальным старообрядчеством.

Но чем ближе к Повенецкому уезду Олонецкой губернии, где в 72 верстах от уездного города находится разоренная теперь обитель, тем следов ее больше и больше. В Поморье влияние Даниловского монастыря так сказать еще борется с знаменитой на Севере православной обителью, Соловецкой; но и там, несмотря на то, что Поморье давным давно обшарено скупщиками старины, я видел рукописи даниловского письма, картины, писанные там же, орнаменты на рукописях, резьбу на могильных столбиках заимствованные из Данилова. В Заонежье Данилов монастырь влиял прежде на жизнь, а теперь сохранился в памятниках уже всецело. При первом же моем знакомстве с Заонежьем, следы Данилова стали просто кидаться в глаза все в больших и больших размерах, и, в конце концов, мне приходилось только удивляться тому, по-видимому, огромному количеству имущества в иконах, книгах, рукописях, предметах обихода, которые имел Данилов монастырь, до своего окончательного падения в 1857 году. Большое количество икон большой ценности и теперь все еще держится в селениях Заонежья и Обонежья, несмотря на то, что только самые состоятельные хозяева не продавали икон. Продавали иконы возами, десятками возов. Как только выяснилась выгодность антикварного дела, скупщики старины потоком хлынули на разоренную обитель и вывозили все, что было, хотя сколько-нибудь ценно. И все-таки теперь, не смотря на все это, не говоря уже о церквах и часовнях, во всяком мало-мальски зажиточном доме иногда находится целая коллекция прекрасных, часто униженных жемчугом икон, настоящей стоимости которых владельцы иногда даже и не подозревают, а только почти инстинктивно, до последней возможности стараются не продавать их, как материнское или отцовское благословение, или потому, что это «досюльщина», «даниловщина», которую по старому очень уважают и ценят. В Заонежье, в Поморье, на Печоре и вообще есть убеждение, что «божество», т. е. иконы не следует продавать — это «последнее дело», т. е. прибегать к продаже икон допустимо только в случаях отчаянной нужды.

Много в Заонежье из Данилова монастыря было и рукописей. 212 рукописей «выголексинской библиотеки» описал г. Е. Барсов в 6-м вып. «Летописи занятий Археографической Комиссии». Но то, что описал г. Барсов и то, что хранится теперь в архиерейском доме в Петрозаводске, разумеется жалкие

¹ Так говорится о нем в старообрядческой рукописи: <> Помянутый же Иоанн Акиндинович, родом с Ростова города, вышед сперва староверства ради, еще млад сый, в нижегородские пустыни... и после пришел в Выгорецкое жительство, и после съеха на оную Печору, по званию тамошних печерских жителей».

остатки всего того, что было действительно в мужском и женском Выгорецких скитах — в Данилове и на Лексе. Сам г. Е. Барсов говорит, что при приеме выголексинской библиотеки в Петрозаводске, выяснено было только, «какие книги выданы из этой библиотеки, и на какие есть расписки, а на какие нет» (стр. 17), а куда рукописи девались, и что сделано для их возвращения в библиотеку — ни слова.

Зато на эту тему очень определенно говорит Майков¹. Его долго не допускали осмотреть рукописи архиерейского дома, требовали удостоверения в личности, расписки, подписки и пр. а когда в библиотеку все-таки допустили, то просили «не воровать книг». Странную на первый взгляд просьбу Майков объясняет тем, что «прежние исследователи достаточно уже исчерпали этот источник», «так недавно один ученый муж занимавшийся в той лее библиотеке потихоньку увез несколько крайне интересных рукописей». Впрочем, осуждавший такой образ действий «господ экспертов от науки», Майков и сам сделал то же, только явно: на той-же странице он говорит: «благодаря разным вспомогательным мерам со стороны некоторых лиц, мы получили, наконец, возможность заняться поподробнее на досуге тем интересным апокрифическим материалом, который удалось «нам разыскать в Архиерейской библиотеке» т. е. попросту говоря: удалось увезти рукописи домой.

В самое последнее время, известно нам, выголексинская библиотека еще раз весьма основательно «исследована»... А библиотека эта, в ее первоначальном виде, тогда еще, когда она хранилась в Данилове и на Лексе, была в полном смысле замечательна. Она была так богата, что было время, когда едва ли можно было видеть где-либо еще такую же. Духовный писатель конца XVIII в., протоерей Андрей Иоаннов (Журавлев) «видел в руках старообрядцев довольно таких книг, которые подписаны собственными руками благочестивых особ царской фамилии: царевен, князей и княгинь, или которого-нибудь архиерея и патриарха из древних российских архипастырей². Разумеется, далеко не все из этих рукописных сокровищ отобрало строгое начальство, при закрытии скитов в 1857 году. Самое ценное, разумеется, припрятано было старообрядцами в укромные местечки, а то и продано; и многое из этого припрятанного попало в Заонежье, в Поморье, в Каргопольщину, в Москву и Петербург, разошлось по всей старообрядческой Руси, по всем русским книголюбам и любителям русской старины вообще. Самое ценное из имевшихся в Выгорецких скитах икон и рукописей было, конечно, не даниловского или лексинского производства, а производства старорусского, а то и древнерусского вообще, но и сами Выгорецкие скиты много написали икон и рукописей, иногда просто копий, иногда же и оригиналь-

¹ В. Н. Майков «Поездка в Обонежье и Карелу», С-Петербург, 1874 г. стр. 43-44.

² Андрей Иоаннов. Полное историческое известие о древних стрпгольниках и новых раскольниках., ч.2, стр.8.

ных произведений. Особенно последнее касается, конечно, рукописей — сочинений. «Собственные сочинения выговцев могли бы составить целую библиотеку: по исчислению старообрядческого писателя Павла Любопытного, только один Андрей Денисович написал 106 разных сочинений, (Семен Денисович 46, Даниил Матвеев 18, Андрей Борисов 11). В скитах были и писательницы: «сестра Гавриила Семенова составила такое похвальное слово своему брату, которое обличает в ней основательное знание тогдашней риторики¹. Писательство в Даниловском монастыре, начавшись с первых годов его жизни, непрерывно продолжалось до дня его смерти и разграбления, и даже после этих варварских событий. Скитники и скитницы, разогнанные после закрытия монастыря в разные углы преимущественно Заонежья и Поморья, не переставали заниматься тем, чем они занимались, живши в Данилове и на Лексе, применяли свои знания даниловского искусства и науки и при новых условиях жизни. Небольшой архив бумаг посчастливилось мне приобрести нынче в бедной деревушке Карельский Остров, на Вигозере, где я был проездом в Поморье. Несколько довольно интересных рукописей, выписки из таковых же и книга, письма и, главное, несколько тетрадок дневника, писанного частью стихами и 3 рисунка собственной работы оставила после себя два года тому назад умершая «монастырка» Любовь Степановна Егорова, 3/4| своей долгой жизни (жила 75 лет), проведшая в такой трущобе, как Карельский Остров. Она была дочь последнего большака в Даниловом монастыре, Степана Ивановича, пришедшего туда из Каргопольского уезда в детстве пешком; начал Стен. Иван, пастухом, но своими талантами и умом достиг степени большака.

Еще, до своего замужества, живучи в Данилове. Любовь Степановна, чрезвычайно начитанная из монастырской библиотеки, начала вести дневник и писать стихи и продолжала эго почти всю жизнь, правда, чем ближе к старости, тем реже и реже. Дневник ее крайне интересен для выяснения тех настроений, какие существовали в Выгорецких скитах ко времени их закрытия; эти настроения косвенным образом может быть и привели скиты к упадку, кончившемуся катастрофой 1837 года. Л. С. кроме того была мастерица рисовать, вышивать, петь стихи по крюковым нотам; нужно ли говорить, что всему этому она выучилась в Данилове².

Кроме рукописей, книг и икон и еще много памятников Выгорецких скитов другого рода осталось в Поморье и главным образом в Заонежье. Я говорил уже, что среди приобретенных мной бумаг Любовь Степановны находятся

¹ «Опис. рукопис. и кн. в Выголексинской библ.» стр. 7.

² В. Н. Майков, видимо Л. С. Егорову, но не в достаточной степени уразумел ее и потому несколько небрежно об ней отзывается: «Старуха, дочь большакова, оказалась отличным знатоком лексических порядков, существовавших до разорения. Много рассказывала интересного и, в конце концов, когда уверилась, что я не сыщик, притащила мне целую охапку книг и рукописей и пр.» («Поездка в Обонежье и Корелу», стр. 165).

3 рисунка ее работы, один на бумаге, другой на пергаменте, и третий вышит шелком по шерстяной ткани, натянутой на дощечку, вероятно служившую крышкой для ящика¹. Кроме этих образчиков мастерства Л. С., в самом дневнике ее, в одной из тетрадок находятся две миниатюры, изображающие ее саму, сделанные также акварелью, по рисунку, правда, совсем первобытные. Два рисунка ее же работы на бумаге, со стихами под рисунками, видел я еще в двух домах в Заонежье.

В Данилове, в близлежащих от него деревнях и селах: в Шолтопороге, Березовке, Тихвинском Бору, Чолмужах, в Повенце, в Шуньге, в Толвуе, в разных местах Поморья: в Сороке, Шижме, в Суме видел я кроме икон даниловского письма, иногда очень искусно написанных, массу портретов, сделанных акварелью или масляными красками. Наиболее распространены портреты наиболее известных большаков Данилова монастыря или по одиночке, или подвое, а иногда все большаки вместе, в виде так. наз. «древа благочеснаго». Видал я рисунки: общий вид Данилова и Лексы, птиц Сирина и Алконоста, и разные душеполезные изречения, вставленные в рамы причудливого и довольно искусно сделанного орнамента. Портреты масляными красками, как большаков², так и просто жителей выгорецких скитов, наиболее хорошо исполнены и резко отличаются от акварельных, обыкновенно лубочных. Последний из иконописцев и портретистов, живший в Данилове, известный всем под кличкой Куропат, умер всего за полгода до моего приезда туда, древним стариком; иконы его работы вы найдете в каждой церкви, в каждой часовне, в каждом доме почти в Данилове и около

¹ Рисунок на бумаге изображает двух девиц; одна в красном платье с желтым поясом сидит с протянутой рукой, возлагает на голову второй девицы венок; вторая девица стоит в зеленом платье перед первой на коленях, в руках держит тоже венок; по бокам девиц кусты с цветами; земля желтая, гористая. Под рисунком чернилами стихи:

Смотри на те места,
в которых мы с тобой,
когда-то счастливо и весело вместе жили и пр.
1856 года, декабря 15 Л. Егорова.

Рисунок на куске пергамена изображает лес, в лесу дом в два этажа, у дома собака; на поляне между двумя деревьями стоят две женщины. Внизу стихи в 8 строк, писанные чернилами, рукой Л. С. Егоровой:

О, дружба, жизни украшенье,
Дар лучших смертных от небес,
Ты соединяешь разлученных,
Отчаянных миришь с судьбой,
Улыбку возвращаешь скуке.
Душа тобой оживлена,
Не изменяешь ты разлуке,
И бедствия верна, и т.д.

Вышивка шелком на куске шерсти изображает гору, с двумя кустами на ней; по бокам горы два дома, с деревьями за ними; поверх деревьев три птицы; над птицами наверху вышивки; 1854 года августа 18.

² один портрет неизвестного большака, но чуть ли не последнего, Степана Ивановича, приобрел.

него. Кроме икон, Куролат писал портреты, расписывал яйца для христосования на пасхе¹ и пр.

Кроме писания икон, картин, портретов украшения рукописей рисунками и пр. в Данилове расписывали красками и предметы обихода: столы, шкафы, сундуки и пр. Я видел несколько столов, расписанных изображениями птиц зверей, утвари с душеполезными надписями вокруг, но всего любопытнее мне показался шкаф, весь расписанный цветами, зверями, птицами, между которыми Сири́н, очень хорошо исполненный. Всяческие рукоделья, иногда очень тонкие, процветали в Данилове монастыре: шитье, вышивание золотом, шелком, шерстью и пр. и пр. Мне пришлось приобрести женские шелковые подвязки с удивительным шитьем на них, которые составят украшение любого музея русской старины и рукоделий.

Изделия из бересты совсем художественно выделывали в Данилове; я видел и отчасти привез с собой табакерки, бурачки для ладана, корзины для рыбы и пр. покрытые резьбой, со слюдой под ней, что выходит очень красиво. Изделия из меди и серебра производились также в Данилове. «Известно, что Данилов долгое время был чуть не единственным поставщиком икон для всех беспоповцев России», — говорит Майков. Иконы и складни в Данилове делали превосходно, иногда с ажурными серебряными украшениями.

Все жители Новенецкого уезда и Заонежья обладают прекрасной посудой (тазы, котлы, поливальники, дымила и пр.) из красной меди, и все это сделано в Данилове, который выработывал, говорили Майкову крестьяне, до 300 пуд. в год различных медных изделий, а олонецкий губернатор в своем «Описании Выгорецкого общежительства» говорит, что только за продажу меднолитных крестов выручалось (в Данилове) до 5,000 р. в год². Кресты, створы, пуговицы к сарафанам скитников и скитниц выделывали в Данилове и его окрестностях из серебра³. Я лично приобрел в Данилове три железных и три медных печати местного производства. Особенно искусно сделаны печати медные, одна из них в виде брелока с загадочными буквами, украшена эмалью голубого, зеленого и желтого цветов и орнаментом XVIII в.

Об общем состоянии Данилова и Лексы официальный автор «Губернаторское описание Выгорецкого общежительства» приводит между прочим следующие данные: монастырь в течении времени приобрел множество соперников и жертвователей, на деньги которых приобретены библиотека древних рукописей и старопечатных книг, множество дорогих старинных икон, крестов, утвари. Заведены школы для обучения детей обоего пола, учреждены больницы для пользо-

¹ Я видел два таких яйца, на одном акварелью изображен охотник с ружьем и собакой, стреляющий утку, на другом — на одной стороне море и корабль, скала с выходящим из нее солнцем, в небе два горящих сердца с крыльями, на другой стороне херувим.

² А. С. Пругавин. «Раскол и сектанство», стр. 349.

³ И. И. Майков. Поездка в Обонежь и Корелу, стр. 118-120.

вания больных и призрения престарелых; для обеспечения монастырского продовольствия было куплено множество пахотных и сенокосных земель в Повенецком и Каргопольском уездах — только в одной окружности общежительства находилось до 14 пашенных дворов или припасов. На Онежском озере Данилов имел несколько пристаней, из которых на одну только Пигматку ежегодно привозили до 10 тыс. пуд. хлеба; Данилову принадлежат 2 лесопильных завода, несколько мельниц, шесть их судов ходили по Белому морю и доставляли в Сороку добытки промышленности; есть свидетельство, что даниловцы зачастую бывали на Груманте (Шпицберген), а раз добрались до Америки. В Архангельске монастырь имел сыроварню и салотопню, в Петербурге подворье; в селении Чаженском Каргопольского уезда была как бы ферма, которая заведывала 13,078 десятинами земли и выкармливала много рогатого скота. В 1835 г. только на своей мельнице даниловцы вымалывали до 4,000 четвертей ржи, а весь доход выгорецких пустынножителей достигал до 200,000 рублей. Но ненужно забывать, что за тот год и содержали они в общежительстве 1,026 чел. мужчин и 1,829 женщин, т. е. почти 3,000 человек. Кроме того, говорит г. К. Барсов «Окрестные повенецкие корелы во множестве работали на этот монастырь и кормились от него. Для жителей бедного края, житницы выговских пустынников были благодетельны во время голода».

И вот разорили такой рассадник грамотности в таком диком глухом крае, громадную школу ремесл и рукоделий там, где только и могли, что ковырять землю допотопной сохой, да боронить суковаткой; разорили огромное и сложное, прекрасно поставленное хозяйство, которое кормило не только лиц этим хозяйством управлявших и в нем работавших, но всегда поддерживало и бедное полуголодное окрестное население. Разорили только потому, что эту громадную хозяйственно-духовную общину завел и возвел до совершенства сам народ, в лице своих грамотнейших представителей — старообрядцев, а не насаждал их сотнями и тысячами приказов и предписаний какой-нибудь Аракчеев в гражданском мундире или духовной рясе.

Разорили 150 лет существовавшую обитель, разогнали жителей, всласть наиздеваясь над тем, что было всем мило, свято, дорого, некоторым дороже жизни. 7 мая 1857 года, рассказывает г. Е. Барсов¹ «выговцы собрались вечером в часовню на всенощную ко дню Иоанна Богослова. Большак вынес из кельи свою икону, чтобы петь перед ней величание, в это время чиновник Смирнов, со станovým приставом, волостным головой и понятыми, явился в часовню, объявил собравшимся, чтобы прекратили служение и вышли вон; потом запечатал часовню и приставил к ней караул». Так варварски грубо было это сделано. На утро «целые горы икон, крестов, книг и складней были навалены и увезены неизвестно куда». Чиновники нарочно садились на воза, чтобы показать свое пре-

¹ Е. Барсов. Описание рукописей в Выголексинской библиотеке", стр. 13.

зрение к тому, на чем они сидели¹. Сокровища русской старины, отобранные от тех, кто так же легко разбирался в них, как рыба легко плавает в воде, были доставлены в Петрозаводск, где встретили полное равнодушие, если только не сказать презрение глубоких невежд. Так, например, принять и обстоятельно описать рукописи и утварь из моленной поручено было членам местной духовной консистории протоиерею магистру Федору Рождественскому, ключарю собора кандидату Иоанну Другову и эконому архиерейского дома игумену Нафанаилу. Лица эти при желании все же могли бы «обстоятельно», как это требовалось на бумаге, описать рукописи и утварь, но так как ни то, ни другое их совершенно не интересовало, то он» и поручили заняться описанием рукописей неокончившему курсу семинарии дьякону Ильинскому и пономарю Ухотскому². А затем В. Я. Майков видел эти жалкие остатки драгоценной когда-то Выголексинской библиотеки и поразился «печальным зрелищем» виденного: «книги лежат в сырой комнате и гниют от сырости; там же в углу валяется и несколько икон святых, признаваемых православной церковью»³. В Лексе Майков побывал под колокольней и то, что он увидел там, но его словам «могло бы убить на месте библиофила⁴: книги, рукописи, утварь все свалено в кучу и гниет»... Я нынче в Данилове бы на колокольне и также своими глазами видел приблизительно воза 2-3 икон, когда-то, вероятно, ценных, теперь же уже совершенно испортившихся от температурных влияний.

III.

Здесь мне будет кстати сказать о гибели нашей русской старины вообще на нашем Севере, насколько я его знаю, и о том, как относится к этой старине и ее гибели с одной стороны духовенство, с другой — старообрядцы, и к чему это различное отношение к старине ведет.

Север наш богат памятниками старины, но особенно богаты ими из виденных мною местностей, Заонежье и Поморье. Здесь много старинных деревянных церквей интереснейшей архитектуры, а в них не мало старых предметов церковного прихода; в некоторых церквях встречаются и рукописи. Рукописи вида я в церквях низовой Печоры, на Мезени, в Поморье, в Заонежье, в Пудожском и Каргопольском уездах. Подробно о рукописях я буду говорить в другом месте, здесь же скажу только, что везде почти я видел к старым русским рукописям от православных батюшек такое отношение. В рукописях батюшки в громадном большинстве случаев совершенно не понимают, потому рукописей не ценят, а вследствие этого легко с ними и расстаются, если являются желающие приобрести их; а если таковых не является, «негодные» рукописи сваливаются в такие места,

¹ В. Н. Майков. Поездка в Обонежье и Карелу, стр. 115.

² Е. Барсов, стр. 12.

³ В. Н. Майков, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 155.

откуда они легко расхищаются или гибнут от сырости. В Оксине на Печоре, в Суме и в Кандалакше видел я, как рукописи и старопечатные книги валяются без всякого внимания среди старых облупившихся икон и ломаной утвари и мебели. Знаю я и такой пример: только что кончивший семинарию батюшка приехал на место службы в одно из селений Поморья. Принимая церковь, в библиотечном шкафу в алтаре он увидел несколько рукописей и старопечатных книг: «уберите куда-нибудь эту староверскую дрянью!», — сказал батюшка. Староверскую «дрянью» убрали и довольно ценные, даже просто в денежном смысле, старопечатные книги хранятся теперь у одного из местных книголюбов.

Сказанное в отношении хранения по церквам рукописей, целиком приложимо, и по отношению всей остальной старины, на всем нашем Севере. На страницах «Живой Старины» (статья «Но Чердынскому уезду») мне уже приходилось говорить относительно гибели старины в Чердынском уезде; тоже самое в полной мере наблюдается и в Поморье, и на Мезени, и на Печоре и в Заонежье: варварски «реставрируются» старинные иконы, а реставрация эта состоит в том, что не только чистят иконы и заделывают облупившиеся места, но совсем изменяют цвета красок, например, строгий темный тон заменяют «веселым», обыкновенно голубым, вместо золота на нимбах кладут охру, и пр. и пр., а то и совсем перемазывают, как это я наблюдал на Мезени, во многих селах Каргопольского и Пудожского уездов. Особенно поразил меня полный разгром всей старины в церкви Рождества Богородицы в городе Мезени. Удивительно оригинальной внешности этой церкви (см. рисунок при статье моей в 3-4 вып. «Живой Старины» за 1902 г.) соответствовала такая же и внутренность ее. Но когда я был в Мезени, внутри церкви Рождества Богородицы царил хаос. Старая обстановка церкви, старые иконы, иконостас с летописью над одним из ярусов икон, все это показалось «неприличным» нынешнему церковному старосте мезенских церквей, купцу Ружникову, и вот он задумал переменить все иконы и вообще всю обстановку. Старые иконы, правда, слегка оперхавшие, были вынуты из своих мест и заменены новыми, но гораздо худшего качества. К полному небрежению, иногда совсем к забросу предназначались такие иконы, например, как удивительный резной Георгий, снимок с которого приводил в восхищение знатоков старины здесь, в Петербурге¹. То, что я видел в обширном виде в Мезени, по мелочам проделывается везде, на всем Севере. Везде есть стремление старые иконы заменять новыми, почти всегда худшего качества, но блистающими свежестью и яркостью красок; везде стараются сорвать с кровли церковей оригинальное чешуйчатое покрытие и заменить его простым тесом или железом; башню, когда-то входившую в «стену городовую», сейчас же утилизируют и обра-

¹ По моему указанию заведующему Епархиальным древнехранилищем в г. Архангельске, И. М. Сибирцеву, резная икона св. Георгия вытребована из Мезенской церкви Рождества Богородицы и находится теперь в вышеуказанном древнехранилище, составляя один из лучших №№ его.

щают хлев для скота (в Суме), а если башня совсем уже разваливается, вместо того, чтобы ее поддержать, стараются поскорей распилить ее на дрова: старинные церкви, связанные даже с именем определенного исторического деятеля и даже святого, если они немного тесны, безжалостно разрушаются и на их месте строятся новые, более обширные (напр, в Печенгском монастыре). Почти все наши священники имеют очень большую склонность к просторным светлым, «веселым» церквям, к легким, ярким, «веселеньким» краскам, сияющим лаком иконам, блистающим паникадилам и пр. и пр. Вкусы вполне естественные и ничего нет худого, если вкусы эти применяются к вновь строящимся церквям. Но когда священник с такими вкусами ко всему светлому, яркому, блестящему попадает на службу в старую, полутемную древнюю церковь, вся красота которой именно и заключается в полном соответствии всей ее внутренней обстановки с ее величистой и даже темнотой, старина тогда часто безжалостно изгоняется, в лучшем случае обидно игнорируется, и ей предоставляется полный простор гибнуть от недосмотра и ухода за нею.

Гибель старины, кроме своего прямого значения, на севере России имеет еще одну сторону. Старина на Севере заключается обыкновенно в церквях, и во всем к церквям более или менее относящемся: в иконах, в предметах церковного обихода, в старопечатных книгах, в рукописях. Крестьяне Архангельской губернии, по крайней мере прибрежной ее полосы, целиком почти все старообрядцы; если же они не старообрядцы, то уже непременно с сильной приверженностью к старообрядчеству. Например, все жители Пустозерской волости на Низовой Печоре не только официально православные, но и все, за редкими исключениями, ходят в православную церковь, обращаются за требами к православному священнику и пр. Но в то же время они молятся непременно «старым» крестом, имеют в домах лестовки, кадьницы, медные иконы, исполняют некоторые старые обряды, не особенно расположены к священникам и слишком уж критически к ним относятся. Так и везде: или старообрядцы, или с сильной приверженностью к старообрядчеству. Любовь же наших старообрядцев к старине во всех ее видах общеизвестна. За старый крест, старые книги, старые обряды в конце XVII века люди эти бестрепетно шли на костры, а в XVIII в сами сжигались тысячами, не желая ни что уступить из того, что, по их мнению, было освящено тем только, что было старо, было свято древностью. Из области веры любовь к старине наши старообрядцы перенесли и во весь уклад жизни, с его старыми свечами и обычаями, со старой обстановкой, старым искусством, выражающимся в иконах ли, предметах поклонения, в книгах ли — предметах воспарения от суеты мирской в область горнюю; в предметах ли обихода, простой житейской обстановки. Любовь наших старообрядцев к старине воистину удивительна.

Могу засвидетельствовать положительно благоговейное отношение наших старообрядцев к старым иконам, книгам, рукописям. Тщательно хранятся не только целые книги, рукописи или разбитые экземпляры их, внимательно подби-

раются обрывки таковых, отдельные листы, не имеющее значения части листов, и все это обыкновенно собирается вместе, сшивается и, заключается в корки, чтобы лучше хранилось. И такое благоговейное отношение старообрядца к старине, какого бы он толка ни был безразлично, проглядывает и в отношении иконы, и в отношении древней вещи церковного обихода, и в отношении стиля церкви, внутреннего ее убранства, покрытия глав и крыши, самых стен даже, потому что «святая древность» кладет свою неизгладимую печать прелести и на простые бревна, из которых построена церковь. И вот при таком-то любовании стариной, при таком положительно умилении к ней, старообрядцы, как нарочно в громадном большинстве священников православных церквей видят чуть ли не врагов ей, этой старине. Нужно знать, что даже очень упорные старообрядцы, не имея никакого общения с православной церковью и священниками, все же не перестают интересоваться ею, даже наоборот: еще тщательнее, чем православные прихожане, следят старообрядцы за тем, что и как происходит в церкви. Поэтому ни один факт небрежного отношения к какой-нибудь древней церковной вещи, иконе, книге не ускользает от внимания старообрядцев. А часто происходят случаи не только небрежного отношения, но прямо, иногда ничем необъяснимой злобы¹ против старины, или по крайней мере случаи обидного ее игнорирования. Все подобные случаи тотчас же становятся известны среди местных староверов, горячо обсуждаются, причем часто случай простого небрежного отношения, принимает в глазах старообрядцев форму намеренного «гонения старины». Все эти случаи ведут к большему разъединению двух враждующих станов, соединиться которым была бы обоюдная польза: священники, особенно молодые, часто просто по неопытности и излишней педантичности и суровости, остаются в старообрядческих приходах без прихожан; а прихожане, т. е. жители глухих мест, каковыми является целиком вся Архангельская губерния, много теряют от того, если хоть один культурный человек, живущий среди них, должен почему-нибудь от них отдаляться.

Кончая свои заметки, не могу не отозваться на последние вести из законодательных сфер, касающиеся предмета, о котором я говорил здесь. Газеты сообщают, что Комитет Министров в заседании 25 января «категорически высказался за отмену всех стеснений и правовых ограничений старообрядцев, за отмену самого закона о преследовании старообрядцев». Наконец-то, можно теперь надеяться, старообрядцы после двух с половиною веков с начала гонений, затем стеснений более или менее упорных, вздохнут свободнее, будут обладать хоть тем немногим, что есть у всех остальных русских, православных. Радость правда

¹ В г. Перми, по-видимому священник П. В. Кондаков напечатал «Целебник души христианской» (76 стр.). Возмущались тем, что в народе ходят списки: Иерусалимский, о 12 пятницах, мучения Кирика и Улиты, автор говорит: «самое верное средство избавиться от них — сжигать их, и прочим тоже советовать. Слава Богу, ныне издано, напечатано многое множество книг законных, только не ленись, читай их и делай добрые дела» (стр. 63).

небольшая, но если вспомнить, что еще можно сказать вчера старообрядцы не смели мечтать и об этом немногом, то и это уже шаг вперед, ставящий старообрядцев в ряды всех русских граждан, так горячо желающих полного обновления нашей родины.

25 января 1905 года Н. Ончуков

Абрамов И. С. Старообрядцы на Ветке (этнографический очерк¹) // ЖС, 1907, Вып. 3.

Бегство старообрядцев за польский рубеж и основание Ветки на реке Соже

После 1685 г. русские люди, привязанные к старине, не мирившиеся с новыми началами, мощно вторгнувшимися в русскую жизнь, как известно, рассыпаются во все стороны, ища спасения для души и успокоения от административных репрессий, — «пустыня была всем прибежище», как поется в одном «раскольничьем» стихе, — оставляем храмы, причудно созданы, золотом и серебром богато убраны»².

В это время часть старообрядцев из московских пределов перебралась сначала в Стародубье, а потом за польский рубеж в нынешнюю Могилевскую губернию, облюбовала там удобное место на берегу р. Сожи, вблизи местечка Хальч, и основала посад Ветку.

В этом месте от р. Сожи отделяется рукав (ветка) и образует небольшой островок, версты в две длины и несколько сажень ширины; быть может, это обстоятельство послужило поводом для названия посада «Веткой».

По другим вариантам новый посад назван так в ознаменование возникновения новой ветви старообрядческой церкви. Лично нам пришлось слышать от одной ветковской старухи такое предание: сидели раз летом старики, первые ветковские насельники, и думали-гадали, как назвать свой новый посад; в это время пролетал рой пчел; покружился он и сел на ветку «Пусть будет наш посад назван Веткой», — решили старцы.

В любопытной книжке протоиерея Андрея Иоаннова (Журавлева), бывшего сперва старообрядцем, потом православным священником на Охте в Петербурге и миссионером в Ветке, изданной в конце царствования Екатерины II³, находим следующие интересные подробности о Ветке. «Ветку мы видим прелест-

¹ Летом 1907 г. мне случилось прожить некоторое время среди старообрядцев в м. Ветке (Могилевск. губ.). Поездка к ним совершена по инициативе и указаниям хранителя Этнографического Отдела Р.М.И.А.Ш. Н. М. Могилянского, которому считаю долгом выразить искреннюю признательность.

² См. в «Приложении» стих «По грехам нашим на вашу страну».

³ См. „Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Св. Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. Изд. II, исправленное и умножено прибавлениями. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук, 1796 г.

ницею суеверов. Сеть ее заблуждений привлекла из России великое число всякого звания беглецов»¹.

«Она (Ветка) в течение сего времени так сильно возросла и умножилась, что сделалась главою всей поповщины, хотя и неоднократно упала. Прелести ее от часу более распространялись повсюду, так что самые отдаленные города, уезды и селения России не избежали заразы ее. Вышеописанные беглецы, попы и другие волокиты, монахи и монахини от Ветки рассыпались повсюду, и простой народ везде развращали и по всем местам от Ветковской церкви таинство причащения разносили, так что купля сия главным промыслом у сих бродяг учинилась. И сие злоупотребление так сильно в поповщине вкоренилось, что и поныне простые монахи, монахини и старухи причащают тем сами себя и других»².

В главе: «о распространены Ветки» читаем: «Ветка есть небольшой остров, простирающийся в окружность (?) не более, как версты на две. Находится за границею России, в польской области, в дачах польского дворянина или пана Халецкаго, назван же Ветвою по проливу, отделяющему оный от реки Сожи, который пролив есть аки бы ветвь оной реки. Здесь-то основалась первая оная Покровская церковь... при которой находится скит и слобода, населенная под именем Ветки, всякою забеглою сволочью...»³. О дальнейшем росте Ветки протоиерей Иоаннов, враждебно настроенный к старообрядчеству, из среды которого сам вышел, пишет: «Изуверы наши... собравшись в немалом числе, убежали за границу, и поселились на помянутом острове Ветке, аки на месте свободном и безопасном, сущем под рукою польских панов. Сему последую примеру, русские невежды изо всех градов и селений, где только ни действовало оное ослепление, кучами побежали за границу и за невмещением Ветки в двадцати и тридцати в окружности верстах населили слободы, из которых (выключая саму Ветку): слобода Косецкая, Дубовый, Папсуевва, Марьина, Миличи, Красная, Кветюковичи, Буда, Брупец, Гродня, Нивка, Грабовка, Тарасовка, Спасовка, в вторых слободах по ветковским запискам считалось народу до 80 тысяч обоего полу. Все сии забеглые селения совокупно единым именем назывались Веткою»⁴.

Цитируемый нами автор дает такую характеристику тогдашним ветковским старообрядцам:

«Народ сей от природы наследственно (?) суеверен, груб, горд, предприимчив и обманчив, но поворотлив, к делам способен, трудолюбив и обходителен, словом такой, который удобно просветиться может»⁵.

¹ Стр. 8.

² Стр. 16.

³ Ibid. В настоящее время островок этот, образуемый рукавом Сожи, представляет собою незастроенное место, луг, дающий нынешнему владельцу Ветки, владеющему ею на правах чинша, некоему жан-дармскому полковнику, довольно значительный доход.

⁴ Ibid.

⁵ Стр. 20.

Во время войны Петра Великого с Карлом XII, слобожане старообрядцы из Стародубья и, вероятно, из Ветки принимали участие в партизанских выступлениях против шведов. «Государь тогда же, — рассказывает А. Иоаннов, — повелел раскольничьи слободы полковнику Иоргольскому переписать и имянною грамотою... собственно за собою утвердить с тем, чтоб впредь оными никто не мог владеть. Сия первая перепись тем щастием слобожан наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и ныне в купеческом состоянии беспрепятственно пользуются¹.

Очевидно, Ветка не вошла в состав переписанных и утвержденных за царем слобод, так как ею владели и сейчас владеют на правах «чинша» разные лица.

Ко времени царствования Анны Иоанновны Ветка достигает цветущего состояния. Русское правительство обратило внимание на Ветку, и в 1733 году был издан указ, которым повелевалось ветковцам вернуться в Россию, но как рассказывает протоиерей Иоаннов, — «испорченные ветковцы, которые по большей части были господние и военные люди... ниже думать о том хотели... Почему в 1735 году господину полковнику Я. Г. Сытину такое было дано повеление: «чтобы ввяв пристойную команду оных беглецов под стражею вывести в отечество и разослать кто откуда был, по своим местам. Сытин взял с собою пять полков войска, один драгунской, два казацких, и два тысящные Стародубовской и Черниговской, с которыми подошел искусно, окружил ветковцев отовсюду. Где по общему поповщины свидетельству и по ветхим стариков запискам, во всех местах и ущелинах нашел он обоего пола народа до 40 тысяч душ. Обозрив же всей забеглой сволочи сей жилища, слободы, скиты, монастыри и рассыпанные по всем местам кельи, приступил он к порученному себе делу. Но как ни торопился окончить оное скорее, однако, целый год на Ветке пробыл².

При этом, полковник Сытин приказал вырыть гробы четырех покойников: Иосафа, Феодосия с братом Александром и Антолия, пользовавшихся большим почтением у старообрядцев. Сжегши в заключение своих подвигов монастырские строения, полковник Сытин двинулся обратно в Россию, захватив вырытые четыре гроба с костями. Не доезжая Новгород-Северска по речке Колоске, он получил повеление сжечь их.

Лет через пять Ветка снова возродилась и возвратила себе прежнее значение.

В жизни ветковцев, между прочим, произошел такой эпизод: пан Халецкий, владелец Ветки, поссорился с князем Радзивиллом о границе своих земель. И вот Радзивилл, выставил своих крестьян, а Халецкий ветковцев. «Чернцы вступили за своего помещика, сделали страшный бой и окончили оный ужасным

¹ Ibid.

² Стр. 43.

пролитием польской крови, тем Халецкому прежнюю дачу и безопасность доставили¹.

В царствование Екатерины II произошла вторая «выгонка» ветковцев. «В 1764 году генерал Маслов с двумя полками военными забрал, где можно было всякого звания российских беглецов, и подобно Сытину окружил Ветку, нашел кривотолков наших там обоюга пола до двадцати тысяч душ». Генерал Маслов расправился с ветковцами еще более жестоко, чем его предшественник, он пробыл на Ветке всего два месяца и «минуя подробное о бродягах сих следствие, отправлена была она (Ветка) вся на поселение в Сибирь, и Ветка от вторичного падения сего совершенно потеряла силу свою². Об этих событиях сохранились лишь самые смутные предания в Ветке. Пользуется лишь особой популярностью нижеследующий духовный стих, примененный к разорению Лаврентьевского монастыря близ Гомеля.

«О разорении Лаврентьева монастыря близ Гомеля, сочинение»³.

Боже, придоша времена до нас,
 О них проревоша еще прежде нас,
 О них проревоша еще прежде нас.
 Пустыня была всем прибежище,
 Ныне уже и там нет убежища.
 Рассыпают нас, разлучают нас,
 Рады б неразлучны идти за Кавказ.
 Не противимся Божей воли,
 Идем во своя мы поневоли.
 Весь свет нам отечество,
 Где б не умирать,
 Кто польстится на честь, гроба не миновать.
 Оставляем храмы пречюдна совданы,
 Златом и серебром богато убраны.
 За царя молити у поли будем,
 Про житье свое во век не забудем.
 Пушай владеют чужим насильно,
 Скоро судья воздаст обильно,
 Равен у него царь и воин,
 Богату и нишу судья един.

¹ Ibid, стр. 49.

² Ibid., стр. 60. По словам Д. А. Клеменца, сосланные ветковцы до настоящего времени живут в Верхнеудинском округе Забайкальской области в с. Бичуре на р. Хилке, а также на Чикое.

³ Списано мною с рукописного листка, висевшего на стенке в келье «мастерицы». Стих этот старообрядки поют в посты; он отличается грустным напевом.

Ирвьские (Иргизские?) воды в море утекли,
Его жителей вон вытеснили,
Поселили их блив Ленкорана,
Им свобода там вполне дана,
Арарат гора и Аркас река
В соседстве у них в последние века.
Каспийское море обливает их,
Песчаные степи засыпают их,
И река Ефрат недалече их.
Дождалися мы жестокой зимы,
Выслали всех без всякой вины.
Мы власти повинuemся,
За обидящих Богу молимся.
Построим мы кущи вместо светлых келий,
Мы будем в молчании, вместо громких пеней,
Поминать мы будем про житье свое,
Жили при реке быстрой Уве,
Но время быстрее сей нашей реки,
Оно унесло младые веки.
Цвела обитель более ста лет,
Ныне опустела, уже ее нет.
Звон был удивленный, аки гром гремел,
Собор разных птиц Сладко песни пел.
Теперь все замолкло, и нет ничего,
Погибло, истлело, травой заросло.
Перестаньте петь, веселые птицы!
Скоро улетайте за моря от нас.
Скажите за морем, что уже нас тут нет;
К нам не прилетайте к будущему лету,
Пушай распекает здесь одна сова,
Летучие мыши и воробьев стада.
Прохожий не может без слез пройти,
Разсматривает разные приметы...
Никого не видит, никто не встречает,
Он все обзирая, главою качает.
Где праведный суд?
Его не стало, как превратное время настало.
Коли ж кто изволив Богови служить,
Не треба ему о себе тужить¹.

¹ Последние две строки разнятся по языку и представляют, вероятно, позднейшую приписку.

Старообрядческие толки на Ветке

Старообрядцы на Ветке принадлежали и принадлежат к так называемому поповщинскому толку. В частности, громадное большинство представляет собою приемлющих православных священников, переходящих в старообрядчество и подвергающихся при переходе помазанию миром в знак своего отречения от ереси. Незначительная часть, около двадцати дворов, принадлежат к приемлющим австрийское или белокриницкое священство.

Первые имеют недавно выстроенную отличную молельню в честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Прежняя ветковская церковь сгорела в 1846 г. во время большого пожара, причем иконостас был спасен. Сохранена была от пожара также колокольня, простоявшая лет двадцать пять, под которой долго собирались старообрядцы для молений.

У белокриничан молельня помещается в той же избе, где живет дьячек. Белокриницкое духовенство ветковской молельни держится замкнуто и недоверчиво относится к постороннему наблюдателю.

У беглопоповцев в настоящее время священника нет, подыскивают. Это обстоятельство, однако, не мешает им устраивать продолжительные богослужения, петь и читать священное писание¹.

До настоящего времени Ветка пользуется большим почетом у старообрядцев. Из разных мест наезжают они сюда молиться и ставить «неугасимые». «Неугасимые» — непрерывное чтение кафизм за покойников при зажженных лампадах. «Неугасимая» сорокадневная стоит 10 руб., годовая — 300 руб.; при этом кафизмы читаются четырьмя чтецами попеременно; воскресения и праздники при этом пропускаются, но наверстываются при этом по окончании определенного срока.

Современное местечко Ветка

Отправившись из Гомеля на пароходе вверх по р. Соже, через два часа вы приедете в Ветку. Сож течет очень извилисто по зеленым привольным лугам. Кое-где на берегах ее очерчиваются значительной величины курганы. Ветка открывается взору как-то неожиданно, с хорошенькими домиками и частыми веселыми садами, которые тянутся параллельно реке. По официальным сведениям в Ветке насчитывается 11 тысяч населения, из них старообрядцев теперь только около двух тысяч, большинство же населения евреи. Старообрядцы живут на главной улице, называемой монастырской, а также на Средней, Галеевке, Ивановке, Худояровке и Косецкой; лучшие улицы те, на которых живут старооб-

¹ Накануне праздников всенощная длится от 4 час. пополудни до 10 вечера.

рядцы. Дома строят они светлые и просторные в 3 и 5 окон, выходящих на улицу. Дворы обнесены высокими заборами, в каждом дворе высокие, фундаментально сделанные ворота с крышей и калиткой; кровли, ворота и заборы принято украшать разнообразной, иногда очень красивой, деревянной резьбой. На ночь окна закрываются наглухо плотными ставнями. За воротами около каждого дома — вкопанная в землю скамейка, над которой большинство устраивает маленький навес, деревянный или железный, чтобы можно было и в дождь сидеть за воротами. Внутри дома стены сплошь устанавливаются иконами, перед многими из них горит лампадка, в комнате у зажиточных вы можете насчитать до 10 лампад, — сплошной иконостас.

Одежда

Что касается одежды старообрядцев, то в настоящее время она мало чем отличается от обычной одежды жителей русских местечек. Старики и уставщики, когда идут в молельню, одевают широкие и длинные халаты, а женщины покрываются длинными платками и скрепляют их под подбородком булавкой по-монашески так, как на картине Нестерова «Великий постриг». В некоторых домах до настоящего времени хранятся богатейшие старинные женские наряды; мне, например, случалось видеть прекрасные парчевые кокошники с сеткой жемчуга, спускавшейся на глаза, парчевые летники, бархатные или шелковые летники с золотой очень дорогой бахромой, так называемые «азиятки», — особого рода сарафаны из дорогого шелка; кисейные рубахи, вышитые тамбуром, шелковые «обтегайки», «холодайки» (кофты), «душегрейки», бархатные с золотым шитьем повойники, огромные жемчужные серьги, так называемые «корзинки», «малинки», старинные янтарные серьги, т. н. «желудки», меховые «жерелки» (накидки) и т. п.

Промыслы. Народные обычаи

В Ветке немало весьма зажиточных старообрядцев, имеющих собственные парходы и берлины. Многие занимаются сплавом леса, имеют склады соли, идущей в Черниговскую губернию. Некоторые имеют канатные фабрики. Большинство находит себе заработок на разного рода отходных промыслах, преимущественно на каменных работах. Летом ветковские старообрядцы рассыпаются в равные стороны, зарабатывая хлеб на зиму. Осенью возвращаются домой и Ветка оживает, начинаются веселые попойки. Впрочем, казенная винная лавка здесь торгует всегда как нельзя лучше, так как водку охотно и часто пьют не только мужланы, но и женщины. При появлении гостя, на хозяйском столе немедленно появляется водка и закуска, начинается угощение. Пьют и приговаривают:

— Будем живы, здоровы, да Богу милы, а людям, и Бог не угодить.

Слова: «черт не угодит» произносить избегают, потому что «он это любит, чтоб его чортом называли, возвышается, радуется... Вот бесом ежели назвать, это ему не нравится». Разохотившийся гость или гостья посылает за полбутылкой на свой счет; прежде чем выпить, пьющий с рюмкой в руке, обращается ко всем с пожеланием или просто с ласковым словом:

- Игнатъевна!
- Андревнушка!¹
- Анфим Фомич!
- Настинька!
- Ну, кушайте на доброе здоровье!

А там смотришь, и песню затянули:
 Выпьем же мы да по рюмочке,
 Выпьем же мы да по полненькой,
 Век же наш дуже маленькой...

или:

Как нам не пити, как не гуляти,
 У нашей же хаты парядок идети:
 Павук на ваконце аснову снуети,
 А сучка на лычке двор стережети.²

или:

И по рюмочке и по чашечке,
 И по тому стакану,
 Штобы стали на стану,
 Штоб милый не застал...
 А мой мленький застанет,
 Четвертиночку наставит!..

По верованию старообрядцев, есть мученик (Нифантий), который специально помогает от пьянства. Ему молятся так: «О, св. мученик Нифантий! освободи от винного запоя...».

Хороводы

Светские песни распространены больше среди молодежи. Да и молодежь избегает их петь в посты; в эти дни принято петь духовные стихи, образцы которых приводятся ниже. Весной девушки и парни устраивают веселые «карагоды» (хороводы) и поют «карагодные» песни, как, например,

¹ Андреевна.

² Эта юмористическая песенка заимствована старообрядцами у белорусов

– Во лужках, во лужках,
Во зеленых во лужках,
Ой ли, ой лю-ли¹
Разливалась вода,
Разстилалась трава,
Как по той-ли по траве
Девки водят карагод
Все девочки хараши,
Красавицы пригожи.
Адна девка луччи всех,
У приборе краши всех,
В касе лента шире всех,
На ней шубошка (?) ала,
Душегреечка красна,
В варагод гулять пошла.
Чьего рода, чьего рода?
Как да по имению назвать?
Мое имя Катерина, Московскаво купца дочь.
Атайди малодчик прочь,
Гаварить с тобой не вмочь,
Приступает темна ночь².

Девшники. Свадьба

В Ветке до настоящего времени сохранился обычай перед свадьбой устраивать девшники. Когда порешат отдавать девушку замуж, то первым делом «Богу молятся». Некоторые при этом зовут священника и поют «Всепетую». За несколько дней до венца в доме родителей невесты бывает девшник. Собираются девушки, подружки невесты, и садятся за стол. Приходят парни. Ставится угощение. Девшник начинается такой песней:

Зборщица, зборщица Еленушка,
Собрала подружек к отцу во двор.
Посадила девушек всех за стол (2 раза),
А сама села выше всех,
Склонила головушку ниже всех.
– Отступитесь подруженьки!
Хочет меня тятенька дарити небольшим даром.

¹ Повторяется после каждых двух стихов.

² Другие «карагодные» песни см. в Приложении.

Далее поют, например, такие песни:

Ушь и кто у нас по садику прашел,
Ушь и кто у нас по зеленому,
Ушь и кто у нас добра коня правел,
Ушь и кто у нас вароненькаво,
Мимо терема високенькаво.
А Прасковьюшка в високем терему,
Михайловна у окошечко смотрит.
Ты Прасковьюшка Михайловна,
Сойди с терема високенькаво.
Перейми коня вороненькаво!
– Не сойду я с високаго терема,
Не преиму тваво ворона коня,
Все за ту за грубость за твою,
За великую досадушку,
Что не ходишь во мой зелен сад гулять,
Не садишься на тесовую кровать,
Не цалуешь, не милуешь ты меня,
На правую ручку спать не кладешь.

Виноград в саду растет,
Виноград расцветает,
Ягода, ягода поспиваит.
Виноград, – то Елизар гаспадин,
Ягода, ягода-то Семеновна.
Им же люди дивовалися,
Харошие, пригожие поражалися.
Не дивитися, люди!
Сами сибe наровите,
Харашенько живите...

На другой день после девишника девушки катаются по улицам «на кавалеров счет». А как подъедут к жениховой родне, то поют:

А в нашево свата
Некрытая хата.
Купим куль соломы,
Покроем хоромы,
С лозы, с березы...
Все мы тверезы.

Около свекра поют:
Стой зять за воротьми,
Укройся, закройся соблями, бобрами,
Коврами, бобрами.
Черными соболями,
Штоб я не слыхала,
Как батюшка тужит,
Матушка гарюит.
По улице ездючи:
Да по вишенью
Галушка летала (2 раза),
Крылушки сбивала,
Да по крылушкам
Галушка тужила.
Да на свет мае (?)
Брылушки сивые.
Да люли, люли, сивые.
Да по косыньке
Степанидушка тужила,
Да по русой Ивановна тужила...

После венчанья устраивают вечером званый вечер и молодые дарят гостей медовыми пряниками, являющимися неперемной принадлежностью старообрядческой свадьбы. Гости «отдаривают» молодых деньгами, зерном или домашней скотиной. Особых обычаев, которыми так богаты свадьбы малоросов и белоросов, на старообрядческих свадьбах не наблюдается.

Уставщики. Келейницы-мастерицы (наставницы)

В деле хранения старинных устоев, особое значение имеют уставщики, всегда участвующее в богослужениях, а также келейницы. Уставщики не могут похвалиться книжной мудростью вообще; вся сила их в твердом знании церковного устава.¹ На богослужении они обыкновенно присутствуют в длинных халатах или казакинах и, конечно, с лестовкой (четкой) в руках, большой лестовкой «уставщицкой»; лестовка является неперемной принадлежностью всех молящихся, — мужчин и женщин. Приготавливаются они из кожи или из бисера; молящиеся перебирают пальцами сборки (бубочки) и шепчут молитвы; по объяснению уставщиков 4 сборки или бубочки означают 4 евангелиста, 3 — троицу, 12 —

¹ Говоря о ветковских старообрядцах, я имею в виду приемлющих б. православных священников; но и елокриничане мало чем отличаются от них.

апостолов, 40 — столько недель царица небесная Христа носила, 30 — столько лет Христос на земле жил и наконец, 17 бубочек означают 17 ветхозаветных пророков. Маленькие сборки перемежаются с большими.

— Когда бубочка большая придет, говорят старообрядцы, то надо читать 3 Богородицы...

Особенно благочестивые люди, например, келейницы, каждодневно на лестовках все богослужение «правят».

В келейницы посвящают себя незамужние девушки, большею частью уже пожилые, «христовы невесты». Они живут в маленьких келейках, б. ч. собственных, многие из них занимаются обучением ребятишек часослову, псалтыри и письму церковным уставом. Дети зовут своих учительниц «мастерицами» и это название утвердилось за ними, теперь их так называют все. В келейке мастерицы благолепно: стены почти сплошь уставлены иконами в сияющих ризах и увешаны листками с душеполезными изречениями, сильно накурено ладаном. Что позволено мирскому человеку, то недопустимо келейным.

— Мы келейные, наше дело особенно! — говорила мне келейница Васильевна, упрашивая уничтожить ее фотографический снимок. Дело в том, что сначала было она «впала в ересь», и решила сняться, а потом одумалась... Заветные думы келейниц достаточно ярко выражены в следующем их любимом духовном стихе:

Умоляла мать родная¹
 Свое милое дитя,
 Пред кончиною рыдала,
 О судьбе его грустя!
 — Распростишься со мной навек
 — Ненаглядный мой цветок,
 Скоро будишь сиротою
 Цвесь у поли одилок.
 Мне минута наступила
 Тебе навек покидать,
 Скоро хладная могила
 Разлучит с тобою насъ.
 Ты звезда моя денница
 Не затми своей красы,
 Не згуби себе, девице,
 Не плети ты две касы.²
 Не сменяй волю драгую
 На превлестные цветы;

¹ Стих списан мною в Ветке в старообрядческой рукописи, написанной уставом в недавнее время.

² Не выходи замуж.

На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хоть небогата
И в народе неславна,
Но, как птичка, ты крылата,
Без печали и вольна,
Не забудь того девица:
Твой жених Земли Творец,
Веку будет там граница,
Ты пойдешь с ним под венец.
Рай прекрасный на востоке,
Вечных радостей страна
Не замечена в пороке,
Будешь, дева, отдана.
Лучше царских там палат
Вертограды и сады,
В теремах чертоги златы,
В садах дивные плоды.
Поля там устланы цветами,
Розы запах издают,
Рощи с чудными древами,
Всегда ангелы поют.
И не будет там печали
И веселия конца,
Все угаснут души страсти,
Но лишь радостный покой (?)
Радости текут там реки (?)
Струя воды чище хрусталя (?)
Ты вселишься там навеки...
Мать последней рассказала,
Оградя себя крестом,
На девицу узглянула
И уснула вечным сном...
Не забыла дева слова,
Помнить материй завет,
Без пристрастия земнова,
Жизнь безбрачную ведет.
Ты звезда, моя денница,
Не затми своей красы.
Не сгуби себя, девице,
Не плети те две касы!..

Богомоления келейницы чередуют с обучением ребятишек. В их небольших церковных школах обучение носит исключительно церковный характер, изучают часослов, псалтырь, порядок богослужения... Дети научаются довольно бегло читать по церковно-славянски, но никто никогда не объясняет им смысла читаемого. Сами «мастерицы», разбирая по-печатному, редко умеют подписать свою фамилию и отличаются крайней умственной неразвитостью. Энциклопедией знаний служат для них рукописные тетрадки, заключающие разные наивные вопросы и ответы вроде нижеследующего «разговора 3-х святителей», списанного мною с рукописи, принадлежащей ветковской келейнице. Рукопись написана уставом и озаглавлена так:

«Вопросы и ответы. Беседа трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста». На заглавной странице имеется пометка «Написана сея книга в лето 1898, мес. февр. в неделю 2, день десятый». Из огромного числа вопросов и ответов, содержащихся в рукописи, приведем здесь некоторые, наиболее типичные, напоминающие нам «Голубиную книгу».

Вопрос. Что суть четыре розы на земли?

Ответ. То суть четыре евангелиста.

В. Что суть 4 восточные высокопарные орлы едино яйцо снесли?

О. То есть 4 евангелиста, едино евангелие спесаше и святой церкви предаша, верующим во Христа Бога нашего.

В. Что суть амбом проти царских врат?

О. То есть камень Гроба Господня.

В. Что диакон на амвоне ектению читает?

О. То проповедует ангел Господен о воплощении слова Божия.

В. Кто восхищен бысть до 3-го небеси?

О. Св. Апостол Павел.

В. Кто вниде в рай прежде Христа?

О. Благоразумный разбойник, иже при кресте Господни был распят.

В. От каких частей сотвори Бог первого человека Адама?

О. Тело от земли, кровь от моря, кости от камене, теплота от огня, очи от солнца, мысли от облака, дыхание от Св. Духа.

В. Много ли состав в человеке?

О. 246.

В. Много ли жил в человеке?

О. 365.

В. Много ли зубов в человеке?

О. 32 зуба.

В. Кто состарился и в мать свою вошел?

О. Адам от земли сотворен и в землю вошел. Земля мать Адамова, Адам сын ее.

В. Сколько Адам (про)жил на земле?

- О. 930 лет и тогда умре в Иерусалиме и погребен бысть во Ефросе.
- В. Что есть мой отец, тебе дед, а мне муж, ты же мене брат, а я тебе мать?
- О. Лот праведный, брат Авраамов, живый в Содоме и Гоморе и не предадеся беззаконию их. Однакож, от лукавых дочерей своих не убежал, напоен бысть хмельным квасом, и подеса с ними блудно, и родишася от большия болгары, от средней сараины, от меньшей агаряне.
- В. На колицех сребренницех предаде Июда Господа Нашего Иисуса Христа?
- О. На тридесят сребренницех.
- В. В одном сребреннике колико литр?
- О. ВІ (12) литр.
- В. Что одна литра держит?
- О. 60 рублей. В 30 сребренницех литр 366.
- В. Сколько всего в литрах денежного щоту?
- О. В литрах по нашему по русскому рѣк (120) тысящ рублей, а весом тянет 100 пуд.
- В. Которое озеро езерям мати?
- О. Кремень озеро, что взяло в себе 303 реки.
- В. Кое море морям мати?
- О. Океян море морям великое, в том океяни церковь папы римского.
- В. Кая рыба рыбам мати?
- О. Кит рыба великая, что на тех рыбах основал Бог Землю, всю вселенную; во время пришествия оные рыбы пойдут в глубины морские.
- В. Отчего те кит-рыбы сыты бывают?
- О. Емлют десятую часть райского благоухания; оттого кит-рыбы сыты бывают.
- В. Кая птица птицам мати?
- О. Лаврут птица птицам мати. Она невелика, — с галочну (?). Живет та птица у теплаво моря.
- В. Отчего бывает гром и молния?
- О. Есть два ангела громных и два молних и т.д.

Говор

Гласные.

Говор ветковских старообрядцев принадлежит к числу акающих говоров.

Вместо «о» произносится «а», там где «о» не стоит под ударением, например —

«харошему везде харашо, а плахой удрух лишаится жизни сваей». «Жизния как вална перименяется».

«а» иногда заменяет собою «ы», например,
«распатаю» (распытаю).

«о» остается под ударением неизменным:

«плотют», «бронится», «бронить», «польты», но «разум», «равный» и т.п. остается без ивменения.

«о» заменяется «ы»:

«этый год».

«о» заменяется также «у»:

«Богуродица», «Гусподь», «винувата».

«у» тогда заменяет собою «и»

«мужуки» («мужики»).

«у» заменяет собою «в»

«удова» («вдова»), «унук» («внук»), «укус» («вкус»).

«и» заменяется «е»:

«ктой-то? свае!»

«е» заменяется «ю»:

наплювать (наплевать).

Замена звуков «е», «я» — «святой» произносится «свитой», «пятнадцать» — «питнадцать», «слеза» — «слиза», «гнездо» — «гниздо», «река» — «рика». Вместо «е» употребляется «я»: «ляниться», «клопы от моху бярутся», «соседи подсялились», «легли всяло — встали расвяло», «такия дялишки в нашем гарадишке».

Наоборот, — вместо «я» встречается «е» — «у мене» («у меня»), «взела» («взяла»), «месной» («мясной»), «петно» («пятно»), после «х», «ш», встречается «а» вместо «в» — «хана», «шастой».

Согласные.

«Г» произносится по-украински, то есть как латинское «h», одинаково в словах «гора», «нога», «дуга», «туго», «город», «горох», также как в словах «Бог», «Господь». Букву «г» в окончании родительного падежа местоимений и прилагательных произносят: «таво», «добраво», «слепова», «моево», «нашево» и т.д.

«Хоровод» — проивносят «карагод».

Звуки «ж», «ш» Вместо «ж» иногда произносят «з», например, «земчуг» («жемчуг»), «зябры» («жабры»).

Вместо «с» произносят «ш»: «шкорлупа», «шабля».

«Ч» вместо «ц» и наоборот никогда не произносится.

Иногда «ш» заменяет собою «ч» — «жанить ти (чи) замуж выдавать». «Ш» заменяет собою «ч», например, «подрушник» («подручник»). «Дождь» произносится «дожь».

Пристает гласный — «упорядок» («порядок»).

Приставка согласной — «вуголь» («уголь»).

Отпадение согласной — «колько» («сколько»), «мине колько пришивали».

Множественное число существительных: «глазы» («глава»).

Предложный падеж существительных — «у лес» («в лесу»). Перемещение ударения — «не работают».

Неопределенное наклонение — «бгечь» («бежать»).

Окончание глагола 3 л. мн. ч., — жалять, ходить, носить.

Родительный падеж употребляется вместо дательного: «что будет козы, когда ей минет 7-мой год?».

Сказуемое выражается деепричастием, вместо прошедшего времени на «л» — «самовар закипевши».

В говоре ветковских старообрядцев нередко встречаются малорусские и белорусские слова, заимствованные ими, очевидно, у окрестного населения, таковы, например — «хвороба» («болезнь»), «ачинить» («отворить»), «жинка» («жена»), «доси» («до сих пор»), «луста хлеба» («большой кусок хлеба»), «попытайте» («спросите»), «слухай» («слушай») и т.д.

Образцы местного говора

«Где кладьба, там и приступление». «От харошего телеша, так и щепка хараша». «Кума пеши, — Каню легчи». «Сом животрепящий» («животрепещущий»). «Навармил лань смалой, — и чехонка (рыба) не кушается». «Что-й-то тавое-ча?» («что это такое?»).

«Про кошку говорят: «ана праворная, может и на камушку дастать (пищу себе)».

«На чужой старонушке пакланись и варонушке».

«Выпитый (пьяный) был, да палежал на сырой земле, земле, вот ему и сделалось».

«Тетя, дай хлеба!» — «Не стыдно тебе, статуй такой! нанялся бы на бярлину!»

«Собака лаит, а пан едит».

«Мать рассказывает о ребенке: «Встанет утром, и сейчас: — «я не хочу Богу малиться, у миня галовка балит!» — «Мались» — отвечаю — читай три Богородицы: и за матку, и за батьку, и за себя!», так она молится, — не молится на Бога, а на смавар».

«Когда менинники бывают, то пираги присалают».

«Лыбенята» («лебедята»). «Дитинята» («дети»). «Помилуй нас грешных и жен сердешных». «Два сердца — один дух, два голуба — один слух». «Кто тамотуа?». «Фатажин» («керосин»). «В мою добу» («подобно мне»). «Ездют лошадями» («на лошадях»). «Шутной» («шутник»).

Заключение

Среди населения Черниговской губ. сложилось мнение о старообрядцах (может быть, на основании прошлого), как об опасных, не знающих пощады, соседях. Это видно, например, из следующего ходячего выражения, которым оذрачивают старообрядцев:

«Зарежь, тятка, хохла, — говорит будто бы сын отцу, — я посмотрю, как он будет трепыхаться!»

В настоящее время ветковские старообрядцы показали нам людьми приветливыми и обходительными, но очень консервативными. Иногда на улице и на базаре вы услышите между подвыпившими старообрядцами (а таковые встречаются весьма часто) необычайно свирепую ругань, не употребляемую в печати; за исключением подобных случаев, их обращение друг с другом и с посторонними людьми весьма дружелюбно. Кроме обычных пожеланий, свойственных русскому человеку, вы услышите от них приветствия и пожелания довольно своеобразные. Когда застают человека на молитве, говорят:

— Ангел вам на молитву!

— Спаси Христос! — отвечает другой.

Если обедают:

— Ангел вам за трапезу!

— Спаси Христос. Жалуйте к нам!..

Религиозные обычаи и обряды, ежеминутное опасение не впасть во искушение, — наполняют всю жизнь старообрядца; поэтому особой популярностью пользуются «молитвы Киприановы», против бесовского наваждения; их списывают на листки и заучивают наизусть. К новшествам по-прежнему относятся опасливо. Некоторые, правда, немногие, (преимущественно женщины), считают, например, предосудительным позволить себя фотографировать.

— Зачем сыматься, — говорили они, — еще греха на душухватишь! Раньше етава ничаво не знали, и хлеба больше было!..

В другой раз, увидев, что я фотографирую молодежь, водившую хоровод, старообрядка-старуха разразилась бранью и грозила пойти и сказать «патреотам»... Нужно заметить, что в настоящий момент население Ветки делится на два лагеря, — на «патреотов» и «демократов». Старики и зажиточные старообрядцы состоят в «патреотах» и некоторые из них даже получают «Русское Знамя». Впрочем, более толковые из них уже прониклись сознанием, что та относительная свобода религии, которой они пользуются в настоящее время, завоевана не без содействия «демократов». К инородцам, и в частности, к евреям, старообрядцы относятся терпимо. В 1905 г. в старообрядческой слободе Святской, Черниговской губ. велась усиленная черносотенная агитация, закончившаяся еврейским погромом. В настоящее время, как приходилось наблюдать пишущему

эти строки, слобожане стыдятся этого позорного дела и жалеют, что не остановили шайки громил.

— Канфузно нам теперь это дело, — говорили старообрядцы, — нехарашо... Застоять (защитить) нада було! А то в синагогу ихнюю пошли, заповеди порезали. Нехарашо...

Переселившись в белорусские леса, старообрядцы в течение 200 лет бережно хранят свои старинные устои, хранят вместе с пшеницей и плевелы. Наряду с ценными свойствами народного характера приходится наблюдать досадные пережитки, которые могут быть рассеяны исключительно только светом знания. К сожалению, любознательный, живой ум старообрядческих детей вместо знаний принужден воспринимать окаменелые суррогаты, вроде упомянутой выше «беседы трех святителей». Невежество, впрочем, такое зло, от которого страдает не одна какая-либо группа населения, оно враг всей России.

И. С. Абрамов
М. Воронеж, Черниговск. губ.

Приложение к статье «Старообрядцы на Ветке»

Песни¹

Карагодная

У барина хараша была жена,
У в лакея личши биринавой.
«Да давай лакей (2 раза)
Поменяем на жену».
«Ах, не хочу, барин (2 р.),
Твоя жена часто в гости ходит,
А моя жена — она с дому никуда!»
— «Да, дурак лакей (2 р.)
У салдаты отдам».
— «У салдаты пайду (2 р.)
Жену с сабой вазьму».

Карагодная

Как усем царям служба явлена.
Ой ли, ой, люли,
Маему дружку давно сказано,

¹ Записаны мною в Ветке. И.А.

Ему вперед иттить,
 Большой карагод водить,
 Себе девку выбратьи.
 Ой ли, ой люли,
 Девчоначку бравую
 Белую, румяную,
 За рученьку правую.
 «Ты ж милая мая,
 Уся волюшка твая,
 Ты же заложь, заложь меня,
 Купи ворона коня.
 Как выпоишь, выкормишь,
 Меня молодца выручишь».
 Как усе цари
 С войны пришли;
 Моево дружка ево и в завете нет;
 Только конь бежит,
 На лошади знак лежит,
 – Шляпочка пуховая,
 А в шляпочке еловай (?) платок.
 Мне ж не жаль платка,
 Что платочик носится,
 Только жаль дружка,
 Что с иной водится,
 Что с иной водится,
 А со мной молодой здорится»

Карагодная.

«Хажу я гуляю удоль карагуду,
 Заинька серенький,
 Смотрю, выбираю па всему народу.
 Нашел же, выбрал багатаго тестя.
 Хажу я гуляю удоль карагуду
 Заинька серенький...
 Смотрю выбираю хорошую тещу.
 Нашел же я, выбрал...
 Хажу я гуляю и т.д.
 Себе выбираю маладого шурина.
 Нашел... и т.д.
 Хажу я... и т.д.

Сматрю выбираю
Хорошу своячню и т.д.
Хажу я гуляю и т.д.
Харошу невесту...
Жилею, милею,
Семь раз поцалую.
Хажу я гуляю по всему карагоду,
Зову, завываю всех людей на свадьбу, —
Пожалуйте, люди,
Все ко мне на свадьбу,
А в мене на свадьбе
Пива вина много,
Хлеба, соли тожа.
Я ж напивши пива,
Сваво тестя в рыло,
Са таво же хмелю,
Сваю тещу в шею.
А ты, маладой шурин,
Седлай добра коня,
Съезжай с двора скоро.
А маладой своячине подарю подарочек,
Шелкавый платочик.
Ах, весел я, весел,
Что я один остался
С молодой невестой.
Жилею, милею, семь раз поцалую...

На девишнике поют:

А чия в поле жито не жато (2 р.)
Не жато жито Елизарово,
Не жато жито Ивановича.
Посылаит Марьюшку жито жать.
— Не могу, сударь, головушку поднять,
Со головушки бёло лицо горит,
Со бела лица вся не могу».
— «Марьюшка! тебе в гости завут,
Сидоровна, тебе в гости завуть!»
— «Сейчас, моя радость, соберусь,
Сама пайду, тибе в доме пасажу,
Заставлю работу работать,

Уж и первая работушка для тебя —
Выгоняй с огорода лебедень,
А вторая работушка для тебя —
Поставь самовар для мене.
Уж и третья работушка для тебя —
Сустрень среди двора меня,
Называй меня душечкою,
Уж ты душечка, Марьюшка,
Уж ты душечка, Сидоровна!

Разные наиболее распространенные песни

И бил меня муж,
Колотил меня муж,
Ой, же палочкою,
Да й со скалочкою.
Коханочка моя мамочка,
За што про што долго сердишься?

Ишла Машенька сы дыбровви,
Разчерныя Маши бровки
Со мной говорят.
Пастушка дружка просила:
«Сударь пастушок,
Сударь, сударь пастушочик,
Сударь маленький дружочик,
Не спокинь меня!»
«Ах, ни спокину я сиротину
При широкой, при долине,
Во лужках адну.
Ах, во лужках адну...»
В лужках Машинька гуляла,
За ракитов куст запала,
Пущай мил прайдет,
Ах, пущай мил прайдет.
В Маши сердце не стерпело —
Громким голосом кричала:
«Я, миленький, здесь!»
Мальчик голосу зародовался,
За ракитов куст бросался
Начал цаловать.

Он цалуит и милуит
Машею завет.
Уж ты, Машенька черноброва,
Пачему любишь инова?
Потаму люблю инова,
Што даруит всево много,
А ты ничево.

Окончивши битву, паехал дамой,
Паехал дамой в атеческий дом.
Атец сына сустрачает
Середь же пути.
— Здравов сын да любезнай,
С приездом тибя!
— Здравов, мой да папаша,
Чи жива твая семья?
— Пиред тваим приездом
Случилась беда (2 р.) небольшая,
— Жина сына радила.
Сын атцу да не молвил,
Залился слезми и заплакал,
Паехал дамой
В атеческий дом.
Мать сына встречает
С иконой святой,
Жина маладая с гарючей слезой.
Мать сына прасила:
— Прасти, сын, жине,
— Жина маладая малютку радила.
— Мать мая радная,
Не пращу жини,
Погибла гречанка (?)
Погибла любовь.
Остался малютка
Навек сиратой.
С тебя снимут кафтан,
С меня синий сарафан.
Тебе к войту поведут,
Меня к старосте,
Тебя кнутом будут сечь,
Меня розочкою.

Распространены среди старообрядцев и некоторые «книжные» песни, как, например:

«Уж ты ветка бедная,
Ты куда плывешь» и т.д.

Или:

«Не брани меня, родная,
Что люблю я так ево,
Скушно было дорогая,
Жить одной мне без нево», и т.д.

Духовные стихи¹

Из пустыни старец

Из пустыни старец в царский дом приходит.
Он принес с собою, он принес с собою
Прекрасный камень драгий.
Иосаф царевич спросил Варлаама:
– «Покажи сей камень. Сей камень я увижу,
Познаю цену его!»
– «Удобея ты можешь солнце рукою взяти,
А сего не можешь, а сего не можешь оценить
Во вся веки без конца.
Родила сей камень Пречистая Дева,
Положен во ясли, положен во ясли
И являлся прежде пастухомъ»
– «А купец премудрый, скажи, скажи мне всю тайну,
Как на свет явился, как на свет явился,
И где пребывает камень тот?»
«Той ныне пребывает выше звезд небесных,
Солнца со звездами,
А земля с морями беспрестанно славят завсегда».
Остался царевич без Варлаама,
Стал плакать, навсегда стал плакать:
– «Не хочу я пребывать без старца;
Оставляю царство, во пустыню жить пойду,
Взыщу Варлаама, взыщу.
И я буду светозарен от него,
И я ему буду служить вечно, как отцу».
Сказала пустыня отроку младому:

¹ Списаны мною с рукописей, полученных от ветковских келейниц. И.А.

— «Горько во мне жити, горько во мне жити,
Всегда быти во молитве и в постел!»
«Иосаф царевич: «Как тебе угодно,
Так я буду жити...
Всегда ныне присно и вовеки веков» Аминь.

Стих — заключенному

Поздно, поздно вечером,
Утихнет весь народ,
Усыплется небо звездами,
Необъятный неба свод.
Тут в безмолвии глубоком
И унылой тишине
В заключении жестоком,
Запертой наедине.
Узник тяжело вздыхает,
За полночь сидя без сна
И песнь прощальную припеваешь,
У тюремного окна:
Ветры буйны, полетите
В мой любимой и родной (?)
Весть от меня отнесите,
Что случилось здесь со мной.
Пусть друзья мои узнают,
Мне чреда пришла страдать
И меня пусть не ожидают
В край любимой никогда.
День тот вечно не настанет?
Что в народе быть мне,
— Жизнь моя в грустях завянет
В чужой племенной стране.
В пир веселой раз собрались
Наши близкие друзья
И собравшись, утешались,
В той беседе был и я.
Забыв горя и печали,
Все сидели ввечеру,
Часы быстро пролетали,
Но я мрачен был в пиру,
Что-то грусть мне смущала,

Горькой дух мной обладал,
Буря в сердце волновалась,
А отчего, я сам не знал.
Скоро ж таинство открылось:
тот пир несчастной был,
Не напрасно сердце билось,
Воли он мне лишил,
В клетку с крепкими стенами
Заперт был, посажен за решотками (?)
И замками, грозной стражей окружен.
Кроме неба голубого
Ничего не видать мне было,
Или штык часового
Просверкает мне в окно;
Как еще удар печальной
Надо мною будет раз:
Отошлют мне в край дальней
На изгнание в Кавказ.
Прикуют мою свободу
Ко Болканским горам,
Всех лишат друзей и роду,
Заклучат навечно там.
Пусть мне с родными разлучают,
Развели нас навсегда,
Позабыть я их не в силах,
Не могу я никогда.
Не плачьте родные за мною,
Нидолго нам грустить,
Все окончится с могилой,
Мы там будим вечно жить.
Мы там будим жить вечно,
Без счету, без конца,
И будут беспрестанно веселиться ваши сердца.
Ни долин мне жаль цветущих
В русской родине моей,
Ни долин, ни ручьев текущих,
Сел красивых и полей,
Как остался сад прекрасный,
Где, бывало, я гулял,
Все но нем грустно ужасно
Как бы сад тот не увял!..

«Стих унылой»

Как уныло завываит
Томный тон стройных певцов,
Знать родного провожают
Спать в долине средь гробов.
Скоро ль, долго ли с землею
Все сравняться не минем,
Можит завтра жа зарею
Я усну таким жа сном,
Можит такжа погребальный
Тон раздастся нада мной,
Павтарится стих пращальный
Со святыми упакой,
И никто маи радные
Ни поплачют нада мной
И на гроб руки чюжия
Кинут горсть земли сырой,
И сердешнаво рыданья
Век ни будет нада мной,
Из радных ни буди знать,
В дни обычны поминанья
Век ни будут посещать.
Разве странники унылы
Только сядут пагрустить;
Или кто при пагребеньи
Сердцем к Богу воздохнет,
И в душевном умиленьи,
Слезку теплую пральет,
Или разве мимоходом
Кто из странников найдет.
И уставши на зеленом
Дерни сядет отдохнуть
И вздрогнувшись (?) душою
О усошпем воздохнет.
И никто, друзья былые,
Ни вспомянет аба мне.
Погрустят маи радные
Там, в далекай старане...

Воззрения убежавших в пустыню старообрядцев достаточно ярко выражены в нижеследующем стихе, списанном мною с рукописи, писанной уставом, принадлежащей ветковской келейнице: «Бахксизм при нарушении веры, от отступника Никона, бывшего патриарха. Сия псалма составлена преосвященным Анфимом епископом, который бежал за р. Дунай с донскими казаками, сиречь «некрасовцами».

По грехам нашим на нашу страну
Осени облак зело мрачный.
Солнце угаси лучи светлые
И свет свой не яви на лице земли.
Поздно с вечера в часы дневные
Наступила тьма несветимая.
По пророчеству Данилову
Станет мерзость запустений
На святем месте,
Во церквах святых.
В тысящи шестьсот
Шестьдесят шестой
Антихрист возмути всю вселенную.
Отнял благолепие церковное,
Издад же свою печать мерзвую.
Вместо Христова Креста — крыж латынский,
За святые иконы — картины.
Обладали святыми местами вместо учителей — злые мучители,
Издали свое лже-учение — вместо святых поучений;
За крещение — обливание; вместо ладону табак мерзскую.
В знамение креста двоеперстного,
Щепоть гнусную троеперстную;
За благолепие — брадобритие;
Возлюбили тьму, ненавидим свет.
Никон лютый и с поборники
Потребил книги старописмены,
Издад же свои — новоумыслены,
На погибель душам хританским,
Да увязнут в сеть в неизбежную,
Да наполнен будет ад вселютый
Тьма кромешная, огонь геенский.
Никон лютый и способники
Воздвиже гонение великое,
На содержателей благочесия и пресвятлаго правоверия.
Погубил наших верных пастырей:

Павла, епископа Коломенского,
Царского отца духовного архимандрита Никанора;
Разорил обитель кинонию соловецких чудотворцев;
Погнал веру христианскую в темны леса и пустыню;
Истребил наших верных пастырей;
Запустил церкви без учителей,
Разогнал овец по лицу земли,
Наполнен овцами восток и запад,
Юг и Север и вся концы,
Пожал пшеницу не созрелую,
Уморил верных без причастия.
Пришли к овцам злые волки,
Губят верных пожератели.
Лютые бегуны и предатели,
Кровопийцы и ругатели;
Вземлют с нищих за крещение,
Грабят с больных сирот за причастие.
Оле (?) увы, горе, православнии,
Горько и люто бысть сиротами.
Нет уже прежних наших верных пастырей
Кои душ своих не щадили,
За Христову веру положили,
Преставились наши патриархи,
Скрылись с глаз наших цари и князи!
О горе, братае, в те время,
Аще помяну благочестие
И пресветлое правовое,
Когда процветал крин церковный,
Зело блистал чин священный,
То не можно быть без рыдания,
И без горького воздыхания!
Помолимся мы к Высшему Творцу,
Да подаст нам верных пастырей,
Отогнати от нас злые волки,
Лжи учителя и мучители,
Патриарха Никона ученики,
Лицемеры хищные ехидники.
И чего еще хощем ожидать,
Посреди мира долго пребывать.
Уже жизнь наша скончается,
А день судный приближается.

Сей стих сочинен о разорении соловецких чудотворцев и киногий¹

Как в нас в Москве было на базаре,
Перебор был боярам,
Пересмотр воеводам.
Выбирали большому воеводу Салтыкова
Монастырь разоряти Зосимы, Савватия,
Соловецких чудотворцев.
Как промолвил воевода:
— Не мое, государь, дело
Монастырь разоряти,
Благочестие попрати,
Християн убивати,
Господа Бога прогневати!
Разгневался, распалился
Государь царь на воеводу.
Приказал приступить к делу
Воеводе иному,
Мещеринову лютому.
И собрали козаков четыредесят тысящ,
И приказал царь козакам
Садится в легкие судны
И плысти по синему морю.
И садились козаки на легкие судны,
И поплыли с Мещериновым
Вдоль по синему морю.
И преплыли козаки
Ко острову большому
И в монастырю святому.
Как увидели старцы,
Стали врата затворяти,
И решетками задвигати,
Желтым песком засыпати;
И сказал воевода:
— Вы не бойтесь, старцы,
По обещанию мы к вам приплыли,
Молебны служить,

¹ На уставной рукописи этого стиха есть пометка, что в 1875 г. месяца декабря его писала (списывала?) некая Ольга Широчинкова. Значительно отличающийся вариант находим у г.Маркова «Беломорские Былины», 1901 г., стр. 470.

За царя Бога молити!»
Собиралися старцы в соборную церковь
Молебны служить,
Милости у Бога просити,
И друг с другом прощались.
Один злоумысленный старец
Вышел из соборной церкви
И отверз Мещеринову ворота,
И предал неповинных на смерть
Соловецких чудотворцев.
И понудил воевода соловецких чудотворцев
К новым книгам приступити
По них службы совершати.
Святити же им скавали:
— «Лучше смерть нам получим,
Как нам веры отступити».
И в том часе порубили
Соловецких чудотворцев.
С Москвы почта прибежала:
— «Не рубите, не губите
Соловецких чудотворцев!
А в нас в Москве есть несчастье,
— Государя царя не стало.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Библиография журнала «Живая старина»: 1994-2018. – М.: Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова, 2018. – 176 с.

Журнал «Живая старина» учрежден в 1992 г. Государственным республиканским центром русского фольклора; с 2018 г. учредителем и издателем журнала является Государственный российский дом народного творчества им. В. Д. Поленова. По тематике, целям и задачам журнал продолжает традиции одноименного дореволюционного журнала, издававшегося в 1890-1917 гг. Возобновленная «Живая старина» выходит с 1994 г. В сводную библиографию вошли работы, опубликованные на страницах журнала с 1994 по 2018 г. Отдельные разделы составили список тематических рубрик журнала «Живая старина» за 25 лет его существования и указатель авторов (www.folkcentr.ru).

Статьи об истории и культуре старообрядцев на страницах «Живой старины» с 1994 г.

1. Амосова С. Н. «Вот латыш со старовером поспорили...» (рассказы о межэтнических отношениях в Латгалии в межвоенный период) // 2003/16, с. 24-27.
2. Амосова С. Н. «Сказание о 12 пятницах» в рукописных тетрадках из Латгалии. – 3/15, с. 41-43.
3. Амосова С. Н., Гехт М. Б. Материалы экспедиции к старообрядцам г. Прейли (Латвия). – 3/12, с. 58-59.
4. Амосова С. Н., Погодина С. И., Вятчина М. В. Экспедиции в Латгалию. – 2/15, с. 21-24.
5. Бахтин В. С. Рассказы старообрядцев (Из полевых тетрадей). – 4/95, с. 43-44.
6. Бахтин В. С. Экспедиции в русские старообрядческие поселения Польши, Румынии, Болгарии и Монголии. – 1/99, с. 40-42.
7. Белова О. В. Чудесные камни древнерусских рукописных сборников. – 3/16, с. 14-16.
8. Ванякина А. Е. Ветхозаветные легенды старообрядцев Кировской области. – 3/02, с. 7-9.
9. Гацак В. М. Бахтина В. А., Капица Ф. С. Духовные стихи русских-липован Румынии. – 1/97, с. 28-31.

10. Гусев В. Е. Бесы в «Житии» Аввакума и народная демонология. — 2/94, с. 14-17.
11. Данилко Е. С. Экспедиции к южноуральским старообрядцам. — 4/01, с. 41-42.
12. Денисов А. В. Литургические источники некоторых духовных стихов о Страстях Христовых. — 4/02, с. 19-22.
13. Державин В. Л. Староверы Груманта. — 3/18, с. 7-10.
14. Дынникова И. В. Младенческая и смертная одежда в культуре староверов-часовенных Латинской Америки. — 3/16, с. 37-41.
15. Енговатова М. А. Экспедиция 1977 г. по старообрядческим селам Бурятии. — 1/00, 2-я с. обложки.
16. Зудин А. И. Легенды липован Краснодарского края. — 4/07, с. 47-50.
17. Зудин А. И. Ритуальная медицинская практика старообрядцев-липован Кубани. — 2/13, с. 21-23
18. Зудин А. И. Христианские легенды старообрядцев хутора Новопокровского — 3/07, с. 11-13.
19. Зудин А. И. Этиологические легенды казаков-некрасовцев. — 3/13, с. 39-42.
20. Зудин А. И. Легенды липован Краснодарского края. — 4/07, с. 47-50.
21. Зудин А. И. Ритуальная медицинская практика старообрядцев-липован Кубани. — 2/13, с. 21-23.
22. Зудин А. И. Христианские легенды старообрядцев хутора Новопокровского. — 3/07, с. 11-13.
23. Зудин А. И. Этиологические легенды казаков-некрасовцев. — 3/13, с. 39-42.
24. Ильина Ю. Н., Канева Т. С., Прокуратова Е. В. Рассказы цилемских старообрядцев. — 1/10, с. 59-61.
25. Канева Т. С., Прокуратова Е. В. Цилемские экспедиции Сыктывкарского государственного университета 2007-2008 гг. — 1/10, с. 58-59.
26. Касаткина Р. Ф. Орегонские старообрядцы. — 4/05, с. 51-54.
27. Кляус В. Л. Экспедиция к семейским Укыра. — 2/99, с. 50.
28. Кляус В. Л. Экспедиция к семейским Чикоя. — 2/98, с. 48.
29. Кляус В. Л., Левитт М. Российско-американская экспедиция «Песни и обряды староверов Забайкалья». — 2/01, с. 49.
30. Королёва С. Ю., Беломестнова А. С. «Живешь ты там одна, к чему?» (из личной переписки уральских старообрядцев-бегунов). — 4/16, с. 6-10.
31. Лучшева Э. А. Сказочные птицы старообрядческих лубков. — 4/97, с. 13-14
32. Маринеску М. Фольклор русских-липован Румынии в записях 1959-1992 гг. Предисловие В. М. Гацака. — 4/95, с. 37-42.

33. Матхеева Л. Б. Почитание икон у семейских Забайкалья. – 3/02, с. 20-24.
34. Медведева В. Н. Последние «дети» Игната. – 2/02, 2-я с. обложки.
35. Морозова Н. А., Новиков Ю. А. «Отец рыбак и сын в воду смотрит...» (рыболовный промысел у старообрядцев Западного Причудья). – 2/09, с. 32-35.
36. Моррис М.-В. Удивительное путешествие «Anima Christi». – 1/18, с. 25-28.
37. Моррис (Юмсунова) Т. Одежда староверов Орегона. – 3/16, с. 32-37.
38. Моррис (Юмсунова) Т. Б. Память о Романовке. – 3/07, с. 26-29.
39. Моррис Р., Моррис (Юмсунова) Т. Б. Русские староверы на Аляске. – 1/10, с. 43-46.
40. Моррис Р., Моррис (Юмсунова) Т. Б. Свадебный обряд у старообрядцев Орегона. – 2/07, с. 15-18.
41. Никитина (Медведева) В. Н. Русские «дети» Турции. – 2/17, 2-я с. обложки.
42. Никитина С. Е. В мире верхокамских старообрядцев (из воспоминаний). – 2/18, с. 18-21.
43. Новиков Ю. А. Духовные стихи русских старожилов Литвы. – 3/94, с. 35-37.
44. Паунова Е. В. Уголок России в Добрудже: Экспедиция фольклорного ансамбля «Раздивье». – 2/98, с. 49-50, 3-я с. обложки.
45. Паунова Е. В. Народные рассказы о святых у румынских липован. – 2/99, с. 46-47.
46. Паунова Е. В. «Умирает каждый по-своему...»: Погребальный обряд астраханских липован. – 1/00, с. 17-20.
47. Пигарева С. И. «Пока мы поём – мы будем жить...» (о песнях казаков-некрасовцев). – 3/10, с. 59-62.
48. Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII-XX вв. – 4/14, с. 34-37.
49. Платонов Е. В. Народные молитвы и духовные стихи Новгородской области. – 4/04, с. 35-37.
50. Плотникова А. А. «Бабьи кашки»: слово и ритуал в динамике народной традиции у староверов Добруджи. – 4/18, с. 2-6.
51. Плотникова А. А. Беседы о ведьмах (по материалам экспедиции к липованам Румынии). – 4/08, с. 19-22.
52. Плотникова А. А. Об экспедиции к латгальским староверам. – 4/16, с. 50-53.
53. Покровский Н. Н. Рукопись сибирских старообрядцев на бересте. – 1/95, с. 28-39.
54. Разумовская Е. Н. Песни орегонских староверов. – 4/12, с. 41-44.

55. Рычкова Е. В. «Народная Библия» зауральских старообрядцев. — 1/15, с. 47-49.

56. Свешникова Н. В., Медведева Т. Н. Старообрядцы Самодуровки (Саратовская область). — 1/10, с. 40-43.

57. Сморгунова Е. М. «А где он Антихрист — нам секрет»: Эсхатологические представления современных пермских староверов. — 4/98, с. 31-34.

58. Соловьева Н. Е. Северные старообрядцы: взгляд извне. — 3/07, с. 29-31.

59. Титова Л. В. Духовные стихи в берестяной книге Афанасия Герасимова. — 1/95, с. 40-41.

60. Узенёва Е. С. Старообрядцы в Болгарии. — 3/07, с. 24-26.

61. Федорова С. В. Духовные стихи Карелии: особенности географического распределения. — 4/05, с. 11-13.

62. Хирьянова Л. В. Экспедиция к старообрядцам Белгородской области. — 2/09, с. 46-48.

63. Ахметова М. В. Фольклорная традиция Верхокамья. — 3/03, с. 41-45.

64. Т. Б. Празднование Троицы у семейских Забайкалья. — 2/04, с. 29-32.

65. Юмсунова Т. Б. Родильно-крестильный обряд у семейских Забайкалья. — 2/01, с. 2-5.

66. Юмсунова Т. Б., Любимова Г. В. «Ходили на крест просить дождя...». — 1/02, с. 41-42.

67. Юмсунова Т. Б., Майоров А. П. Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья. — 1/00, с. 10-13.

Учебное электронное издание

Этнокультурное наследие стран и регионов
Том 24

**Материалы по истории и культуре старообрядчества
на страницах журнала «Живая старина»**

Учебно-методическое пособие — хрестоматия

Составитель **Трушкова** Ирина Юрьевна

Уч.-изд. л. 6,7.
Заказ 402. Тираж 100 экз.
Цена свободная.

ООО «Издательство «Аверс»
610020, г. Киров, ул. Труда, 70.
Тел.: 8 (833-2) 47-42-77, +7 (905) 870-88-77.
E-mail: avers@kirovnet.net